

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Володя большой и Володя малекій.—Учитель словесности.—Въ усадьбѣ.—Студентъ.—Сосѣди.—Три года.—Убийство.—Ариадна.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
20-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-62

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
<http://rcin.org.pl>

ВОЛОДЯ БОЛЬШОЙ И ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКІЙ.

— Пустите меня, я хочу сама править! Я сяду рядомъ съ ямщикомъ!—говорила громко Софья Львовна.—Ямщикъ, погоди, я сяду съ тобой на козлы.

Она стояла въ саняхъ, а ея мужъ Владиміръ Никитычъ и другъ дѣтства Владиміръ Михайлычъ держали ее за руки, чтобы она не упала. Тройка неслась быстро.

— Я говорилъ, не слѣдовало давать ей коньяку,—шепнулъ съ досадою Владиміръ Никитычъ своему слутнику.—Экій ты, право!

Полковникъ зналъ по опыту, что у такихъ женщинъ, какъ его жена Софья Львовна, вслѣдъ за бурною, немножко пьяною веселостію обыкновенно наступаетъ истерическій смѣхъ и потомъ плачь. Онъ боялся, что теперь, когда они пріѣдутъ домой, ему, вмѣсто того чтобы спать, придется возиться съ компрессами и каплями.

— Тпрр!—кричала Софья Львовна.—Я хочу править!

Она была искренно весела и торжествовала. Въ послѣдніе два мѣсяца, съ самаго дня свадьбы, ее томила мысль, что она вышла за полковника Ягича по расчету и, какъ говорится, *par dépit*; сегодня же въ загородномъ ресторанѣ она убѣдилась, наконецъ, что любитъ его страстно. Несмотря на свои пятьдесятъ четыре года, онъ былъ такъ строенъ, ловокъ, гибокъ, такъ мило каламбурилъ и подпѣвалъ цыганкамъ. Право, теперь старики въ тысячу разъ интереснѣе молодыхъ, и похоже на то, какъ будто старость и молодость помѣнялись своими ролями. Полковникъ старше ея отца на два года, но можетъ ли это обстоятельство имѣть какое-

нибудь значеніе, если, говоря по совѣсти, жизненной силы, бодрости и свѣжести въ немъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ ней самой, хотя ей только двадцать три года?

«О, мой милый!—думала она.—Чудный!»

Въ ресторанѣ она также убѣдилась, что отъ прежняго чувства въ ея душѣ не осталось даже искры. Къ другу дѣтства Владиміру Михайлычу или, попросту, Володѣ, котораго она еще вчера любила до сумасбродства, до отчаянія, теперь она чувствовала себя совершенно равнодушной. Сегодня весь вечеръ онъ казался ей вялымъ, соннымъ, неинтереснымъ, ничтожнымъ, и его хладнокровіе, съ какимъ онъ обыкновенно уклоняется отъ платежа по рестораннымъ счетамъ, на этотъ разъ возмутило ее, и она едва удержалась, чтобы не сказать ему: «Если вы бѣдный, то сидите дома». Платилъ одинъ только полковникъ.

Оттого, быть-можетъ, что въ глазахъ у нея мелькали деревья, телеграфные столбы и сугробы, самыя разнообразныя мысли приходили ей въ голову. Она думала: по счету въ ресторанѣ уплачено сто двадцать и цыганамъ — сто, и завтра она, если захочетъ, можетъ бросить на вѣтеръ хоть тысячу рублей, а два мѣсяца назадъ, до свадьбы, у нея не было и трехъ рублей собственныхъ, и за каждымъ пустякомъ приходилось обращаться къ отцу. Какая перемена въ жизни!

Мысли у нея путались, и она вспоминала, какъ полковникъ Ягичъ, ея теперешній мужъ, когда ей было лѣтъ десять, ухаживалъ за тетей, и всѣ въ домѣ говорили, что онъ погубилъ ее, и въ самомъ дѣлѣ тетя часто выходила къ обѣду съ заплаканными глазами и все куда-то уѣзжала, и говорили про нее, что она, бѣдняжка, не находитъ себѣ мѣста. Онъ былъ тогда очень красивъ и имѣлъ необычайный успѣхъ у женщинъ, такъ что его зналъ весь городъ, и рассказывали про него, будто онъ каждый день ѣздилъ съ визитами къ своимъ поклонницамъ, какъ докторъ къ больнымъ. И теперь, даже несмотря на сѣдину, морщины и очки, иногда его худощавое лицо, особенно въ профиль, кажется прекраснымъ.

Отецъ Софьи Львовны былъ военнымъ докторомъ и служилъ когда-то въ одномъ полку съ Ягичемъ. Отецъ Володи тоже былъ военнымъ докторомъ и тоже служилъ когда-то въ одномъ полку съ ея отцомъ и съ Ягичемъ. Несмотря

на любовныя приключенія, часто очень сложныя и безпкойныя, Володя учился прекрасно; онъ кончилъ курсъ въ университетѣ съ большимъ успѣхомъ и теперь избралъ своею спеціальностью иностранную литературу и, какъ говорятъ, пишетъ диссертацию. Живеть онъ въ казармахъ, у своего отца, военного доктора, и не имѣеть собственныхъ денегъ, хотя ему уже тридцать лѣтъ. Въ дѣтствѣ Софья Львовна и онъ жили въ разныхъ квартирахъ, но подъ одною крышей, и онъ часто приходилъ къ ней играть, и ихъ вмѣстѣ учили танцевать и говорить по-французски; но когда онъ выросъ и сдѣлался стройнымъ, очень красивымъ юношей, она стала стыдиться его, потомъ полюбила безумно и любила до послѣдняго времени, пока не вышла за Ягича. Онъ тоже имѣлъ необыкновенный успѣхъ у женщинъ, чуть ли не съ четырнадцати лѣтъ, и дамы, которыя для него измѣняли своимъ мужьямъ, оправдывались тѣмъ, что Володя маленькій. Про него недавно кто-то рассказывалъ, будто бы онъ, когда былъ студентомъ, жилъ въ номерахъ, поближе къ университету, и всякій разъ, бывало, какъ постучишься къ нему, то слышались за дверью его шаги и затѣмъ извиненіе вполголоса: «Pardon, je ne suis pas seul». Ягичъ приходилъ отъ него въ восторгъ и благословлялъ его на дальнѣйшее, какъ Державинъ Пушкина, и, повидимому, любилъ его. Оба они по цѣлымъ часамъ молча играли на бильярдѣ или въ пикетъ, и если Ягичъ ѣхалъ куда-нибудь на тройкѣ, то бралъ съ собою и Володю, и въ тайны своей диссертациі Володя посвящалъ только одного Ягича. Въ первое время, когда полковникъ былъ помоложе, они часто попадали въ положеніе соперниковъ, но никогда не ревновали другъ къ другу. Въ обществѣ, гдѣ они бывали вмѣстѣ, Ягича прозвали Володей большимъ, а его друга—Володей маленькимъ.

Въ саняхъ, кромѣ Володи большого, Володи маленькаго и Софьи Львовны, находилась еще одна особа—Маргарита Александровна, или, какъ ее всѣ звали, Рита, кузина госпожи Ягичъ, дѣвушка уже за тридцать, очень блѣдная, съ черными бровями, въ *rinse-nez*, курившая папиросы безъ передышки, даже на сильномъ морозѣ; всегда у нея на груди и на колѣняхъ былъ пецель. Она говорила въ носъ, растягивая каждое слово, была холодна, могла пить ликеры и коньякъ, сколько угодно, и не пьянѣла, и двусмысленные

анекдоты рассказывала вяло, безвкусно. Дома она отъ утра до вечера читала толстые журналы, обсыпая ихъ пепломъ, или кушала мороженныя яблоки.

— Соня, перестань бѣситься, — сказала она нараспѣвъ. — Право, глупо даже.

Въ виду заставы тройка понеслась тише, замелькали дома и люди, и Софья Львовна присмирѣла, прижалась къ мужу и вся отдалась своимъ мыслямъ. Володя маленькій сидѣлъ противъ. Теперь уже къ веселымъ, легкимъ мыслямъ стали примѣшиваться и мрачныя. Она думала: этому чело-вѣку, который сидитъ противъ, было извѣстно, что она его любила, и онъ, конечно, вѣрилъ разговорамъ, что она вышла за полковника *par dѣpit*. Она еще ни разу не признава-лась ему въ любви и не хотѣла, чтобы онъ зналъ, и скры-вала свое чувство, но по лицу его видно было, что онъ превосходно понималъ ее — и самолюбіе ея страдало. Но въ ея положеніи унизительнѣе всего было то, что послѣ свадьбы этотъ Володя маленькій вдругъ сталъ обращать на нее вниманіе, чего раньше никогда не бывало; проси-живалъ съ ней по цѣлымъ часамъ молча или болтая о пустя-кахъ, и теперь въ саняхъ, не разговаривая съ нею, онъ слегка наступалъ ей на ногу и пожималъ руку; очевидно, ему того только и нужно было, чтобы она вышла замужъ; и очевидно было, что онъ презираетъ ее, и что она воз-буждаетъ въ немъ интересъ лишь извѣстнаго свойства, какъ дурная и непорядочная женщина. И когда въ ея душѣ тор-жество и любовь къ мужу мѣшались съ чувствомъ униженія и оскорбленной гордости, то ею овладѣвалъ задоръ и хотѣ-лось тогда сѣсть на козлы и кричать, подсвистывать...

Какъ разъ въ то самое время, когда проѣзжали мимо женскаго монастыря, раздался ударъ большого тысяченудо-ваго колокола. Рита перекрестилась.

— Въ этомъ монастырѣ наша Оля, — сказала Софья Львовна и тоже перекрестилась и вздрогнула.

— Зачѣмъ она пошла въ монастырь? — спросилъ пол-ковникъ.

— *Par dѣpit*, — сердито отвѣтила Рита, очевидно намекая на бракъ Софьи Львовны съ Ягичемъ. — Теперь въ модѣ это *par dѣpit*. Вызовъ всему свѣту. Была хохотушка, от-чаянная кокетка, любила только балы да кавалеровъ и вдругъ — на, поди! Удивила!

— Это неправда, — сказала Володя маленькій, опуская воротникъ шубы и показывая свое красивое лицо. — Тутъ не *par dépit*, а сплошной ужасъ, если хотите. Ея брата, Дмитрія, сослали въ каторжныя работы, и теперь неизвѣстно, гдѣ онъ. А мать умерла съ горя.

Онъ опять поднялъ воротникъ.

— И хорошо сдѣлала Оля, — добавилъ онъ глухо. — Жить на положеніи воспитанницы, да еще съ такимъ золотомъ, какъ Софья Львовна, — тоже подумать надо!

Софья Львовна услышала въ его голосѣ презрительный тонъ и хотѣла сказать ему дерзость, но промолчала. Ею опять овладѣлъ тотъ же задоръ; она поднялась на ноги и крикнула плачущимъ голосомъ:

— Я хочу къ утренѣ! Ямщикъ, назадъ! Я хочу Олю видѣть!

Повернули назадъ. Звонъ монастырскаго колокола былъ густой, и, какъ казалось Софьѣ Львовнѣ, что-то въ немъ напоминало объ Олѣ и ея жизни. Зазвонили и въ другихъ церквахъ. Когда ямщикъ осадилъ тройку, Софья Львовна выскочила изъ саней и одна, безъ провожатаго, быстро пошла къ воротамъ.

— Скорѣй, пожалуйста! — крикнулъ ей мужъ. — Уже поздно!

Она прошла темными воротами, потомъ по аллеѣ, которая вела отъ воротъ къ главной церкви, и сибжокъ хрустѣлъ у нея подъ ногами, и звонъ раздавался уже надъ самою головой и, казалось, проникалъ во все ея существо. Вотъ церковная дверь, три ступеньки внизъ, затѣмъ притворъ съ изображеніями святыхъ по обѣ стороны, запахло можжевельникомъ и ладаномъ, опять дверь, и темная фигура отворяетъ ее и кланяется низко-низко... Въ церкви служба еще не начиналась. Одна монашенка ходила около иконостаса и зажигала свѣчи на ставникахъ, другая зажигала паникадило. Тамъ и сямъ, ближе къ колоннамъ и боковымъ придѣламъ, стояли неподвижно черныя фигуры. «Значить, какъ онѣ стоятъ теперь, такъ ужъ не сойдутъ до самаго утра», — подумала Софья Львовна, и ей показалось тутъ темно, холодно, скучно, — скучнѣе, чѣмъ на кладбищѣ. Она съ чувствомъ скуки поглядѣла на неподвижныя, застывшія фигуры, и вдругъ сердце у нея сжалось. Почему-то въ одной изъ монашенокъ, небольшого роста, съ худенькими плечами и съ черною косынкой на головѣ она узнала Олю, хотя Оля, когда уходила въ монастырь, была

полная и какъ будто повыше. Нерѣшительно, сильно волнуясь отчего-то, Софья Львовна подошла къ послушницѣ и черезъ плечо поглядѣла ей въ лицо, и узнала Олю.

— Оля! — сказала она и всплеснула руками, и ужъ не могла говорить отъ волненія.—Оля!

Монашенка тотчасъ же узнала ее, удивленно подняла брови, и ея блѣдное, недавно умытое, чистое лицо и даже, какъ показалось, ея бѣлый платочекъ, который виденъ былъ изъ-подъ косынки, просіяли отъ радости.

— Вотъ Господь чудо послалъ, — сказала она и тоже всплеснула своими худыми, блѣдными ручками.

Софья Львовна крѣпко обняла ее и поцѣловала, и боялась при этомъ, чтобы отъ нея не пахло виномъ.

— А мы сейчасъ ѣхали мимо и вспомнили про тебя, — говорила она, запыхавшись, какъ отъ быстрой ходьбы.— Какая ты блѣдная, Господи! Я... я очень рада тебя видѣть. Ну, что? Какъ? Скучаешь?

Софья Львовна оглянулась на другихъ монахинь и продолжала уже тихимъ голосомъ:

— У насъ столько перемѣнъ... Ты знаешь, я замужъ вышла за Ягича, Владиміра Никитича. Ты его помнишь, навѣрное... Я очень счастлива съ нимъ.

— Ну, слава Богу. А папа твой здоровъ?

— Здоровъ. Часто про тебя вспоминаетъ. Ты же, Оля, приходи къ намъ на праздникахъ. Слышишь?

— Приду, — сказала Оля и усмѣхнулась. — Я на второй день приду.

Софья Львовна, сама не зная отчего, заплакала и минутку плакала молча, потомъ вытерла глаза и сказала:

— Рита будетъ очень жалѣть, что тебя не видѣла. Она тоже съ нами. И Володя туть. Они около воротъ. Какъ бы они были рады, если бы ты повидалась съ ними! Пойдемъ къ нимъ, вѣдь служба еще не начиналась.

— Пойдемъ, — согласилась Оля.

Она перекрестилась три раза и вмѣстѣ съ Софьей Львовной пошла къ выходу.

— Такъ ты говоришь, Сонечка, счастлива? — спросила она, когда вышли за ворота.

— Очень

— Ну, слава Богу.

Володя большой и Володя маленькій, увидѣвъ монашенку,

вышли изъ саней и почтительно поздоровались; оба были замѣтно тронуты, что у нея блѣдное лицо и черное монашеское платье, и обоимъ было пріятно, что она вспомнила про нихъ и пришла поздороваться. Чтобы ей не было холодно, Софья Львовна укутала ее въ пледъ и прикрыла одною полою своей шубы. Недавнія слезы облегчили и прояснили ей душу, и она была рада, что эта шумная, беспокойная и въ сущности нечистая ночь неожиданно кончилась такъ чисто и кротко. И чтобы удержать подольше около себя Олю, она предложила:

— Давайте ее прокачимъ! Оля, садись, мы немножко.

Мужчины ожидали, что монашенка откажется—святые на тройкахъ не ѣздятъ, — но къ ихъ удивленію она согласилась и сѣла въ сани. И когда тройка помчалась къ заставѣ, всѣ молчали и только старались, чтобы ей было удобно и тепло, и каждый думалъ о томъ, какая она была прежде и какая теперь. Лицо у нея теперь было безстрастное, мало выразительное, холодное и блѣдное, прозрачное, будто въ жилахъ ея текла вода, а не кровь. А года два-три назадъ она была полной, румяной, говорила о женихахъ, хохотала отъ малѣйшаго пустяка...

Около заставы тройка повернула назадъ; когда она минутъ черезъ десять остановилась около монастыря, Оля вышла изъ саней. На колокольнѣ уже перезванивали.

— Спаси васъ Господи,—сказала Оля и низко, по-монашески, поклонилась.

— Такъ ты же приходи, Оля.

— Приду, приду.

Она быстро пошла и скоро исчезла въ темныхъ воротахъ. И послѣ этого почему-то, когда тройка поѣхала дальше, стало грустно-грустно. Всѣ молчали. Софья Львовна почувствовала во всемъ тѣлѣ слабость и пала духомъ; то, что она заставила монашенку сѣсть въ сани и прокатиться на тройкѣ, въ нетрезвой компаніи, казалось ей уже глупымъ, безтактнымъ и похожимъ на кощунство; вмѣстѣ съ хмелемъ у нея прошло и желаніе обманывать себя, и для нея уже ясно было, что мужа своего она не любитъ и любить не можетъ, что все вздоръ и глупость. Она вышла изъ расчета, потому что онъ, по выраженію ея институтскихъ подругъ, безумно богатъ, и потому что ей страшно было оставаться въ старыхъ дѣвахъ, какъ Рита, и потому, что

надоѣлъ отецъ-докторъ и хотѣлось досадить Володѣ маленькому. Если бы она могла предположить, когда выходила, что это такъ тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какія блага въ свѣтѣ не согласилась бы вѣнчаться. Но теперь бѣды не поправишь. Надо мириться.

Пріѣхали домой. Ложась въ теплую мягкую постель и укрываясь одѣяломъ, Софья Львовна вспомнила темный притворъ, запахъ ладана и фигуры у колоннъ, и ей было жутко отъ мысли, что эти фигуры будутъ стоять неподвижно все время, пока она будетъ спать. Утренняя будетъ длинная-длинная, потомъ часы, потомъ обѣдня, молебенъ...

«Но вѣдь Богъ есть, навѣрное есть, и я непременно должна умереть, значитъ, надо рано или поздно подумать о душѣ, о вѣчной жизни, какъ Оля. Оля теперь спасена, она рѣшила для себя всѣ вопросы... Но если Бога нѣтъ? Тогда пропала ея жизнь. То-есть какъ пропала? Почему пропала?»

А черезъ минуту въ голову опять лѣзетъ мысль:

«Богъ есть, смерть непременно придетъ, надо о душѣ подумать. Если Оля сію минуту увидитъ свою смерть, то ей не будетъ страшно. Она готова. А главное, она уже рѣшила для себя вопросъ жизни. Богъ есть... да... Но неужели нѣтъ другого выхода, какъ только идти въ монастырь? Вѣдь идти въ монастырь — значитъ отречься отъ жизни, погубить ее...»

Софья Львовна становилось немножко страшно; она спрятала голову подъ подушку.

— Не надо объ этомъ думать, — шептала она. — Не надо...

Ягичъ ходилъ въ сосѣдней комнатѣ по ковру, мягко звеня шпорами, и о чемъ-то думалъ. Софья Львовна пришла мысль, что этотъ человѣкъ близокъ и дорогъ ей только въ одномъ: его тоже зовутъ Владиміромъ. Она сѣла на постель и позвала нѣжно:

— Володя!

— Что тебѣ? — отозвался мужъ.

— Ничего.

Она опять легла. Послышался звонъ, быть-можетъ, тотъ же самый монастырскій, припомнились ей опять притворъ и темныя фигуры, забродили въ головѣ мысли о Богѣ и неизбѣжной смерти, и она укрылась съ головой, чтобы не слышать звона; она сообразила, что прежде чѣмъ насту-

пять старость и смерть, будетъ еще тянуться длинная-длинная жизнь, и изо дня въ день придется считаться съ близостью нелюбимаго человѣка, который вотъ пришелъ уже въ спальню и ложится спать, и придется душить въ себѣ безнадежную любовь къ другому—молодому, обаятельному, и, какъ казалось ей, необыкновенному. Она взглянула на мужа и хотѣла пожелать ему доброй ночи, но вмѣсто этого вдругъ заплакала. Ей было досадно на себя.

— Ну, начинается музыка!—проговорилъ Ягичъ, дѣлая удареніе на *зы*.

Она успокоилась, но поздно, только къ десятому часу утра; она перестала плакать и дрожать всѣмъ тѣломъ, но зато у ней начиналась сильная головная боль. Ягичъ торопился къ поздней обѣднѣ и въ сосѣдней комнатѣ ворчалъ на денщика, который помогаль ему одѣваться. Онъ вошелъ въ спальню разъ, мягко звеня шпорами, и взялъ что-то, потомъ въ другой разъ—уже въ эполетахъ и орденахъ, чуть-чуть прихрамывая отъ ревматизма, и Софѣ Львовнѣ показалось почему-то, что онъ ходитъ и смотритъ какъ хищникъ.

Она слышала, какъ Ягичъ позвонилъ у телефона.

— Будьте добры, соедините съ Васильевскими казармами!—сказалъ онъ; а черезъ минуту:—Васильевскія казармы? Пригласите, пожалуйста, къ телефону доктора Салимовича...—И еще черезъ минуту:—Съ кѣмъ говорю? Ты, Володя? Очень радъ. Попроси, милый, отца пріѣхать сейчасъ къ намъ, а то моя супруга сильно расклеилась послѣ вчерашняго. Нѣтъ дома, говоришь? Гм... Благодарю. Прекрасно... премного обяжешь... Merci.

Ягичъ въ третій разъ вошелъ въ спальню, нагнулся къ женѣ, перекрестилъ ее, далъ ей поцѣловать свою руку (женщины, которыя его любили, цѣловали ему руку, и онъ привыкъ къ этому) и сказалъ, что вернется къ обѣду. И вышелъ.

Въ двѣнадцатомъ часу горничная доложила, что пришли Владиміръ Михайлычъ. Софья Львовна, пошатываясь отъ усталости и головной боли, быстро надѣла свой новый удивительный калотъ сиреневаго цвѣта, съ мѣхвою обшивкой, наскоро кое-какъ причесалась; она чувствовала въ своей душѣ невыразимую нѣжность и дрожала отъ радости и страха, что онъ можетъ уйти. Ей бы только взглянуть на него.

Володя маленькій пришелъ съ визитомъ, какъ слѣдуетъ, во фракъ и въ бѣломъ галстукѣ. Когда въ гостиную вошла Софья Львовна, онъ поцѣловаль у нея руку и искренно пожалѣль, что она нездорова. Потомъ, когда сѣли, похвалиль ее капоть.

— А меня разстроило вчерашнее свиданіе съ Олей, — сказала она. — Сначала мнѣ было жутко, но теперь я ей завидую. Она — несокрушимая скала, ео съ мѣста не сдвинешь; но неужели, Володя, у нея не было другого выхода? Неужели погребать себя заживо, значить рѣшать вопросъ жизни? Вѣдь это смерть, а не жизнь.

При воспоминаніи объ Олѣ на лицѣ у Володи маленькаго показалось умиленіе.

— Вотъ вы, Володя, умный человекъ, — сказала Софья Львовна: — научите меня, чтобы я поступила точно такъ же, какъ она. Конечно, я невѣрующая и въ монастырь не пошла бы, но вѣдь можно сдѣлать что-нибудь равносильное. Мнѣ не легко живется, — продолжала она, помолчавъ немного. — Научите же... Скажите мнѣ что-нибудь убѣдительное. Хоть одно слово скажите.

— Одно слово? Извольте: тарарабумбѣя.

— Володя, за что вы меня презираете? — спросила она живо. — Вы говорите со мной какимъ-то особеннымъ, протитомъ, фатовскимъ языкомъ, какъ не говорятъ съ друзьями и съ порядочными женщинами. Вы имѣете успѣхъ, какъ ученый, вы любите науку, но отчего вы никогда не говорите со мной о наукѣ? Отчего? Я не достойна?

Володя маленькій досадливо поморщился и сказалъ.

— Отчего это вамъ такъ вдругъ науки захотѣлось? А, можетъ, хотѣте конституціи? Или, можетъ, севрюжини съ хрѣномъ?

— Ну, хорошо, я ничтожная, дрянная, безпринципная, недалекая женщина... У меня тьма, тьма ошибокъ, я психопатка, испорченная, и меня за это презирать надо. Но вѣдь вы, Володя, старше меня на десять лѣтъ, а мужъ старше меня на тридцать лѣтъ. Я росла на вашихъ глазахъ, и если бы вы захотѣли, то могли бы сдѣлать изъ меня все, что вамъ угодно, хоть ангела. Но вы... (голосъ у нея дрогнулъ), поступаете со мной ужасно. Ягичъ женился на мнѣ, когда уже постарѣль, а вы...

— Ну, полно, полно, — сказалъ Володя, садясь поближе

и цѣлуя ей обѣ руки.—Предоставимъ Шопенгауерамъ философствовать и доказывать все, что имъ угодно, а сами будемъ цѣловать эти ручки.

— Вы меня презираете и если бы вы знали, какъ я страдаю отъ этого!—сказала она нерѣшительно, заранее зная, что онъ ей не повѣритъ.—А если бы вы знали, какъ мнѣ хочется измѣниться, начать новую жизнь! Я съ восторгомъ думаю объ этомъ,—проговорила она, и въ самомъ дѣлѣ прослезилась отъ восторга.—Быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, имѣть цѣль въ жизни...

— Ну, ну, ну, пожалуйста, не ломайтесь! Не люблю!—сказалъ Володя, и лицо его приняло капризное выражение.—Ей Богу, точно на сценѣ. Будемъ держать себя по-человѣчески

Чтобы онъ не разсердился и не ушелъ, она стала оправдываться и въ угоду ему насильно улыбнулась, и опять заговорила объ Олѣ и про то, какъ ей хочется рѣшить вопросъ своей жизни, стать человѣкомъ.

— Тара...ра...бумбія...—запѣлъ онъ вполголоса.—Тара...ра...бумбія!

И неожиданно взявъ ее за талию. А она, сама не зная, что дѣлаетъ, положила ему на плечи руки и минуту съ восхищеніемъ, точно въ чадѣ какомъ-то, смотрѣла на его умное, насмѣшливое лицо, лобъ, глаза, прекрасную бороду...

— Ты самъ давно знаешь, я люблю тебя, — созналась она ему и мучительно покраснѣла, и почувствовала, что у нея даже губы судорожно pokrивились отъ стыда.—Я тебя люблю. Зачѣмъ же ты меня мучаешь?

Она закрыла глаза и крѣпко поцѣловала его въ губы, и долго, пожалуй, съ минуту, никакъ не могла кончить этого поцѣлуя, хотя знала, что это неприлично, что онъ самъ можетъ осудить ее, можетъ войти прислуга...

— О, какъ ты меня мучаешь!—повторила она.

Когда черезъ полчаса онъ, получившій то, что ему нужно было, сидѣлъ въ столовой и закусывалъ, она стояла передъ нимъ на колѣняхъ и съ жадностью смотрѣла ему въ лицо, и онъ говорилъ ей, что она похожа на собачку, которая ждетъ, чтобъ ей бросили кусочекъ ветчины. Потомъ онъ посадилъ ее къ себѣ на одно колѣно и, качая какъ ребенка, запѣлъ:

— Тара... рабумбія... Тара... рабумбія!

А когда онъ собрался уходить, она спрашивала его страстнымъ голосомъ:

— Когда? Сегодня? Гдѣ?

И она протянула къ его рту обѣ руки, какъ бы желая схватить отвѣтъ даже руками

— Сегодня едва ли это удобно, — сказалъ онъ, подумавъ.— Вотъ развѣ завтра.

И они разстались. Передъ обѣдомъ Софья Львовна поѣхала въ монастырь къ Олѣ, но тамъ сказали ей, что Оля гдѣ-то по покойникѣ читаетъ псалтирь. Изъ монастыря она поѣхала къ отцу и тоже не застала дома, потомъ перемѣнила извозчика и стала ѣздить по улицамъ и переулкамъ безъ всякой цѣли, и каталась такъ до вечера. И почему-то при этомъ вспомнилась ей та самая тетя съ заплаканными глазами, которая не находила себѣ мѣста.

А ночью опять каталась на тройкахъ и слушали цыганъ въ загородномъ ресторанѣ. И когда опять проѣзжали мимо монастыря, Софья Львовна вспоминала про Олю, и ей становилось жутко отъ мысли, что для дѣвушекъ и женщинъ ея круга нѣтъ другого выхода, какъ не переставая кататься на тройкахъ и лгать, или же идти въ монастырь, убивать плоть... А на другой день было свиданіе, и опять Софья Львовна ѣздила по городу одна на извозикѣ и вспоминала про тетю.

Черезъ недѣлю Володя маленькій бросилъ ее. И послѣ этого жизнь пошла попрежнему, такая же неинтересная, тоскливая и иногда даже мучительная. Полковникъ и Володя маленькій играли подолгу на бильярдѣ и въ пикетъ, Рита безвкусно и вяло рассказывала анекдоты, Софья Львовна все ѣздила на извозикѣ и просила мужа, чтобы онъ покаталъ ее на тройкѣ.

Заѣзжая почти каждый день въ монастырь, она надоѣдала Олѣ, жаловалась ей на свои невыносимыя страданія, плакала и при этомъ чувствовала, что въ келью вмѣстѣ съ нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное, а Оля машинально, тономъ заученнаго урока говорила ей, что все это ничего, все пройдетъ и Богъ проститъ.

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Послышался стукъ лошадиныхъ копытъ о бревенчатый полъ; вывели изъ конюшни сначала вороного «Графа Нулина», потомъ бѣлаго «Великана», потомъ сестру его «Майку». Все это были превосходныя и дорогія лошади. Старикъ Шелестовъ осѣдлалъ «Великана» и сказалъ, обращаясь къ своей дочери Маншѣ:

— Ну, Марія Годфруа, иди садись. Опля!

Манша Шелестова была самой младшей въ семьѣ; ей было уже 18 лѣтъ, но въ семьѣ еще не отвыкли считать ее маленькой и потому все звали ее Маней и Манюсей; а послѣ того, какъ въ городѣ побывалъ циркъ, который она усердно посѣщала, ее все стали звать Маріей Годфруа.

— Опля! — крикнула она, садясь на «Великана».

Сестра ея Варя сѣла на «Майку», Никитинъ — на «Графа Нулина», офицеры — на своихъ лошадей, и длинная красивая кавалькада, пестрѣя бѣлыми офицерскими кителями и черными амазонками, шагомъ потянулась со двора.

Никитинъ замѣтилъ, что, когда сѣдился на лошадей и потомъ выѣхали на улицу, Манюся почему-то обращала вниманіе только на него одного. Она озабоченно оглядывала его и «Графа Нулина» и говорила:

— Вы, Сергѣй Васильичъ, держите его все время на мундштукѣ. Не давайте ему пугаться. Онъ притворяется.

И оттого ли, что ея «Великанъ» былъ въ большой дружбѣ съ «Графомъ Нулинымъ», или выходило это случайно, она,

какъ вчера и третьяго дня, ѣхала все время рядомъ съ Никитинымъ. А онъ глядѣлъ на ея маленькое стройное тѣло, сидѣвшее на бѣломъ гордомъ животномъ, на ея тонкій профиль, на цилиндръ, который вовсе не шелъ къ ней и дѣлалъ ее старѣе, чѣмъ она была,—глядѣлъ съ радостью, съ умилениемъ, съ восторгомъ, слушалъ ее, мало понималъ и думалъ:

«Даю себѣ честное слово, клянусь Богомъ, что не буду робѣть и сегодня же объяснюсь съ ней»...

Быль седьмой часъ вечера—время, когда бѣлая акація и сирень пахнутъ такъ сильно, что, кажется, воздухъ и сами деревья стынутъ отъ своего запаха. Въ городскомъ саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ, говоръ, хлопанье калитокъ. Встрѣчные солдаты козыряли офицерамъ, гимназисты кланялись Никитину; и, видимо, всѣмъ гуляющимъ, спѣшившимъ въ садъ на музыку, было очень пріятно глядѣть на кавалькаду. А какъ тепло, какъ мягки на видъ облака, разбросанныя въ беспорядкѣ по небу, какъ кротки и уютны тѣни тополей и акацій,—тѣни, которыя тянутся черезъ всю широкую улицу и захватываютъ на другой сторонѣ дома до самыхъ балконовъ и вторыхъ этажей!

Выѣхали за городъ и побѣжали рысью по большой дорогѣ. Здѣсь уже не пахло акаціей и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полемъ, зеленѣли молодая рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи. Куда ни взглянешь, вездѣ зелено, только кое-гдѣ чериѣютъ бахчи, да далеко влѣво, на кладбищѣ, бѣлѣетъ полоса отцвѣтающихъ яблонь.

Проѣхали мимо боенъ, потомъ мимо пивовареннаго завода, обогнали толпу солдатъ-музыкантовъ, спѣшившихъ въ загородный садъ.

— У Полянскаго очень хорошая лошадь, я не спорю,—говорила Манюся Никитину, указывая глазами на офицера, ѣхавшаго рядомъ съ Варей.—Но она бракованная. Совсѣмъ ужь некстати это бѣлое пятно на лѣвой ногѣ и, поглядите, головой закидываетъ. Теперь ужь ее ничѣмъ не отучишь, такъ и будетъ закидывать, пока не издохнетъ.

Манюся была такой же страстной лошадиницей, какъ и ея отецъ. Она страдала, когда видѣла у кого-нибудь хорошую лошадь, и была рада, когда находила недостатки

у чужихъ лошадей. Никитинъ же ничего не понималъ въ лошадяхъ, для него было рѣшительно все равно, держать ли лошадь на поводьяхъ или на мундштукѣ, скакать ли рысью или галопомъ; онъ только чувствовалъ, что поза у него была неестественная, напряженная и что поэтому офицеры, которые умѣютъ держаться на сѣдлѣ, должны нравиться Манюсъ больше, чѣмъ онъ. И онъ ревновалъ ее къ офицерамъ.

Когда ѣхали мимо загороднаго сада, кто-то предложилъ заѣхать и выпить сельтерской воды. Заѣхали. Въ саду росли одни только дубы; они стали распускаться только недавно, такъ что теперь сквозь молодую листву виденъ былъ весь садъ съ его эстрадой, столиками, качелями, видны были всѣ вороньи гнѣзда, похожія на большія шапки. Всадники и ихъ дамы сѣли около одного изъ столиковъ и потребовали сельтерской воды. Къ нимъ стали подходить знакомые, гулявшіе въ саду. Между прочимъ подошли военный докторъ въ высокихъ сапогахъ и капельмейстеръ, дождавшійся своихъ музыкантовъ. Должно-быть, докторъ припаялъ Никитина за студента, потому что спросилъ:

— Вы изволили на каникулы пріѣхать?

— Нѣтъ, я здѣсь постоянно живу, — отвѣтилъ Никитинъ. — Я служу преподавателемъ въ гимназій.

— Неужели? — удивился докторъ. — Такъ молоды и уже учительствуете?

— Гдѣ же молодъ? Мнѣ 26 лѣтъ... Слава Тебѣ Господи.

— У васъ и борода, и усы; но все же на видъ вамъ нельзя дать больше 22—23 лѣтъ. Какъ вы моложавы!

«Что за свинство! — подумалъ Никитинъ. — И этотъ считаетъ меня молокососомъ!»

Ему чрезвычайно не нравилось, когда кто-нибудь заводилъ рѣчь объ его молодости, особенно въ присутствіи женщинъ или гимназистовъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ и поступилъ на службу, онъ сталъ ненавидѣть свою моложавость. Гимназисты его не боялись, старики величали молодымъ человѣкомъ, женщины охотнѣе танцовали съ нимъ, чѣмъ слушали его длинныя разсужденія. И онъ дорого далъ бы за то, чтобы постарѣть теперь лѣтъ на десять.

Изъ сада поѣхали дальше, на ферму Шелестовыхъ. Здѣсь остановились около воротъ, вызвали жену приказчика Пра-

сковью и потребовали парного молока. Молока никто не стал пить, все переглянулись, засмѣялись и поскакали назадъ. Когда ѣхали обратно, въ загородномъ саду уже играла музыка; солнце спряталось за кладбище, и половина неба была багрова отъ зари.

Манюся опять ѣхала рядомъ съ Никитинымъ. Ему хотѣлось заговорить о томъ, какъ страстно онъ ее любитъ, но онъ боялся, что его услышатъ офицеры и Варя, и молчалъ. Манюся тоже молчала, и онъ чувствовалъ, отчего она молчитъ и почему ѣдетъ рядомъ съ нимъ, и былъ такъ счастливъ, что земля, небо, городскіе огни, черный силуэтъ пивовареннаго завода — все сливалось у него въ глазахъ во что-то очень хорошее и ласковое, и ему казалось, что его «Графъ Нулицъ» ѣдетъ по воздуху и хочетъ вскарабкаться на багровое небо.

Пріѣхали домой. На столѣ въ саду уже кипѣлъ самоваръ, и на одномъ краю стола со своими пріятелями, чиновниками окружного суда, сидѣлъ старикъ Шелестовъ и, по обыкновенію, что-то критиковалъ.

— Это хамство! — говорилъ онъ. — Хамство и больше ничего. Да-съ, хамство-съ!

Никитину съ тѣхъ поръ, какъ онъ влюбился въ Манюсю, все нравилось у Шелестовыхъ: и домъ, и садъ при домѣ, и вечерній чай, и плетеные стулья, и старая нянька, и даже слово «хамство», которое любилъ часто произносить старикъ. Не нравилось ему только изобиліе собакъ и кошекъ, да египетскіе голуби, которые уныло стонали въ большой клѣткѣ на террасѣ. Собакъ дворовыхъ и комнатныхъ было такъ много, что за все время знакомства съ Шелестовыми онъ научился узнавать только двухъ: Мушку и Сома. Мушка была маленькая облѣзлая собачонка съ мохнатою мордой, злая и избалованная. Никитина она ненавидѣла; увидѣвъ его, она всякій разъ склоняла голову на бокъ, скалила зубы и начинала: «ррр... нга-нга-нга-нга... ррр...»

Потомъ садилась подъ стулъ. Когда же онъ пытался прогнать ее изъ-подъ своего стула, она заливалась пронзительнымъ лаемъ, а хозяева говорили:

— Не бойтесь, она не кусается. Она у насъ добрая.

Сомъ же представлялъ изъ себя огромнаго чернаго пса ча длинныхъ ногахъ и съ хвостомъ, жесткимъ какъ палка. За обѣдомъ и за чаемъ онъ обыкновенно ходилъ молча

подъ столомъ и стучалъ хвостомъ по сапогамъ и по ножкамъ стола. Это былъ добрый глупый песъ, но Никитинъ терпѣть его не могъ за то, что онъ имѣлъ привычку класть свою морду на колѣни обѣдающимъ и пачкать съюной брюки. Никитинъ не разъ пробовалъ бить его по большому лбу колодой ножа, щелкалъ по носу, бранился, жаловался, но ничто не спасало его брюки отъ пятенъ.

Послѣ прогулки верхомъ, чай, варенье, сухари и масло показались очень вкусными. Первый стаканъ всѣ выпили съ большимъ апетитомъ и молча, передъ вторымъ же принялись спорить. Споры всякій разъ за чаемъ и за обѣдомъ начинала Варя. Ей было уже 23 года, она была хороша собой, красивѣе Манюси, считалась самою умной и образованной въ домѣ и держала себя солидно, строго, какъ это и подобало старшей дочери, занявшей въ домѣ мѣсто покойной матери. На правахъ хозяйки она ходила при гостяхъ въ блузѣ, офицеровъ величала по фамилии, на Манюсю глядѣла какъ на дѣвочку и говорила съ нею тономъ классной дамы. Называла она себя старою дѣвой — значитъ, была увѣрена, что выйдетъ замужъ.

Всякій разговоръ даже о погодѣ она непременно сводила на споръ. У нея была какая-то страсть—ловить всѣхъ на словѣ, уличать въ противорѣчьи, придираться къ фразѣ. Вы начинаете говорить съ ней о чемъ-нибудь, а она уже пристально смотритъ вамъ въ лицо и вдругъ перебиваетъ: «Позвольте, позвольте, Петровъ, третьяго дня вы говорили совсѣмъ противоположное!»

Или же она насмѣшливо улыбается и говоритъ: «Однако, я замѣчаю, вы начинаете проповѣдывать принципы третьяго отдѣленія. Поздравляю васъ».

Если вы сострили или сказали каламбуръ, тотчасъ же вы слышите ея голосъ: «Это старо!» или: «Это плоско!» Если же остритъ офицеръ, то она дѣлаетъ презрительную гримасу и говоритъ: «Арррмейская острота!»

И это «ррр...» выходило у нея такъ внушительно, что Мушка непременно отвѣчала ей изъ-подъ стула: «ррр... нга-нга-нга...»

Теперь за чаемъ споръ начался съ того, что Никитинъ заговорилъ о гимназическихъ экзаменахъ.

— Позвольте, Сергѣй Васильичъ, — перебила его Варя. — Вотъ вы говорите, что ученикамъ трудно. А кто вино-

вать, позвольте васъ спросить? Напримѣръ, вы задали ученикамъ VIII класса сочиненіе на тему: «Пушкинъ, какъ психологъ». Во-первыхъ, нельзя задавать такихъ трудныхъ темъ, а во-вторыхъ, какой же Пушкинъ психологъ? Ну, Щедрицъ или, положимъ, Достоевскій — другое дѣло, а Пушкинъ великій поэтъ и больше ничего.

— Щедрицъ самъ по себѣ, а Пушкинъ самъ по себѣ, — угрюмо отвѣтилъ Никитинъ.

— Я знаю, у васъ въ гимназій не признаютъ Щедрина, но не въ этомъ дѣло. Вы скажите мнѣ, какой же Пушкинъ психологъ?

— А то развѣ не психологъ? Извольте, я приведу вамъ примѣры.

И Никитинъ продекламировалъ нѣсколько мѣстъ изъ Онѣгина, потомъ изъ Бориса Годунова.

— Никакой не вижу тутъ психологін, — вздохнула Варя. — Психологомъ называется тотъ, кто описываетъ изгибы человѣческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

— Я знаю, какой вамъ нужно психологін! — обидѣлся Никитинъ. — Вамъ нужно, чтобы кто-нибудь палилъ мнѣ тупой палкою палецъ и чтобы я оралъ во все горло — это, по-вашему, психологія.

— Плюско! Однако, вы все-таки не доказали мнѣ: почему же Пушкинъ психологъ?

Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узостью или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого, то обыкновенно онъ вскакивалъ съ мѣста, хваталъ себя обѣими руками за голову и начиналъ со стономъ бѣгать изъ угла въ уголъ. И теперь то же самое: онъ вскочилъ, схватилъ себя за голову и со стономъ прошелся вокругъ стола, потомъ сѣлъ поодаль.

За него вступились офицеры. Штабсъ-капитанъ Поляскій сталъ увѣрять Варю, что Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ психологъ, и въ доказательство привелъ два стиха изъ Лермонтова; поручикъ Гернетъ сказалъ, что если бы Пушкинъ не былъ психологомъ, то ему не поставили бы въ Москвѣ памятника.

— Это хамство! — доносилось съ другого конца стола. — Я такъ и губернатору сказалъ: это, ваше превосходительство, хамство!

— Я больше не спорю!—крикнулъ Никитинъ.—Это его же царствію не будетъ конца! Basta! Ахъ, да поди ты прочь, поганая собака!—крикнулъ онъ на Сома, который положилъ ему на колѣни голову и лапу.

«Ррр... нга-нга-нга...» послышалось изъ-подъ стула.

— Сознайтесь, что вы не правы! — крикнула Варя. — Сознайтесь!

Но приняли гости-барышни, и споръ прекратился самъ собою. Всѣ отирались въ залъ. Варя сѣла за рояль и стала играть танцы. Протанцовали сначала вальсъ, потомъ польку, потомъ кадрили съ grand-rond, которое провель по всѣмъ комнатамъ штабсъ-капитанъ Полянский, потомъ опять стали танцовать вальсъ.

Старики во время танцевъ сидѣли въ залѣ, курили и смотрѣли на молодежь. Между ними находился и Шебалдинъ, директоръ городского кредитнаго общества, славившійся своей любовью къ литературѣ и сценическому искусству. Онъ положилъ начало мѣстному «Музыкально-драматическому кружку» и самъ принималъ участіе въ спектакляхъ, играя почему-то всегда только однихъ смѣшныхъ лакеевъ или читая нараспѣвъ «Грѣшнику». Звали его въ городѣ муміей, такъ какъ онъ былъ высокъ, очень тонкъ, жилистъ и имѣлъ всегда торжественное выраженіе лица и тусклые неподвижные глаза. Сценическое искусство онъ любилъ такъ искренно, что даже брилъ себѣ усы и бороду, а это еще больше дѣлало его похожимъ на мумію.

Послѣ grand-rond онъ нерѣшительно, какъ-то бокомъ подошелъ къ Никитину, кашлянулъ и сказалъ:

— Я имѣлъ удовольствіе присутствовать за чаемъ во время спора. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Мы съ вами единомышленники и мнѣ было бы очень пріятно поговорить съ вами. Вы изволили читать «Гамбургскую драматургію» Лессинга?

— Нѣтъ, не читалъ.

Шебалдинъ ужаснулся и замахалъ руками такъ, какъ будто ожегъ себѣ пальцы, и, ничего не говоря, попятился отъ Никитина. Фигура Шебалдина, его вопросъ и удивленіе показались Никитину смѣшными, но онъ все-таки подумалъ:

«Въ самомъ дѣлѣ неловко. Я—учитель словесности, а до сихъ поръ еще не читалъ Лессинга. Надо будетъ прочесть».

Передъ ужиномъ всё, молодые и старые, сѣли играть въ «судьбу». Взяли двѣ колоды картъ: одну сдали всёмъ поровну, другую положили на столъ рубашкой вверхъ.

— У кого на рукахъ эта карта, — началъ торжественно старикъ Шелестовъ, поднимая верхнюю карту второй колоды: — тому судьба пойти сейчасъ въ дѣтскую и поцѣловаться тамъ съ няней.

Удовольствіе цѣловаться съ няней вышло на долю Шелестова. Всѣ гурьбой окружили его, повели въ дѣтскую и со смѣхомъ, хлопая въ ладони, заставили поцѣловаться съ няней. Поднялся шумъ, крикъ...

— Не такъ страстно! — кричалъ Шелестовъ, плача отъ смѣха. — Не такъ страстно!

Никитину выпала судьба исповѣдывать всёхъ. Онъ сѣлъ на стулъ среди залы. Принесли шаль и накрыли его съ головой. Первой пришла къ нему исповѣдываться Варя.

— Я знаю ваши грѣхи, — началъ Никитинъ, глядя въ потемкахъ на ея строгій профиль. — Скажите мнѣ, сударыня, съ какой это стати вы каждый день гуляете съ Полянскимъ? Охъ, не даромъ, не даромъ она съ гусаромъ!

— Это плоско, — сказала Варя и ушла.

Затѣмъ подъ шалью заблестѣли большіе неподвижные глаза, обозначился въ потемкахъ милый профиль и запахло чѣмъ-то дорогимъ, давно знакомымъ, что напоминало Никитину комнату Манюси.

— Марія Годфруа, — сказалъ онъ и не узналъ своего голоса — такъ онъ былъ нѣженъ и мягокъ: — въ чемъ вы грѣшны?

Манюся прищурила глаза и показала ему кончикъ языка, потомъ засмѣялась и ушла. А черезъ минуту она уже стояла среди залы, хлопала въ ладони и кричала:

— Ужинать, ужинать, ужинать!

И всё повалили въ столовую.

За ужиномъ Варя опять спорила и на этотъ разъ съ отцомъ. Полянскій солидно ѣлъ, пилъ красное вино и рассказывалъ Никитину, какъ онъ разъ зимою, будучи на войнѣ, всю ночь простоялъ по колено въ болотѣ; непріятель былъ близко, такъ что не позволялось ни говорить, ни курить, ночь была холодная, темная, дулъ пронзительный вѣтеръ. Никитинъ слушалъ и косился на Манюсю. Она глядѣла на него неподвижно, не мигая, точно задумалась о

чемъ-то или забылась... Для него это было и пріятно, и мучительно.

«Зачѣмъ она на меня такъ смотритъ?—мучился онъ. — Это неловко. Могутъ замѣтить. Ахъ, какъ она еще молода, какъ наивна!»

Гости стали расходиться въ полночь. Когда Никитинъ вышелъ за ворота, во второмъ этажѣ дома хлопнуло окошко и показалась Манюся.

— Сергѣй Васильчъ! — окликнула она.

— Что прикажете?

— Вотъ что... — проговорила Манюся, видимо, придумывая, что бы сказать. — Вотъ что... Полянской обѣщалъ прійти на-дняхъ со своей фотографіей и снять всѣхъ насъ. Надо будетъ собраться.

— Хорошо.

Манюся скрылась, окно хлопнуло и тотчасъ же въ домѣ кто-то заигралъ на роялѣ.

«Ну, домъ!—думалъ Никитинъ, переходя черезъ улицу.— Домъ, въ которомъ стонуть одни только египетскіе голуби, да и тѣ потому, что иначе не умѣютъ выражать своей радости!»

Но не у однихъ только Шелестовыхъ жилось весело. Не прошелъ Никитинъ и двухсотъ шаговъ, какъ и изъ другого дома послышались звуки рояля. Прощелъ онъ еще немного и увидѣлъ у воротъ мужика, играющаго на бала-лайкѣ. Въ саду оркестръ грянулъ понури изъ русскихъ пѣсенъ...

Никитинъ жилъ въ полуверстѣ отъ Шелестовыхъ, въ квартирѣ изъ восьми комнатъ, которую онъ нанималъ за триста рублей въ годъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, учителемъ географіи и исторіи Ипполитомъ Ипполитычемъ. Этотъ Ипполитъ Ипполитычъ, еще не старій человѣкъ, съ рыжею бородкой, курносый, съ лицомъ грубоватымъ и не интеллигентнымъ, какъ у мастера, но добродушнымъ, когда вернулся домой Никитинъ, сидѣлъ у себя за столомъ и поправлялъ ученическія карты. Самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ считалось у него по географіи черченіе картъ, а по исторіи—знаніе хронологіи; по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ и синимъ карандашомъ поправлялъ карты своихъ учениковъ и ученицъ, или же составлялъ хронологическія таблички.

— Какая сегодня великолепная погода! — сказал Никитинъ, входя къ нему. — Удивляюсь вамъ, какъ это вы можете сидѣть въ комнатѣ.

Ипполитъ Ипполитычъ былъ человекъ не разговорчивый; онъ или молчалъ, или же говорилъ только о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно. Теперь онъ отвѣтилъ такъ:

— Да, прекрасная погода. Теперь май, скоро будетъ настоящее лѣто. А лѣто не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а лѣтомъ и безъ печей тепло. Лѣтомъ отгроешь ночью окна и все-таки тепло, а зимой — двойныя рамы и все-таки холодно.

Никитинъ посидѣлъ около стола не больше минуты и соскучился.

— Спокойной ночи! — сказалъ онъ, поднимаясь и зѣвая. — Хотѣлъ-было я рассказать вамъ нѣчто романтическое, меня касающееся, но вѣдь вы — географія! Начнешь вамъ о любви, а вы сейчасъ: «Въ какомъ году была битва при Калкѣ?» Ну васъ къ чорту съ вашими битвами и съ Чукотскими носами!

— Что же вы сердитесь?

— Да досадно!

И, досадуя, что онъ не объяснился еще съ Манюсей и что ему не съ кѣмъ теперь поговорить о своей любви, онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ. Въ кабинетѣ было темно и тихо. Лежа и глядя въ потемки, Никитинъ сталъ почему-то думать о томъ, какъ черезъ два или три года онъ поѣдетъ зачѣмъ-нибудь въ Петербургъ, какъ Манюся будетъ провожать его на вокзалъ и плакать; въ Петербургѣ онъ получитъ отъ нея длинное письмо, въ которомъ она будетъ умолять его скорѣе вернуться домой. И онъ напишетъ ей... Свое письмо начнетъ такъ: милая моя крыса...

— Именно, милая моя крыса, — сказалъ онъ и засмѣялся.

Ему было неудобно лежать. Онъ подложилъ руки подъ голову и задралъ лѣвую ногу на спинку дивана. Стало удобно. Между тѣмъ окно начало замѣтно блѣднѣть, на дворѣ заголосили сонные пѣтухи. Никитинъ продолжалъ думать о томъ, какъ онъ вернется изъ Петербурга, какъ встрѣтитъ его на вокзалѣ Манюся и, вскрикнувъ отъ радости, бросится ему на шею; или, еще лучше, онъ схитритъ: крѣдетъ ночью потихоньку, кухарка отворитъ ему,

потомъ на цыпочкахъ пройдетъ онъ въ спальню, безшумно раздѣнется и—бултыхъ въ постель! А она проснется и—о радость!

Воздухъ совсѣмъ поблѣлъ. Кабинета и окна уже не было. На крылечкѣ шивовареннаго завода, того самаго, мимо котораго сегодня проѣзжали, сидѣла Манюся и что-то говорила. Потомъ она взяла Никитина подъ-руки и пошла съ нимъ въ загородный садъ. Тутъ онъ увидѣлъ дубы и воронья гнѣзда, похожія на шапки. Одно гнѣздо закачалось, выглянуль изъ него Шебалдинъ и громко крикнулъ: «Вы не читали Лессинга!»

Никитинъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и открылъ глаза. Передъ диваномъ стоялъ Иннолнть Иннолнтычъ и, откинувъ назадъ голову, надѣвалъ галстукъ.

— Вставайте, пора на службу,—говорилъ онъ.—А въ одеждѣ спать нельзя. Отъ этого одежда портится. Спать надо въ постели, раздѣвшись...

И онъ, по обыкновенію, сталъ длинно и съ разстановкой говорить о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно.

Первый урокъ у Никитина былъ по русскому языку, во второмъ классѣ. Когда онъ ровно въ девять часовъ вошелъ въ этотъ классъ, то здѣсь, на черной доскѣ, были написаны мѣломъ двѣ большія буквы: М. Ш. Это, вѣроятно, значило: Маша Шелестова.

«Ужъ пронюхали, подлецы...—подумалъ Никитинъ.—И откуда они все знаютъ?»

Второй урокъ по словесности былъ въ пятомъ классѣ. И тутъ на доскѣ было написано М. Ш., а когда онъ, кончивъ урокъ, выходилъ изъ этого класса, сзади него раздался крикъ, точно въ театральномъ райкѣ:

— Ура-а-а! Шелестова!!

Отъ спанья въ одеждѣ было не хорошо въ головѣ, тѣло изнемогало отъ лѣни. Ученики, каждый день ждашіе роспуска передъ экзаменами, ничего не дѣлали, томились, шалили отъ скуки. Никитинъ тоже томился, не замѣчалъ шалостей и то и дѣло подходилъ къ окну. Ему была видна улица, ярко освѣщенная солнцемъ. Надъ домами прозрачное голубое небо, птицы, а далеко-далеко, за зелеными садами и домами, просторная, безконечная даль съ синѣющими рощами, съ дымкомъ отъ бѣгущаго поѣзда...

Вотъ по улицѣ въ тѣни акацій, играя хлыстиками, про-

или два офицера въ бѣлыхъ кителяхъ. Вотъ на линейкѣ проѣхала куча евреевъ съ сѣдыми бородами и въ картузахъ. Гувернантка гуляеть съ директорскою внучкой... Пробѣжалъ куда-то Сомъ съ двумя дворняжками... А вотъ, въ простенькомъ сѣромъ платьѣ въ красныхъ чулочкахъ, держа въ рукѣ «Вѣстникъ Европы», прошла Варя. Была, должно-быть, въ городской библиотекѣ...

А уроки кончатся еще не скоро—въ три часа! Послѣ же уроковъ пужно идти не домой и не къ Шелестовымъ, а къ Вольфу на урокъ. Этотъ Вольфъ, богатый еврей, принявшій лютеранство, не отдавалъ своихъ дѣтей въ гимназію, а приглашалъ къ нимъ гимназическихъ учителей и платилъ по пяти рублей за урокъ...

«Скучно, скучно, скучно!

Въ три часа онъ пошелъ къ Вольфу и высидѣлъ у него, какъ ему показалось, цѣлую вѣчность. Вышелъ отъ него въ пять часовъ, а въ седьмомъ уже долженъ былъ идти въ гимназію, на педагогическій совѣтъ—составлять расписание устныхъ экзаменовъ для IV и VI классовъ!

Когда, поздно вечеромъ, шелъ онъ изъ гимназіи къ Шелестовымъ, сердце у него билось и лицо горѣло. Недѣлю и мѣсяцъ тому назадъ всякій разъ, собираясь объясниться, онъ приготовлялъ цѣлую рѣчь съ предисловіемъ и съ заключеніемъ, теперь же у него не было наготовѣ ни одного слова, въ головѣ все перепуталось, и онъ только зналъ, что сегодня онъ *наверное* объяснится и что дольше ждать нѣтъ никакой возможности.

«Я приглашу ее въ садъ,—обдумывалъ онъ,—немножко погуляю и объяснюсь»...

Въ передней не было ни души; онъ вошелъ въ залу, потомъ въ гостиную... Тутъ тоже никого не было. Слышно было, какъ наверху, во второмъ этажѣ, съ кѣмъ-то спорила Варя и какъ въ дѣтской стучала ножницами наемная швея.

Была въ домѣ комнатка, которая носила три названія: маленькая, проходная и темная. Въ ней стоялъ большой старый ящикъ съ медикаментами, съ порохомъ и охотничьими принадлежностями. Отсюда вела во второй этажъ узкая деревянная лѣстничка, на которой всегда спали кошки. Были тутъ двери: одна—въ дѣтскую, другая—въ гостиную. Когда вошелъ сюда Пикитинъ, чтобы отправиться наверхъ,

дверь изъ дѣтской отворилась и хлопнула такъ, что задрожали и лѣстница, и шкапъ; вѣзжала Манюся въ темномъ платьѣ, съ кускомъ синей матеріи въ рукахъ, и, не замѣчая Никитина, шмыгнула къ лѣстницѣ.

— Пойдите! — остановилъ ее Никитинъ. — Здравствуйте, Годфруа... Позвольте...

Онъ зашыхался, не зная что говорить; одною рукою держалъ ее за руку, а другою — за синюю матерію. А она не то испугалась, не то удивилась и глядѣла на него большими глазами.

— Позвольте... — продолжалъ Никитинъ, боясь, чтобъ она не ушла. — Миѣ нужно вамъ кое-что сказать... Только... здѣсь неудобно. Я не могу, не въ состояніи... Понимаете ли, Годфруа, я не могу... вотъ и все...

Синяя матерія упала на полъ, и Никитинъ взялъ Манюсю за другую руку. Она поблѣднѣла, зашевелила губами, потомъ попятилась назадъ отъ Никитина и очутилась въ углу между стѣной и шкапомъ.

— Честное слово, увѣряю васъ... — сказалъ онъ тихо: — Манюся, честное слово...

Она откинула назадъ голову, а онъ поцѣловалъ ее въ губы и, чтобъ этотъ поцѣлуй продолжался дольше, онъ взялъ ее за щеки пальцами; и какъ-то такъ вышло, что самъ онъ очутился въ углу между шкапомъ и стѣной, а она обвила руками его шею и прижалась къ его подбородку головой.

Потомъ оба побѣжали въ садъ.

Садъ у Шелестовыхъ былъ большой, на четырехъ десятинахъ. Тутъ росло съ два десятка старыхъ кленовъ и липъ, была одна ель, все же остальное составляли фруктовыя деревья: черешни, яблони, груши, дикій каштанъ, серебристая маслина... Много было и цвѣтовъ.

Никитинъ и Манюся молча бѣжали по аллеямъ, смѣялись, задавали изрѣдка другъ другу отрывистые вопросы, на которые не отвѣчали, а надъ садомъ свѣтилъ полумѣсяцъ, и на землѣ изъ темной травы, слабо освѣщенной этимъ полумѣсяцемъ, тянулись сонныя тюльпаны и ирисы, точно прося, чтобы и съ ними объяснились въ любви.

Когда Никитинъ и Манюся вернулись въ домъ, офицеры и барышни были уже въ сборѣ и танцовали мазурку. Опять Полянскій водилъ по всѣмъ комнатамъ grand-rond, опять послѣ танцевъ играли въ судьбу. Передъ ужиномъ, когда

гости пошли изъ залы въ столовую, Манюся, оставшись одна съ Никитинимъ, прижалась къ нему и сказала:

— Ты самъ поговори съ папой и Варей. Миѣ стыдно...

Послѣ ужина онъ говорилъ со старикомъ. Выслушавъ его, Шелестовъ подумалъ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ за честь, которую вы оказываете миѣ и дочери, но позвольте миѣ поговорить съ вами по-дружески. Буду говорить съ вами не какъ отецъ, а какъ джентльменъ съ джентльменомъ. Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота такъ рано жениться? Это только мужики женятся рано, но тамъ, извѣстно, хамство, а вы-то съ чего? Что за удовольствіе въ такіе молодые годы надѣвать на себя кандалы?

— Я вовсе не молодъ!—обидѣлся Никитинъ.—Миѣ 27-ой годъ.

— Папа, коновальъ пришелъ!—крикнула изъ другой комнаты Варя.

И разговоръ прекратился. Домой провожали Никитина Варя, Манюся и Полянской. Когда подошли къ его калиткѣ, Варя сказала:

— Что это вашъ таинственный Митрополитъ Митрополитычъ никуда не показывается? Пусть бы къ намъ пришелъ.

Таинственный Ипполитъ Ипполитычъ, когда вошелъ къ нему Никитинъ, сидѣлъ у себя на постели и снималъ панталоны.

— Не ложитесь, голубчикъ!—сказалъ ему Никитинъ, задыхаясь.—Постойте, не ложитесь!

Ипполитъ Ипполитычъ быстро надѣлъ панталоны и сиромъ встревоженно:

— Что такое?

— Я женюсь!

Никитинъ сѣлъ рядомъ съ товарищемъ и, глядя на него удивленно, точно удивляясь самому себѣ, сказалъ:

— Представьте, женюсь! На Машѣ Шелестовой! Сегодня предложеніе сдѣлалъ.

— Что жъ? Она дѣвушка, кажется, хорошая. Только молода очень.

— Да, молодъ! — вздохнулъ Никитинъ и озабоченно пожалъ плечами.—Очень, очень молодъ!

— Она у меня въ гимназій училась. Я ее знаю. По гео-

графіи училась ничего себѣ, а по исторіи — плохо. И въ классѣ была невнимательна.

Шикитину вдругъ почему-то стало жаль своего товарища и захотѣлось сказать ему что-нибудь ласковое, утѣшительное.

— Голубчикъ, отчего вы не женитесь?—спросилъ онъ.— Ипполитъ Ипполитычъ, отчего бы вамъ, напримѣръ, на Варѣ не жениться? Это чудная, превосходная дѣвушка! Правда, она очень любитъ спорить, но зато сердце... какое сердце! Она сейчасъ про васъ сираживала. Женитесь на ней, голубчикъ! А?

Онъ отлично зналъ, что Варя не пойдетъ за этого скучнаго курносаго человѣка, но все-таки убѣждалъ его жениться на ней. Зачѣмъ?

— Женитьба—шагъ серьезный,—сказалъ Ипполитъ Ипполитычъ, подумавъ.—Надо обсудить все, взвѣсить, а такъ нельзя. Благоразуміе никогда не мѣшаетъ, а въ особенности въ женитьбѣ, когда человѣкъ, переставъ быть холостымъ, начинаетъ новую жизнь.

И онъ заговорилъ о томъ, что всемъ давно уже извѣстно. Шикитинъ не сталъ слушать его, простился и пошелъ къ себѣ. Онъ быстро раздѣлся и быстро легъ, чтобы поскорѣе начать думать о своемъ счастьи, о Манюсѣ, о будущемъ, улыбнулся и вдругъ вспомнилъ, что онъ не читалъ еще Лессинга.

«Надо будетъ прочесть...—подумалъ онъ.—Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ его читать? Ну его къ чорту!»

И утомленный своимъ счастьемъ, онъ тотчасъ же уснулъ и улыбался до самаго утра.

Снился ему стукъ лошадиныхъ копытъ о бревенчатый полъ; снилось, какъ изъ конюшни вывели сначала вороного «Графа Нулина», потомъ бѣлаго «Великана», потомъ сестру его «Майку»...

II.

«Въ церкви было очень тѣсно и шумно, и разъ даже кто-то вскрикнулъ, и протоіерей, вѣнчавшій меня и Манюсю, взглянулъ черезъ очки на толпу и сказалъ сурово:

— «Не ходите по церкви и не шумите, а стойте тихо и молитесь. Надо страхъ Божій имѣть».

«Шаферами у меня были два моихъ товарища, а у

Мани — штабсъ-капитанъ Полянскій и поручикъ Гернетъ. Архiereйскій хоръ пѣлъ великолѣпно. Трескъ свѣчей, блескъ, наряды, офицеры, множество веселыхъ, довольныхъ лицъ и какой-то особенный, воздушный видъ у Мани, и вся вообще обстановка и слова вѣнчальныхъ молитвъ трогали меня до слезъ, наполняли торжествомъ. Я думалъ: какъ расцвѣла, какъ поэтически красиво сложилась въ послѣднее время моя жизнь! Два года назадъ я былъ еще студентомъ, жилъ въ дешевыхъ номерахъ на Неглинномъ, безъ денегъ, безъ родныхъ и, какъ казалось мнѣ тогда, безъ будущаго. Теперь же я — учитель гимназій въ одномъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ, обезпеченъ, любимъ, избалованъ. Для меня вотъ, думалъ я, собралась теперь эта толпа, для меня горятъ три паникадила, реветъ протодьяконъ, стараются иѣвчье, и для меня такъ молодо, изящно и радостно это молодое существо, которое, немного погодя, будетъ называться моею женой. Я вспомнилъ первыя встрѣчи, наши поѣздки за городъ, объясненіе въ любви и погоду, которая, какъ нарочито, все лѣто была дивно хороша; и то счастье, которое когда-то на Неглинномъ представлялось мнѣ возможнымъ только въ романахъ и повѣстяхъ, теперь я испыталъ на самомъ дѣлѣ, казалось, бралъ его руками.

«Послѣ вѣнчанія всѣ въ безпорядкѣ толпились около меня и Мани и выражали свое искреннее удовольствіе, поздравляли и желали счастья. Бригадный генералъ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, поздравилъ одну только Манюсю и сказалъ ей старческимъ скрипучимъ голосомъ, такъ громко, что пронеслось по всей церкви:

— «Надѣюсь, милая, и послѣ свадьбы вы останетесь все такимъ же розаномъ».

«Офицеры, директоръ и всѣ учителя улыбнулись изъ пріятія, и я тоже почувствовалъ на своемъ лицѣ пріятную неискреннюю улыбку. Милѣйшій Инполитъ Инполитычъ, учитель исторіи и географіи, всегда говорящій то, что всѣмъ давно извѣстно, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ съ чувствомъ:

— «До сихъ поръ вы были не женаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоемъ»

«Изъ церкви поѣхали въ двухъэтажный штукатуренный домъ, который я получаю теперь въ приданое. Кромѣ этого дома, за Маней деньгами тысячъ двадцать и еще какая-то

Мелитоновская пустошь со сторожкой, гдѣ, какъ говорятъ, множество куръ и утокъ, которыя безъ надзора становятся дикими. По прѣздѣ изъ церкви, я потягивался, развалился у себя въ новомъ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ, и курить; мнѣ было мягко, удобно и уютно, какъ никогда въ жизни, а въ это время гости кричали ура, и въ передней плохая музыка играла туши и всякій вздоръ. Варя, сестра Мани, вѣбжала въ кабинетъ съ бокаломъ въ рукѣ и съ какимъ-то страннымъ, напряженнымъ выраженіемъ, точно у нея ротъ былъ полонъ воды; она, повидимому, хотѣла бѣжать дальше, но вдругъ захохотала и зарыдала, и бокалъ со звономъ покотился по полу. Мы подхватили ее подъ руки и увели.

— «Никто не можетъ понять!—бормогала она потомъ въ самой дальней комнатѣ, лежа на постели у кормилицы.— Никто, никто! Боже мой, никто не можетъ понять!»

«Но всѣ отлично понимали, что она старше своей сестры Мани на четыре года и все еще не замужемъ и что плакала она не изъ зависти, а изъ грустнаго сознанія, что время ея уходитъ и, быть-можетъ, даже ушло. Когда танцевали кадрили, она была уже въ залѣ, съ заплаканнымъ, сильно напудреннымъ лицомъ, и я видѣлъ, какъ штабсъ-капитанъ Полянскій держалъ передъ ней блюдечко съ мороженымъ, а она кушала ложечкой...

«Уже шестой часъ утра. Я взялся за дневникъ, чтобы описать свое полное, разнообразное счастье, и думалъ, что напишу листовъ шесть и завтра прочту Манѣ, но, странное дѣло, у меня въ головѣ все перепуталось, стало неясно, какъ сонъ, и мнѣ припоминается рѣзко только этотъ эпизодъ съ Варей и хочется написать: бѣдная Варя! Вотъ такъ бы все сидѣлъ и писалъ: бѣдная Варя! Кстати же зашумѣли деревья: будетъ дождь; каркають вороны, и у моей Мани, которая только-что уснула, почему-то грустное лицо».

Потомъ Никитинъ долго не трогалъ своего дневника. Въ первыхъ числахъ августа начались у него переэкзаменовки и пріемные экзамены, а послѣ Успеньева дня — классныя занятія. Обыкновенно въ девятомъ часу утра онъ уходилъ на службу и уже въ десятомъ начиналъ тосковать по Манѣ и по своему новомъ домѣ и посматривалъ на часы. Въ низшихъ классахъ онъ заставлялъ кого-нибудь изъ мальчиковъ

диктовать и, пока дѣти писали, сидѣлъ на подоконникѣ съ закрытыми глазами и мечталъ; мечталъ ли онъ о будущемъ, вспоминалъ ли о прошломъ, — все у него выходило одинаково прекрасно, похоже на сказку. Въ старинныхъ классахъ читали вслухъ Гоголя или прозу Пушкина, и это нагоняло на него дремоту, въ воображеніи вырастали люди, деревья, поля, верховыя лошади, и онъ говорилъ со вздохомъ, какъ бы восхищаясь авторомъ:

— Какъ хорошо!

Во время большой перемѣны Маня прислала ему завтракъ въ бѣлой, какъ сибгъ, салфеточкѣ, и онъ съѣдалъ его медленно, съ разстановкой, чтобы продлить наслажденіе, а Ипполитъ Ипполитычъ, обыкновенно завтракавшій одною только булкой, смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и съ завистью и говорилъ что-нибудь извѣстное, въ родѣ:

— Безъ нищи люди не могутъ существовать.

Изъ гимназій Никитинъ шелъ на частные уроки и когда, наконецъ, въ шестомъ часу возвращался домой, то чувствовалъ и радость, и тревогу, какъ будто не былъ дома цѣлый годъ. Онъ вбѣгалъ по лѣстницѣ, запыхавшись, находилъ Маню, обнималъ ее, цѣловалъ и клялся, что любить её, жить безъ нея не можетъ, увѣрялъ, что страшно соскучился, и со страхомъ спрашивалъ ее, здорова ли она и отчего у нея такое невеселое лицо. Потомъ вдвоемъ обѣдали. Позлѣ обѣда онъ ложился въ кабинетъ на диванъ и курилъ, а она садилась возлѣ и рассказывала вполголоса.

Самыми счастливыми днями у него были теперь воскресенья и праздники, когда онъ съ утра до вечера оставался дома. Въ эти дни онъ принималъ участіе въ наивной, но необыкновенно пріятной жизни, напоминавшей ему пастушескія идилліи. Онъ не переставая наблюдалъ, какъ его разумная и положительная Маня устроивала гнѣздо, и самъ тоже, желая показать, что онъ не лишній въ домѣ, дѣлалъ что-нибудь бесполезное, напримѣръ, выкатывалъ изъ сарая шарабанъ и оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ. Манюся завела отъ трехъ коровъ настоящее молочное хозяйство, и у нея въ погребѣ и на погребницѣ было много кувшиновъ съ молокомъ и горшечковъ со сметаной, и все это она берегла для масла. Иногда ради шутки Никитинъ просилъ у нея стаканъ молока; она пугалась, такъ какъ это былъ непорядокъ, но онъ со смѣхомъ обнималъ ее и говорилъ:

— Ну, ну. я пошутить, золото мое! Пошутить!

Или же онъ посмѣивался надъ ея педантизмомъ. когда она, напримѣръ, найдя въ шкапу завалящій, твердый, какъ камень, кусочекъ колбасы или сыру, говорила съ важностью:

— Это съѣдятъ въ кухнѣ.

Онъ замѣчалъ ей, что такой маленькій кусочекъ годится только въ мышеловку, а она начинала горячо доказывать, что мужчины ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ и что прислугу ничѣмъ не удивишь, пошли ей въ кухню хоть три пуда закусокъ. и онъ соглашался и въ восторгѣ обнималъ ее. То, что въ ея словахъ было справедливо, казалось ему необыкновеннымъ, изумительнымъ; то же, что расходилось съ его убѣжденіями, было, по его мнѣнію, наивно и умиительно.

Иногда на него находилъ философскій стихъ. и онъ начиналъ разсуждать на какую-нибудь отвлеченную тему, а она слушала и смотрѣла ему въ лицо съ любопытствомъ.

— Я безконечно счастливъ съ тобой, моя радость.—говорилъ онъ, перебирая ей пальчики или распуская и опять залетая ей косу. — Но на это свое счастье я не смотрю какъ на нѣчто такое, что свалилось на меня случайно, точно съ неба. Это счастье—явленіе вполне естественное, послѣдовательное, логически вѣрное. Я вѣрю въ то, что человѣкъ есть творецъ своего счастья, и теперь я беру именно то, что я самъ создалъ. Да, говорю безъ жеманства, это счастье создалъ я самъ и владѣю имъ по праву. Тебѣ извѣстно мое прошлое. Сиротство, бѣдность, несчастное дѣтство, тоскливая юность.—все это борьба, это путь, который я прокладывалъ къ счастью...

Въ октябрѣ гимназія понесла тяжелую потерю: Ипполитъ Ипполитычъ заболѣлъ рожей головы и скончался. Два послѣднихъ дня передъ смертью онъ былъ въ безсознательномъ состояніи и бредилъ, но и въ бреду говорилъ только то, что всѣмъ извѣстно:

— Волга впадаетъ въ Каспійское море... Лошади кушаютъ овесъ и сѣно...

Въ тотъ день, когда его хоронили, ученія въ гимназіи не было. Товарищи и ученики несли крышку и гробъ, и гимназическій хоръ всю дорогу до кладбища пѣлъ «Святый Боже». Въ процессіи участвовало три священника.

два дьякона. вся мужская гимназія и архіерейскій хоръ въ парадныхъ кафтанахъ. И глядя на торжественныя похороны, встрѣчные прохожіе крестились и говорили:

— Дай Богъ всякому такъ помереть.

Вернувшись съ кладбища домой, растроганный Никитинъ отыскалъ въ столѣ свой дневникъ и написалъ:

«Сейчасъ опустили въ могилу Ипполита Ипполитовича Рыжницкаго.

«Миръ праху твоему, скромный труженикъ! Маня, Варя и всѣ женщины, бывшія на похоронахъ, искренно плакали, быть-можетъ, оттого, что знали, что этого неинтереснаго, забитаго человѣка не любила никогда ни одна женщина. Я хотѣлъ сказать на могилѣ товарища теплое слово, но меня предупредили, что это можетъ не понравиться директору, такъ какъ онъ не любилъ покойнаго. Послѣ свадьбы это, кажется, первый день, когда у меня не легко на душѣ»...

Затѣмъ во весь учебный сезонъ не было никакихъ особенныхъ событій.

Зима была вялая, безъ морозовъ, съ мокрымъ снѣгомъ; подѣ Крещенье, наприимѣръ, всю ночь вѣтеръ жалобно вилъ по-осеннему, и текло съ крышъ, а утромъ во время водосвятія полиція не пускала никого на рѣку, такъ какъ, говорили, ледъ надулся и потемнѣлъ. Но, несмотря на дурную погоду, Никитину жилось такъ же счастливо, какъ и лѣтомъ. Даже еще прибавилось одно лишнее развлеченіе: онъ научился играть въ вишть. Только одно иногда волновало и сердило его и, казалось, мѣшало ему быть вполне счастливымъ: это кошки и собаки, которыхъ онъ получилъ въ приданое. Въ комнатахъ всегда, особенно по утрамъ, пахло какъ въ звѣринцѣ, и этого запаха ничѣмъ нельзя было заглушить; кошки часто дрались съ собаками. Злую Мухку кормили по десяти разъ въ день, она попрежнему не признавала Никитина и ворчала на него:

— Ррр... нга-нга-нга...

Какъ-то Великимъ постомъ въ полночь возвращался онъ домой изъ клуба, гдѣ игралъ въ карты. Шелъ дождь, было темно и грязно. Никитинъ чувствовалъ на душѣ непріятный осадокъ и никакъ не могъ понять, отчего это: оттого ли, что онъ проигралъ въ клубѣ двѣнадцать рублей, или оттого, что одинъ изъ партнеровъ, когда расплачивались,

сказать, что у Никитина куры денег не клюютъ, очевидно, намекая на приданое? Двѣнадцати рублей было не жалко, и слова партнера не содержали въ себѣ ничего обиднаго, но все-таки было неприятно. Даже домой не хотѣлось.

— Фу! какъ нехорошо! — проговорилъ онъ, останавливаясь около фонаря.

Ему пришло въ голову, что двѣнадцати рублей ему оттого не жалко, что они достались ему даромъ. Вотъ если бы онъ былъ работникомъ, то зналъ бы цѣну каждой копейкѣ и не былъ бы равнодушенъ къ выигрышу и проигрышу. Да и все счастье, разсуждалъ онъ, досталось ему даромъ. Понапрасну и въ сущности было для него такою же роскошью, какъ лѣкарство для здороваго; если бы онъ, подобно громадному большинству людей, былъ угнетенъ заботой о кускѣ хлѣба, боролся за существованіе, если бы у него болѣли спина и грудь отъ работы, то ужинъ, теплая уютная квартира и семейное счастье были бы потребностью, наградою и украшеніемъ его жизни; теперь же все это имѣло какое-то странное, неопредѣленное значеніе.

— Фу! какъ нехорошо! — повторилъ онъ, отлично понимая, что эти разсужденія сами по себѣ уже дурной знакъ.

Когда онъ пришелъ домой, Маня была въ постели. Она ровню дышала и улыбалась и, повидимому, спала съ большимъ удовольствіемъ. Возлѣ нея, свернувшись клубочкомъ, лежалъ бѣлый котъ и мурлыкалъ. Пока Никитинъ зажигалъ свѣчу и закуривалъ, Маня проснулась и съ жадностью выпила стаканъ воды.

— Мармеладъ наѣлась, — сказала она и засмѣялась. — Ты у нашихъ былъ? — спросила она, помолчавъ.

— Нѣтъ, не былъ.

Никитинъ уже зналъ, что штабсъ-капитанъ Полянскій, на котораго въ послѣднее время сильно рассчитывала Варя, получилъ переводъ въ одну изъ западныхъ губерній и уже дѣлалъ въ городѣ прощальные визиты, и поэтому въ домѣ тестя было скучно.

— Вечеромъ заходила Варя, — сказала Маня, садясь. — Она ничего не говорила, но по лицу видно, какъ ей тяжело, бѣдняжкѣ. Терпѣть не могу Полянскаго. Толстый, обрюзгъ, а когда ходитъ или танцуетъ, щеки трясутся... Не моего романа. Но все-таки я считала его порядочнымъ человѣкомъ.

— Я и теперь считаю его порядочнымъ.

— А зачѣмъ онъ такъ дурно поступилъ съ Варей?

Почему же дурно? — спросилъ Никитинъ, начиная чувствовать раздраженіе противъ бѣлаго кота, который потягивался, выгнувъ спину. — Насколько мнѣ извѣстно, онъ предложенія не дѣлалъ и общаній никакихъ не давалъ.

— А зачѣмъ онъ часто бывалъ въ домѣ? Если не намѣренъ жениться, то не ходи.

Никитинъ потушилъ свѣчу и легъ. Но не хотѣлось ни спать, ни лежать. Ему казалось, что голова у него громадная и пустая, какъ амбаръ, и что въ ней бродятъ новыя какія-то особенныя мысли въ видѣ длинныхъ тѣней. Онъ думалъ о томъ, что кромѣ мягкаго лампаднаго свѣта, улыбающагося тихому семейному счастью, кромѣ этого мірка, въ которомъ такъ спокойно и сладко живетъ ему и вотъ этому коту, есть вѣдь еще другой міръ... И ему страшно, до тоски вдругъ захотѣлось въ этотъ- другой міръ, чтобы самому работать гдѣ-нибудь на заводѣ или въ большой мастерской, говорить съ каедры, сочинять, печатать, шумѣть, утомляться, страдать... Ему захотѣлось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвенія самого себя, до равнодушія къ личному счастью, ощущенія котораго такъ однообразны. И въ воображеніи вдругъ, какъ живой, выросъ бритый Шебалдинъ и проговорилъ съ ужасомъ:

— Вы не читали даже Лессинга! Какъ вы отстали! Боже, какъ вы опустились!

Маня опять стала пить воду. Онъ взглянулъ на ея шею, полныя плечи и грудь и вспомнилъ слово, которое когда-то въ церкви сказалъ бригадный генералъ: розань.

— Розань, — пробормоталъ онъ и засмѣялся.

Въ отвѣтъ ему подъ кроватью заворчала сонная Мушка:

— Ррр... нга-нга-нга...

Тяжелая злоба, точно холодный молотокъ, повернулась въ его душѣ, и ему захотѣлось сказать Манѣ что-нибудь грубое и даже вскочить и ударить ее. Началось сердцебиеніе.

— Такъ значитъ, — спросилъ онъ, сдерживая себя: — если я ходилъ къ вамъ, въ домъ, непременно долженъ былъ жениться на тебѣ?

— Конечно. Ты самъ это отлично понимаешь.

— Мило.

И через минуту опять повторилъ:

— Мило.

Чтобы не сказать лишняго и успокоить сердце. Никитинъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ безъ подушки, потомъ полежалъ на полу, на коврѣ.

«Какой вздоръ! — успокаивалъ онъ себя. Ты педагогъ, работаешь на благороднѣйшемъ поприщѣ... Какого же тебѣ еще нужно другого міра? Что за чепуха!»

Но тотчасъ же онъ съ увѣренностью говорилъ себѣ, что онъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ, такой же бездарный и безличныи, какъ чехъ, преподаватель греческаго языка: никогда у него не было призванія къ учительской дѣятельности, съ педагогіей онъ знакомъ не былъ и ею никогда не интересовался, обращаться съ дѣтьми не умѣлъ; значеніе того, что онъ преподавалъ, было ему неизвѣстно и, быть-можетъ, даже онъ училъ тому, что не нужно. Покойный Ипполитъ Ипполитычъ былъ откровенно тупъ, и все товарищи и ученики знали, кто онъ и чего можно ждать отъ него; онъ же, Никитинъ, подобно чеху, умѣлъ скрывать свою тупость и ловко обманываетъ всехъ, дѣлая видъ, что у него, слава Богу, все идетъ хорошо. Эти новыя мысли пугали Никитина, онъ отказывался отъ нихъ, называлъ ихъ глупыми и вѣрилъ, что все это отъ нервовъ, что самъ же онъ будетъ смѣяться надъ собой...

И въ самомъ дѣлѣ, подъ утро онъ уже смѣялся надъ своею нервностью и называлъ себя бабой, но для него уже было ясно, что покой потерянь, вѣроятно, навсегда и что въ двухъэтажномъ нештукатуренномъ домѣ счастье для него уже невозможно. Онъ догадывался, что иллюзія изсякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не въ ладу съ покоемъ и личнымъ счастьемъ.

На другой день, въ воскресенье, онъ былъ въ гимназической церкви и видѣлся тамъ съ директоромъ и товарищами. Ему казалось, что все они были заняты только тѣмъ, что тщательно скрывали свое невѣжество и недовольство жизнью, и самъ онъ, чтобы не выдать имъ своего безпокойства, пріятно улыбался и говорилъ о пустякахъ. Потомъ онъ ходилъ на вокзалъ и видѣлъ тамъ, какъ пришелъ и ушелъ почтовый поѣздъ, и ему пріятно было, что онъ одинъ и что ему не нужно ни съ кѣмъ разговаривать.

Дома засталъ онъ тестя и Варю, которые пришли къ нему обѣдать. Варя была съ заплаканными глазами и жаловалась на головную боль, а Шелестовъ былъ очень много и говорилъ о томъ, какъ теперешніе молодые люди ненадежны и какъ мало въ нихъ джентльменства.

— Это хамство! — говорилъ онъ. — Такъ я ему прямо и скажу: это хамство, милостивый государь

Никитинъ пріятно улыбался и помогалъ Манѣ угощать гостей, но послѣ обѣда пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся.

Мартовское солнце свѣтило ярко, и сквозь оконныя стекла падали на столъ горячіе лучи. Было еще только двадцатое число, но уже ѣздили на колесахъ, и въ саду шумѣли скворцы. Похоже было на то, что сейчасъ вотъ воцѣдетъ Манюся, обниметъ одною рукой за шею и скажетъ, что подали къ крыльцу верховыхъ лошадей или шарабанъ, и спросить, что ей надѣтъ, чтобы не озябнуть. Начиналась весна такая же чудесная, какъ и въ прошломъ году, и обѣщала тѣ же радости... Но Никитинъ думалъ о томъ, что хорошо бы взять теперь отпускъ и уѣхать въ Москву и остановиться тамъ на Неглинномъ въ знакомыхъ номерахъ. Въ сосѣдней комнатѣ пили кофе и говорили о штабсъ-капитанѣ Полянскомъ, а онъ старался не слушать и писать въ своемъ дневникѣ: «Гдѣ я, Боже мой! Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшечки со сметаной, кувшины съ молокомъ, тараканы, глупыя женщины... Пѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, госкливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума!»

ВЪ УСАДЬБѢ.

Павель Ильичъ Рашевичъ ходилъ, мягко ступая по полу, покрытому малороссійскими плахтами, и бросая длинную узкую тѣнь на стѣну и потолокъ, а его гость Мейеръ, исполняющій должность судебного слѣдователя, сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, поджавъ подъ себя одну ногу, курилъ и слушалъ. Часы уже показывали одиннадцать, и слышно было, какъ въ комнатѣ, сосѣдней съ кабинетомъ, накрывали на столъ.

— Какъ хотите-съ,—говорилъ Рашевичъ:—съ точки зрѣнія братства, равенства и прочее, свинопасъ Митька, пожалуй, такой же человѣкъ, какъ Гёте или Фридрихъ Великій; но станьте вы на научную почву, имѣйте мужество взглянуть фактамъ прямо въ лицо, и для васъ станетъ очевиднымъ, что бѣлая кость—не предразсудокъ, не бабья выдумка. Бѣлая кость, дорогой мой, имѣетъ естественно-историческое оправданіе, и отрицать ее, по-моему, такъ же странно, какъ отрицать рога у оленя. Надо считаться съ фактами! Вы—юристъ и не вкусили никакихъ другихъ наукъ, кромѣ гуманитарныхъ, и вы еще можете оболыцать себя иллюзіями насчетъ равенства, братства и прочее; я же—неисправимый дарвинистъ, и для меня такія слова, какъ порода, аристократизмъ, благородная кровь,—не пустые звуки.

Рашевичъ былъ возбужденъ и говорилъ съ чувствомъ. Глаза у него блестяли, *rinse-nez* не держалось на носу, онъ нервно подергивалъ плечами, подмигивалъ, а при словѣ «дарвинистъ» молодцовато поглядѣлся въ зеркало и обѣими

руками расчесалъ свою сѣдую бороду. Онъ былъ одѣтъ въ очень короткій поношенный пиджакъ и узкіе брюки; быстрота движеній, молодцоватость и этотъ кургузый пиджакъ какъ-то не шли къ нему, и казалось, что его большая длинноволосая благообразная голова, напоминавшая архіерея или маститаго поэта, была приставлена къ туловищу высокаго художаваго и манернаго юноши. Когда онъ широко разставлялъ ноги, то длинныя тѣнь его походила на ножницы.

Вообще онъ любилъ поговорить, и всегда ему казалось, что онъ говоритъ нѣчто новое и оригинальное. Въ присутствіи же Мейера онъ чувствовалъ необыкновенный подъемъ духа и наплывъ мыслей. Слѣдователь былъ ему симпатиченъ и вдохновлялъ его своею молодостью, здоровьемъ, прекрасными манерами, солидностью, а главное — своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ нему и къ его семьѣ. Вообще знакомые не любили Рашевича, чуждались его и, какъ было извѣстно ему, рассказывали про него, будто онъ разговорами воцалъ въ гробъ свою жену, и называли его за глаза ненавистникомъ и жабой. Одинъ только Мейеръ, человѣкъ новый и непредубѣжденный, бывалъ у него часто и охотно и даже гдѣ-то говорилъ, что Рашевичъ и его дочери—единственные люди въ уѣздѣ, у которыхъ онъ чувствуетъ себя тепло, какъ у родныхъ. Правился онъ Рашевичу также и за то, что былъ молодымъ человѣкомъ, который могъ бы составить хорошую партію для Жени, старшей дочери.

И теперь, наслаждаясь своими мыслями и звуками собственнаго голоса и съ удовольствіемъ поглядывая на умѣренно полнаяго, красиво подстриженнаго, приличнаго Мейера, Рашевичъ мечталъ о томъ, какъ онъ пристроить свою Женю за хорошаго человѣка, и какъ потомъ всея заботы по имѣнію перейдутъ къ зятю. Непріятныя заботы! Проценты въ банкъ не внесены уже за два срока, и разныхъ недоимокъ и пеней скопилось больше двухъ тысячъ!

— Для меня не подлежитъ сомнѣнію. — продолжалъ Рашевичъ, все больше вдохновляясь:— что если какой-нибудь Ричардъ Львиное Сердце или Фридрихъ Барбаросса, положимъ, храбръ и великодушенъ, то эти качества передаются по наслѣдству его сыну вмѣстѣ съ извилинами и мозговыми шишками, и если эти храбрость и великодушіе охраняются въ сынѣ путемъ воспитанія и упражненія, и если онъ женится на принцессѣ, тоже великодушной и храброй, то эти

качества передаются внуку и такъ дальѣ, пока не становятся видовой особенностью и не переходятъ органически, такъ сказать, въ плоть и кровь. Благодаря строгому половому подбору, тому, что благородныя фамиліи инстинктивно охраняли себя отъ неравныхъ браковъ, и знатные молодые люди не женились чертъ знаетъ на комъ, высокія душевныя качества передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе во всей ихъ чистотѣ, охранялись и съ теченіемъ времени черезъ упражненіе становились все совершеннѣе и выше. Тѣмъ, что у человѣчества есть хорошаго, мы обязаны именно природѣ, правильному естественно-историческому, плесообразному ходу вещей, старательно, въ продолженіе вѣковъ обособлявшему бѣлую кость отъ черной. Да, батенька мой! Не чумазый же, не кухаркинъ сынъ, даль намъ литературу, науку, искусство, право, понятія о чести, долгѣ... Всѣмъ этимъ человѣчество обязано исключительно бѣлой кости, и въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія естественно-исторической, плохой Собакевичъ, только потому, что онъ бѣлая кость, полезнѣе и выше, чѣмъ самый лучшій кунецъ, хотя бы этотъ послѣдній построилъ пятнадцать музеевъ. Какъ хотите-съ! И если я чумазому или кухаркинъ сыну не подаю руки и не сажаю его съ собой за столъ, то этимъ самымъ я охраняю лучшее, что есть на землѣ, и исполняю одно изъ высшихъ предназначеній матери-природы, ведущей насъ къ совершенству...

Рашевичъ остановился, расчесывая бороду обѣими руками; остановилась на стѣпѣ и его тѣнь, похожая на воиницы.

— Возьмите вы нашу матушку-Расею.— продолжалъ онъ, заложивъ руки въ карманы и становясь то на каблукъ, то на носокъ.— Кто ея лучшіе люди? Возьмите нашихъ первоклассныхъ художниковъ, литераторовъ, композиторовъ... Кто они? Все это, дорогой мой, были представители бѣлой кости, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой— не дьячковскія дѣти-съ!

— Гончаровъ былъ кунецъ,— сказала Мейеръ.

— Что же! Исключенія только подтверждаютъ правило. Да и насчетъ гениальности-то Гончарова можно еще сильно поспорить. Но оставимъ имена и вернемся къ фактамъ. Что вы, напримѣръ, скажете, сударь мой, насчетъ такого краснорѣчиваго факта: какъ только чумазый поѣлъ туда,

куда его прежде не пускали—въ высшій свѣтъ, въ науку, въ литературу, въ земство, въ судъ,—то, замѣтите, за вышнія человѣческія права вступилась прежде всего сама природа и первая объявила войну этой ордѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только чумазый полѣзь не въ свои сани, то стали кнѣзуть, чахнуть, сходить съ ума и вырождаться, и нигдѣ вы не встрѣтите столько неврастениковъ, психическихъ калѣкъ, чахоточныхъ и всякихъ заморышей, какъ среди этихъ голубчиковъ. Мрутъ какъ осеннія мухи. Если бы не это спасительное вырожденіе, то отъ нашей цивилизаціи давно бы уже не осталось камня на камнѣ, все слопать бы чумазый. Вы скажите мнѣ, сдѣлайте милость: что до сихъ поръ дало намъ это нашествіе? Что принесъ съ собою чумазый?—Рашевичъ сдѣлалъ таинственное, испуганное лицо и продолжалъ:—Никогда еще наша наука и литература не находились на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ теперь! У нынѣшнихъ, сударь мой, ни идей, ни идеаловъ, и вся ихъ дѣятельность проникнута однимъ духомъ: какъ бы побольше содрать и съ кого бы снять послѣднюю рубашку. Всѣхъ этихъ нынѣшнихъ, которые выдаютъ себя за передовыхъ и честныхъ людей, вы можете купить за рубль-цѣлковый, и современный интеллигентъ отличается именно тою особенностью, что когда вы говорите съ нимъ, то должны покрѣпче держаться за карманъ, а то выгащитъ бумажникъ.—Рашевичъ подмигнулъ и захохоталъ.—Ей-Богу выгащитъ!—проговорилъ онъ радостно тонкимъ голоскомъ.—А нравственность? Нравственность какова?—Рашевичъ оглянулся на дверь.—Теперь уже не удивляются, когда жена обкрадываетъ и покидаетъ мужа,—это что, пустяки! Нынче, батенька, двѣнадцатилѣтняя дѣвчонка норовитъ уже имѣть любовника, и всѣ эти любительскіе спектакли и литературныя вечера придуманы для того только, чтобы легче было поддѣпить богатаго кулака и пойти къ нему на содержаніе... Матери продаютъ своихъ дочерей, а у мужей прямо такъ и спрашиваютъ, по какой цѣнѣ продаются ихъ жены, и можно даже поторговаться, дорогой мой...

Мейеръ, все время молчавшій и сидѣвшій неподвижно, вдругъ поднялся съ дивана и посмотрѣлъ на часы.

—Виновать, Павелъ Ильичъ,—сказалъ онъ:—мнѣ уже пора домой.

Но Павелъ Ильичъ, который еще не кончилъ говорить,

обнялъ это и, насильно усаживая на диванъ, поклонился, что не отпустить его безъ ужина. И Мейеръ опять сидѣлъ и слушалъ, но уже посматривалъ на Рапевича съ недоумѣніемъ и тревогой, какъ будто только теперь начиналъ понимать его. Красныя пятна выступили у него на лицѣ. И когда, наконецъ, вошла горничная и сказала, что барышни просятъ ужинать, онъ легко вздохнулъ и первый вышелъ изъ кабинета.

Въ сосѣдней комнатѣ за столомъ сидѣли дочери Рапевича, Женя и Ираида, 24 и 22-хъ лѣтъ, обѣ черноглазья, очень блѣдныя, одинаковаго роста. Женя съ распущенными волосами, а Ираида съ высокою прической. Передъ тѣмъ какъ ѣсть, обѣ выпили по рюмкѣ горькой настойки, съ та-кимъ видомъ, какъ будто это онѣ выпили нечаянно, первый разъ въ жизни, и обѣ сконфузились и захохотали.

— Не шалите, дѣвочки, — сказалъ Рапевичъ.

Женя и Ираида между собой говорили по-французски, а съ отцомъ и гостемъ по-русски. Перебивая другъ друга и мѣшая русскую рѣчь съ французской, онѣ стали быстро рассказывать, какъ именно въ эту пору, въ августѣ, онѣ въ прежніе годы уѣзжали въ институтъ и какъ это было весело. Теперь же ѣхать некуда и приходится жить въ усадьбѣ безвыѣздно все лѣто и зиму. Какая скука!

— Не шалите, дѣвочки, — повторилъ Рапевичъ.

Ему самому хотѣлось говорить. Если при немъ говорили другіе, то онъ испытывалъ чувство, похожее на ревность.

— Такія-то дѣла, дорогой мой... — началъ онъ опять, ласково глядя на слѣдователя. — Мы по добротѣ и простотѣ и изъ страха, чтобы насъ не заподозрили въ отсталости, братаемся, извините, со всякою дрянью, проповѣдуемъ братство и равенство съ кулаками и кабатчиками; но если бы мы пожелали вдуматься, то и увидѣли бы, до какой степени преступна эта наша доброта. Мы сдѣлали то, что цивилизація виситъ уже на волоскѣ. Дорогой мой! То, что вѣками добывали наши предки, не сегодня—завтра будетъ поругано и истреблено этими новѣйшими гуннами...

Послѣ ужина всѣ пошли въ гостиную. Женя и Ираида зажгли свѣчи на роялѣ, приготовили ноты... Но отецъ все продолжалъ говорить, и неизвѣстно было, когда онъ кончитъ. Онѣ уже съ тоской и досадою смотрѣли на эгоиста-отца, для котораго, очевидно, удовольствіе поболтать и блеснуть своимъ умомъ было дороже и важнѣе, чѣмъ счастье

дочерей. Мейеръ — единственный молодой человекъ, который бывалъ въ ихъ домѣ, бывалъ — онѣ это знали — ради ихъ милого женскаго общества, но неугомонный старикъ завла- дѣлъ имъ и не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ.

— Подобно тому, какъ западные рыцари отразили на- паденіе монголовъ, такъ и мы, пока еще не поздно, должны сплотиться и ударить дружно на нашего врага, — продол- жалъ Рашевичъ тономъ проповѣдника, поднимая вверхъ правую руку. — Пусть я явлюсь передъ чумазымъ не какъ Павелъ Ильичъ, а какъ грозный и сильный Ричардъ Льви- ное Сердце. Перестанемъ же деликатничать съ нимъ, до- вольно! Давайте мы все стоворимся, что едва близко по- дойдетъ къ намъ чумазый, какъ мы бросимъ ему прямо въ харю слова пренебреженія: «руки прочь! сверчокъ, знай свой шестокъ!» Прямо въ харю! — продолжалъ Рашевичъ съ восторгомъ, тыча переть собой согнутымъ пальцемъ. — Въ харю! Въ харю!

— Я не могу этого, — проговорила Мейеръ, отворачиваясь.

— Почему же? — живо спросилъ Рашевичъ, предчувствуя интересный и продолжительный споръ. — Почему же?

— Потому, что я сама мѣщанинъ.

Сказавши это, Мейеръ покраснѣлъ, и даже шея у него надулась, и даже слезы заблестѣли на глазахъ:

— Мой отецъ былъ простымъ рабочимъ, — добавилъ онъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ: — но я въ этомъ не вижу ничего дурного.

Рашевичъ страшно смутился и ошеломленный, точно пой- маный на мѣстѣ преступления, растерянно смотрѣлъ на Мейера и не зналъ, что сказать. Женя и Ирида покрас- нѣли и вагнулись къ потамъ: имъ было стыдно за своего безтактнаго отца. Минута прошла въ молчаніи, и стало не- выносимо совѣстно, когда вдругъ какъ-то болѣзненно, на- тянуто и некстати прозвучали въ воздухѣ слова:

— Да, я мѣщанинъ и горжусь этимъ.

Затѣмъ Мейеръ, неловко спотыкаясь о мебель, простился и быстро пошелъ въ переднюю, хотя еще не подавали ло- шадей.

— А вамъ будетъ сегодня темненько вѣхать, — бормотала Рашевичъ, идя за нимъ. — Луна теперь поздно восходитъ.

Оба стояли на крыльцѣ въ потемкахъ и ждали, когда подадутъ лошадей. Было прохладно.

— Звѣзда упала... — проговорилъ Мейеръ, кутаясь въ пальто

— Въ августѣ ихъ много падаетъ.

Когда подали лошадей, Рашевичъ поглядѣлъ внимательно на небо и сказалъ со вздохомъ:

— Явленіе, достойное пера Фламмаріона...

Проводивъ гостя, онъ прошелся по саду, жестикулируя въ потемкахъ руками и не желая вѣрить, что только-что произошло такое странное, глупое недоразумѣніе. Ему было стыдно и досадно на себя. Во-первыхъ, съ его стороны было крайне неосторожно и безтактно поднимать этотъ проклятый разговоръ о бѣлой кости, не узнавши предварительно, съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло; нѣчто подобное съ нимъ уже случалось раньше: какъ-то въ вагонѣ онъ сталъ бранить нѣмцевъ, и потомъ оказалось, что всѣ его собесѣдники — нѣмцы. Во-вторыхъ, онъ чувствовалъ, что Мейеръ уже больше не прійдетъ къ нему. Эти интеллигенты, вышедшіе изъ народа, болѣзненно самолюбивы, упрямы и злопамятны.

— Не хорошо, не хорошо... — бормоталъ Рашевичъ, отплеываясь: ему было неловко и противно, какъ будто онъ поѣлъ мыла. — Ахъ, не хорошо!

Въ окно изъ сада видно было, какъ въ гостиной около рояля Женя съ распущенными волосами, очень блѣдная, испуганная, говорила о чемъ-то быстро-быстро... Ираида ходила изъ угла въ уголъ, задумавшись; но вотъ и она заговорила, тоже быстро, съ негодующимъ лицомъ. Говорили обѣ разомъ. Не было слышно ни одного слова, но Рашевичъ догадывался, о чемъ онѣ говорили. Женя, вѣроятно, роптала на то, что отецъ своими разговорами отвадилъ отъ дома всѣхъ порядочныхъ людей и сегодня отнялъ у нихъ единственнаго знакомаго, быть-можетъ, жениха, и теперь уже у бѣднаго молодого человѣка во всемъ уѣздѣ нѣтъ мѣста, гдѣ онъ могъ бы отдохнуть душой. А Ираида, судя по тому, что она съ отчаяніемъ поднимала вверхъ руки, говорила, вѣроятно, на тему о скучной жизни, о стубленной молодости...

Прійдя къ себѣ въ комнату, Рашевичъ сѣлъ на кровать и сталъ медленно раздѣваться. Состояніе духа было угнетенное, и томило все то же чувство, какъ будто онъ поѣлъ мыла. Было стыдно. Раздѣвшись, онъ поглядѣлъ на свои

длинныя жилистыя старческія ноги и вспомнилъ, что въ убадѣ его прозвали жабой и что послѣ всякаго длиннаго разговора ему бывало стыдно. Какъ-то такъ, роковымъ образомъ выходило, что начиналъ онъ мягко, ласково, съ добрыми намѣреніями, называя себя старымъ студентомъ, идеалистомъ, Донъ-Кихотомъ, но незамѣтно для самого себя мало-по-малу переходилъ на брань и клевету и, что удивительнѣе всего, самымъ искреннимъ образомъ критиковалъ науку, искусства и нравы, хотя вотъ уже двадцать лѣтъ прошло, какъ не прочелъ онъ ни одной книжки, не былъ нигдѣ дальше губернскаго города и въ сущности не зналъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Если же онъ садился писать что-нибудь, хотя бы поздравительное письмо, то и въ письмѣ выходила брань. И все это странно потому, что на самомъ дѣлѣ онъ чувствительный, слезливый человѣкъ. Ужъ не сидитъ ли въ немъ нечистый духъ, который ненавидитъ и клеветаетъ въ немъ помимо его воли?

— Не хорошо...—вздыхалъ онъ, лежа подъ одѣяломъ.— Не хорошо!

Дочери тоже не спали. Послышались хохотъ и крикъ, какъ будто за кѣмъ-то гнались: это съ Женей сдѣлалась истерика. Немного погодя зарыдала и Ираида. По коридору нѣсколько разъ пробѣжала босая горничная...

— Экая исторія, Господи...—бормоталъ Рашевичъ, вздыхая и поворачиваясь съ боку на бокъ.— Не хорошо!

Во снѣ давилъ его кошмаръ. Приснилось ему, будто самъ онъ, голый, высокій, какъ жирафъ, стоитъ среди комнаты и говорить, тыча передъ собой пальцемъ:

— Въ харю! Въ харю! Въ харю!

Онъ проснулся въ испугѣ и прежде всего вспомнилъ, что вчера произошло недоразумѣніе, и что Мейеръ, конечно, уже больше не пріѣдетъ. Вспомнилъ онъ также, что надо проценты платить въ банкъ, дочерей замужъ выдавать, надо ѣсть, пить, а тутъ болѣзни, старость, неприятности, скоро зима, дровъ нѣтъ...

Былъ уже десятый часъ утра. Рашевичъ медленно одѣлся, напился чаю и сѣлъ два большихъ ломтя хлѣба съ масломъ. Дочери не вышли къ чаю; онѣ не хотѣли встрѣчаться съ нимъ, и это оскорбляло его. Онъ подекалъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, потомъ сѣлъ за столъ и принялся писать дочерямъ письмо. Рука у него дрожала и чесалась

глаза. Онъ писалъ о томъ, что онъ уже старъ, никому не нуженъ и что его никто не любитъ, и просилъ дочерей забыть о немъ и, когда онъ умретъ, похоронить его въ простомъ сосновомъ гробѣ, безъ церемоній, или послать его трупъ въ Харьковъ, въ анатомическій театръ. Онъ чувствовалъ, что каждая его строчка дышитъ злобой и комедіантствомъ, но остановиться уже не могъ и все писалъ, писалъ...

— Жаба! — вдругъ послышалось изъ сосѣдней комнаты: это былъ голосъ старшей дочери, негодующій, шипящій голосъ. — Жаба!

— Жаба! — повторила, какъ эхо, младшая. — Жаба!

СТУДЕНТЪ.

Погода вначалѣ была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по сосѣдству въ болотахъ что-то живое жалобно гудѣло, точно дуло въ пустую бутылку. Протянулъ одинъ вальдшнепъ, и выстрѣлъ по немъ прозвучалъ въ весеннемъ воздухѣ раскатисто и весело. Но когда стемнѣло въ лѣсу, нектати подулъ съ востока холодный пронизывающій вѣтеръ, все смолкло. По лужамъ протянулись ледяныя иглы, и стало въ лѣсу неуютно, глухо и нелюдино. Занахло зимой.

Иванъ Великопольскій, студентъ духовной академіи, сынъ дьячка, возвращаясь съ тяги домой, шелъ все время заливнымъ лугомъ по тропинкѣ. У него заоченьли пальцы, и разгорѣлось отъ вѣтра лицо. Ему казалось, что этотъ внезапно наступившій холодъ нарушилъ во всемъ порядокъ и согласіе, что самой природѣ жутко, и оттого вечернія потемки ступились быстрѣй, чѣмъ надо. Кругомъ было пустынно и какъ-то особенно мрачно. Только на вдовьихъ огородахъ около рѣки свѣтился огонь; далеко же кругомъ и тамъ, гдѣ была деревня, версты за четыре, все сплошь утопало въ холодной вечерней мглѣ. Студентъ вспомнилъ, что, когда онъ уходилъ изъ дому, его мать, сидя въ сѣняхъ на полу, босая, чистила самоваръ, а отецъ лежалъ на печи и кашлялъ; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотѣлось ѣсть. И теперь, пожимаясь отъ холода, студентъ думалъ о томъ, что точно такой же вѣтеръ дулъ и при Рюрикѣ, и при Іоаниѣ Грозномъ, и при Петрѣ, и что при нихъ была точно такая же лютая бѣдчость, голодъ; такія же дырявыя соломенные крыши, невѣ-

жество, тоска, такая же пустыня кругомъ, мракъ, чувство гнета,—всѣ эти ужасы были, есть и будутъ, и оттого, что пройдетъ еще тысяча лѣтъ, жизнь не станетъ лучше. И ему не хотѣлось домой.

Огороды назывались вдовыми потому, что ихъ содержали двѣ вдовы, мать и дочь. Костеръ горѣлъ жарко, съ трескомъ, освѣщая далеко кругомъ вспаханную землю. Вдова Василиса, высокая, сухлая старуха въ мужскомъ полушубкѣ, стояла возлѣ и въ раздумьѣ глядѣла на огонь; ея дочь, Лукерья, маленькая, рябая, съ груповатымъ лицомъ, сидѣла на землѣ и мыла котель и ложки. Очевидно, только-что отужинали. Слышались мужскіе голоса; это здѣшніе работники на рѣкѣ поили лошадей.

— Вотъ вамъ и зима пришла назадъ,—сказалъ студентъ, подходя къ костру.—Здравствуйте!

Василиса вздрогнула, но тотчасъ же узнала его и улыбнулась привѣтливо.

— Не узнала, Богъ съ тобой,—сказала она.—Богатымъ быть.

Поговорили. Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господъ въ мамкахъ, а потомъ нянькахъ, выражалась деликатно, и съ лица ея все время не сходила мягкая, степенная улыбка; дочь же ея Лукерья, деревенская баба, забитая мужемъ, только шурилась на студента и молчала, и выраженіе у нея было странное, какъ у глухонѣмой.

— Точно такъ же въ холодную ночь грѣлся у костра апостоль Петръ,—сказалъ студентъ, протягивая къ огню руки.—Значить, и тогда было холодно. Ахъ, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Онъ посмотрѣлъ кругомъ на потемки, судорожно встряхнулъ головой и спросилъ:

— Небось, была на двѣнадцати евангеліяхъ?

— Была,—отвѣтила Василиса.

— Если помнишь, во время тайной вечери Петръ сказалъ Иисусу: «Съ Тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть». А Господь ему на это: «Говорю тебѣ, Петръ, не проноеть сегодня цѣтель, то-есть цѣтухъ, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». Послѣ вечери Иисусъ смертельно тосковалъ въ саду и молился, а бѣдный Петръ истомился душой, ослабѣлъ, вѣки у него отяжелѣли, и онъ

никакъ не могъ побороть сна. Спалъ. Потомъ, ты слышала, Иуда въ ту же ночь поцѣловалъ Иисуса и предалъ Его учителямъ. Его связаннаго вели къ первосвященнику и били, а Петръ, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся, предчувствуя, что вотъ-вотъ на землѣ произойдетъ что-то ужасное, шелъ вслѣдъ... Онъ страстно, безъ памяти любилъ Иисуса, и теперь видѣлъ издали, какъ Его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взглядъ на студента.

— Пришли къ первосвященнику, — продолжалъ онъ: — Иисуса стали допрашивать, а работники тѣмъ временемъ развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грѣлись. Съ ними около костра стоялъ Петръ и тоже грѣлся, какъ вотъ я теперь. Одна женщина, увидѣвъ его, сказала: «И этотъ былъ съ Иисусомъ», то-есть, что и его, молъ, нужно вести къ допросу. И всѣ работники, что находились около огня, должно-быть, подозрительно и сурово поглядывали на него, потому что онъ смутился и сказалъ: «Я не знаю Его». Немного погодя опять кто-то узналъ въ немъ одного изъ учениковъ Иисуса и сказалъ: «И ты изъ нихъ». Но онъ опять отрекся. И въ третій разъ кто-то обратился къ нему: «Да не тебя ли сегодня я видѣлъ съ Нимъ въ саду?» Онъ третій разъ отрекся. И послѣ этого раза тотчасъ же заиѣлъ иѣтухъ, и Петръ, взглянувъ издали на Иисуса, вспомнилъ слова, которыя Онъ сказалъ ему на вечерахъ... Вспомнилъ, очнулся, пошелъ со двора и горько-горько заплакалъ. Въ евангеліи сказано: «И исшедъ вонъ, плакася горько». Воображаю: тихій-тихий, темный-темный садъ, и въ тишинѣ два слышатся глухія рыданія...

Студентъ вздохнулъ и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдругъ всхлинула, слезы, крупныя, избытныя, потекли у нея по щекамъ, и она заслонила рукавомъ лицо отъ огня, какъ бы стыдясь своихъ слезъ, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснѣла, и выраженіе у нея стало тяжелымъ, напряженнымъ, какъ у человѣка, который сдерживаетъ сильную боль.

Работники возвращались съ рѣки, и одинъ изъ нихъ верхомъ на лошади былъ уже близко, и свѣтъ отъ костра дрожалъ на немъ. Студентъ пожелалъ вдовамъ спокойной ночи и пошелъ дальше. И опять наступили потемки, и

стали зябнуть руки. Дуть жестокий вѣтеръ, въ самомъ дѣлѣ возвращалась зима, и не было похоже, что послѣзавтра Пасха.

Теперь студентъ думалъ о Василисѣ: если она заплакала, то, значитъ, все, происходившее въ ту страшную ночь съ Петромъ, имѣеть къ ней какое-то отношеніе...

Онъ оглянулся. Одинокій огонь спокойно мигалъ въ темнотѣ, и возлѣ него уже не было видно людей. Студентъ опять подумалъ, что если Василиса заплакала, а ея дочь смутчалась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только-что рассказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣеть отношеніе къ настоящему—къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, къ всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣеть трогательно рассказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра.

И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. Прошлое,—думалъ онъ:—связано съ настоящимъ непрерывною цѣнью событий, вытекавшихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только-что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой.

А когда онъ переправился на паромѣ черезъ рѣку и потомъ, поднимаясь на гору, глядѣлъ на свою родную деревню и на западъ, гдѣ узкою полосой свѣтилась холодная багровая заря, то думалъ о томъ, что правда и красота, направляющія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы.—ему было только 22 года,—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственного счастья овладѣвали имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла.

СОСѢДИ.

Петръ Михайлычъ Ивашичъ былъ сильно не въ духѣ: его сестра, дѣвушка, ушла къ Власичу, женатому человѣку. Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ тяжелаго, унылаго настроенія, какое не оставляло его ни дома, ни въ полѣ, онъ призывалъ къ себѣ на помощь чувство справедливости, свои честныя, хорошія убѣжденія—вѣдь онъ всегда стоялъ за свободную любовь!—но это не помогало, и онъ всякій разъ помимо воли приходилъ къ такому же заключенію, какъ глухая няня, то-есть, что сестра поступила дурно, а Власичъ укралъ сестру. И это было мучительно.

Мать цѣлый день не выходила изъ своей комнаты, няня говорила понотомъ и все вздыхала, тетка каждый день собиралась уѣхать, и чемоданы ея то вносили въ переднюю, то уносили назадъ въ комнату. Въ домѣ, во дворѣ и въ саду была тишина, похожая на то, какъ будто въ домѣ были покойники. Тетка, прислуга и даже мужики, казалось Петру Михайлычу, загадочно и съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, какъ будто хотѣли сказать: «Твою сестру обольстили, что же ты бездѣйствуешь?» И онъ упрекалъ себя въ бездѣйствіи, хотя и не зналъ, въ чемъ собственно должно было заключаться дѣйствіе.

Такъ прошло дней шесть. Въ седьмой—это было въ воскресенье послѣ обѣда—верховой привезъ письмо. Адресъ былъ написанъ знакомымъ женскимъ почеркомъ: «Ея Превосх. Аннѣ Николаевнѣ Ивашиной». Петру Михайлычу почему-то показалось, что въ оболочкѣ письма и въ почеркѣ, и въ недописанномъ словѣ «Превосх.» было что-то

вызывающее, задорное, либеральное. А женскій либерализмъ упрямя, неумолимъ, жестокъ..

«Она скорѣе согласится умереть, чѣмъ сдѣлать несчастной матери уступку, попросить у нея прошенія». подумалъ Петръ Михайлычъ, идя къ матери съ письмомъ.

Мать лежала въ постели, одѣтая. Увидѣвъ сына, она порывисто поднялась и, поправляя сѣдые волосы, выбившіеся изъ-подъ чепца, быстро спросила:

— Что? Что?

— Прислала... сказалъ сынъ, подавая ей письмо.

Имя Зины и даже слово «она» не произносилось въ домѣ; о Зинѣ говорили безлично: «прислала», «ушла»... Мать узнала почеркъ дочери, и лицо ея стало некрасивымъ, неприятнымъ, и сѣдые волосы опять выбились изъ-подъ чепца.

— Нѣтъ!—сказала она, дѣлая руками такъ, какъ будто письмо обожгло ей пальцы. — Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Ни за что!

Мать истерически зарыдала отъ горя и стыда: ей, очевидно, хотѣлось прочесть письмо, но мѣшала гордость. Петръ Михайлычъ понималъ, что ему самому слѣдовало бы распечатать письмо и прочесть его вслухъ, но имъ вдругъ овладѣла злоба, какой онъ раньше никогда не испытывалъ; онъ выбѣжалъ на дворъ и крикнулъ верховому:

— Скажи, что отвѣта не будетъ! Не будетъ отвѣта! Такъ и скажи, скотина!

И разорвать письмо: потомъ слезы выступили у него на глазахъ, и, чувствуя себя жестокимъ, виноватымъ и несчастнымъ, онъ ушелъ въ поле.

Ему шелъ только двадцать-восьмой годъ, но ужъ онъ былъ толстъ, одѣвался по-стариковски во все широкое и просторное и страдалъ одышкой. Въ немъ были уже всѣ задатки помѣщика стараго холостяка. Онъ не влюблялся, о женитьбѣ не думалъ и любилъ только мать, сестру, няню, садовника Васильича; любилъ хорошо поѣсть, поспать послѣ обѣда, поговорить о политикѣ и о возвышенныхъ матеріяхъ... Въ свое время онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но теперь смотрѣлъ на это такъ, какъ будто отбылъ повинность, неизбежную для юношей въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, мысли, которыя теперь каждый день бродили въ его головѣ, не имѣли ни-

чего общаго съ университетомъ и съ тѣми науками, которыя онъ проходилъ.

Въ полѣ было жарко и тихо, какъ передъ дождемъ. Въ лѣсу парило, и шелъ душистый тяжелый запахъ отъ сосенъ и лиственничнаго перегноя. Петръ Михайлычъ часто останавливался и вытиралъ мокрый лобъ. Онъ осматрѣлъ свои озимыя и яровыя, обошелъ клеверное поле и рѣза два согналъ на опушкѣ куропатку съ цыплятами; и все время онъ думалъ о томъ, что это невыносимое состояніе не можетъ продолжаться вѣчно и что надо его такъ или иначе кончить. Кончить какъ-нибудь глупо, дико, но непременно кончить.

«Но какъ же? Что же сдѣлать?»—спрашивалъ онъ себя и умоляюще поглядывалъ на небо и на деревья, какъ бы прося у нихъ помощи.

Но небо и деревья молчали. Честныя убѣжденія не помогали, а здравый смыслъ подсказывалъ, что мучительный вопросъ можно рѣшить не иначе, какъ глупо, и что сегодняшняя сцена съ верховымъ не послѣдняя въ этомъ родѣ. Что еще будетъ—странно подумать!

Когда онъ возвращался домой, уже заходило солнце. Теперь ужъ ему казалось, что вопроса никакъ нельзя рѣшить. Съ совершившимся фактомъ мириться нельзя, не мириться тоже нельзя, а середины нѣтъ. Когда онъ, снявши шляпу и обмахиваясь платкомъ, шелъ по дорогѣ и до дома оставалось версты двѣ, сзади послышались звонки. Это были затѣшливый и очень удачный подборъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, издававшихъ стеклянные звуки. Съ такимъ звономъ ѣздили одинъ только исправникъ Медовскій, бывший гусарскій офицеръ, промотавшійся и истасканный, больной человекъ, дальній родственникъ Петра Михайлыча. У Ивановыхъ онъ былъ своимъ человекомъ и къ Зинѣ питалъ нѣжное отеческое чувство и восхищался ею.

— А я къ вамъ,—сказалъ онъ, обогнавъ Петра Михайлыча.—Садитесь, подвезу.

Онъ улыбался и глядѣлъ весело; очевидно, не зная еще, что Зина ушла къ Власичу; быть-можетъ, ему уже сообщили объ этомъ, но онъ не вѣрилъ. Петръ Михайлычъ почувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи.

— Милости просимъ, — пробормоталъ онъ, краснѣя до

слезь и не зналъ, какъ и что солгать. — Я очень радъ. — продолжалъ онъ, стараясь улыбнуться:—но... Зина уѣхала, а мама больна.

— Какая досада!—сказалъ исправникъ, задумчиво глядя на Петра Михайлыча. — А я собирался провести у васъ вечеръ. Куда же уѣхала Зинаида Михайловна?

— Къ Спницкимъ, а оттуда, кажется, хотѣла въ монастырь. Не знаю навѣрное.

Исправникъ поговорилъ еще немного и повернулъ назадъ. Петръ Михайлычъ шелъ домой и съ ужасомъ думалъ о томъ, какое чувство будетъ у исправника, когда онъ узнаетъ правду. И Петръ Михайлычъ вообразилъ себѣ это чувство и, испытывая его, вошелъ въ домъ.

«Помоги, Господи, помоги...»—думалъ онъ.

Въ столовой за вечернимъ чаемъ сидѣла одна только тетка. По обыкновенію, на лицѣ у нея было такое выраженіе, что она хоть и слабая, беззащитная, но обидѣть себя никому не позволитъ. Петръ Михайлычъ сѣлъ на другой конецъ стола (онъ не любилъ тетки) и сталъ молчать чай.

— Твоя мать сегодня опять не обѣдала, — сказала тетка. — Ты бы, Петруша, обратилъ вниманіе. Морить себя будешь голодомъ, этимъ горю не пособишь.

Петру Михайлычу показалось нелѣпнымъ, что тетка вмѣшивается въ чужія дѣла и свой отъѣздъ ставитъ въ зависимость отъ того, что ушла Зина. Онъ хотѣлъ сказать ей дерзость, но сдержалъ себя. И, сдерживая себя, онъ почувствовалъ, что настала подходящая пора, чтобы дѣйствовать, и что терять долѣе нѣтъ силъ. Или дѣйствовать сейчасъ же, или же упасть на полъ, кричать и биться головой о полъ. Онъ вообразилъ Власича и Зину, какъ они оба, либеральные и довольные собой, цѣлуются теперь гдѣ-нибудь подъ кленомъ, и все тяжелое и злобное, что скоплялось въ немъ въ теченіе семи дней, навалилось на Власича.

«Одинъ оболъстнулъ и укралъ сестру, — подумалъ онъ:— другой придетъ и зарѣжетъ мать, третій подожжетъ домъ или ограбитъ... И все это подъ личиной дружбы, высокихъ идей, страданій!»

— Нѣтъ, этого не будетъ!—вдругъ крикнулъ Петръ Михайлычъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ столовой. Въ конюшнѣ стояла осѣдланная лошадь управляющаго. Онъ сѣлъ на нее и поскакалъ къ Власичу.

Въ душѣ у него происходила цѣлая буря. Онъ чувствовалъ потребность сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее, рѣзкое, хотя бы потомъ пришлось каяться всю жизнь. Назвать Власича подлецомъ, дать ему пощечину и потомъ вызвать на дуэль? Но Власичъ не изъ тѣхъ, которые дерутся на дуэли; отъ поддеца же и пощечины онъ станетъ только несчастнѣе и глубже уйдетъ въ самого себя. Эти несчастные, безответные люди — самые несносные, самые тяжелые люди. Имъ все проходитъ безнаказанно. Когда несчастный человѣкъ, въ отвѣтъ на заслуженный упрекъ, взглянетъ своими глубокими виноватыми глазами, болѣзненно улыбнется и покорно подставитъ голову, то, кажется, у самой справедливости не хватитъ духа поднять на него руку.

«Все равно. Я при ней ударю его хлыстомъ и наговорю ему дерзостей»,—рѣшилъ Петръ Михайлычъ.

Онъ ѣхалъ своимъ лѣсомъ и пустырями и воображалъ, какъ Зина, чтобы оправдать свой поступокъ, будетъ говорить о правахъ женщины, о свободѣ личности и о томъ, что между церковнымъ и гражданскимъ бракомъ нѣтъ никакой разницы. Она по-женски будетъ спорить о томъ, чего не понимаетъ. И, вѣроятно, въ концѣ концовъ она спроситъ: «При чемъ ты тутъ? Какое ты имѣешь право вмѣшиваться?»

— Да, я не имѣю права,—пробормоталъ Петръ Михайлычъ. — Но тѣмъ лучше... Чѣмъ грубѣе, чѣмъ меньше права, тѣмъ лучше.

Было душно. Низко надъ землею стояли тучи комаровъ, и въ пустыряхъ жалобно плакали чибисы. Все предвѣщало дождь, но не было ни одного облачка. Петръ Михайлычъ переѣхалъ свою межу и поскакалъ по ровному, гладкому полю. Онъ часто ѣздивъ по этой дорогѣ и зналъ на ней каждый кустикъ, каждую ямку. То, что далеко впереди тельперъ, въ сумеркахъ, представлялось темнымъ утесомъ, была красная церковь; онъ могъ вообразить ее себѣ всю до мелочей, даже штукатурку на воротахъ и телятъ, которые всегда паслись въ оградѣ. Въ верстѣ отъ церкви направо темнѣетъ роща, это графа Колтовича. А за рощей начинается уже земля Власича.

Изъ-за церкви и графской роши надвигалась громадная черная туча, и на ней вспыхивали блѣдныя молніи.

«Вотъ оно что!—подумалъ Петръ Михайлычъ.—Помоги, Господи, помоги».

Лошадь отъ быстрой ѣзды скоро устала, и самъ Петръ Михайлычъ усталъ. Грозовая туча сердито смотрѣла на него и какъ будто совѣтовала вернуться домой. Стало немножко жутко.

«Я имъ докажу, что они не правы! — подбодрялъ онъ себя. — Они будутъ говорить, что это свободная любовь, свобода личности; но вѣдь свобода — въ воздержаніи, а не въ подчиненіи страстямъ. У нихъ развратъ, а не свобода!»

Вотъ большой графскій прудъ; отъ тучи онъ посинѣлъ и нахмурился; повѣяло отъ него сыростью и тиной. Около гати двѣ пвы, старая и молодая, нѣжно прислонились другъ къ другу. На этомъ самомъ мѣстѣ недѣли двѣ назадъ Петръ Михайлычъ и Власичъ шли пѣшкомъ и пѣли вполголоса студенческую пѣсню: «Не любить — погубить, значить, жизнь молодую...» Жалкая пѣсня!

Когда Петръ Михайлычъ ѣхалъ черезъ рошу, гремѣлъ громъ, и деревья шумѣли и гнулись отъ вѣтра. Надо было торопиться. Отъ роши до усадьбы Власича оставалось еще проѣхать лугомъ не болѣе версты. Тутъ по обѣ стороны дороги стояли старыя березы. Онѣ были такъ же печальны и несчастны на видъ, какъ ихъ хозяинъ Власичъ, такъ же были тощи и высоко вытянулись, какъ онъ. Въ берегахъ и въ травѣ замушала крупный дождь, вѣтеръ тотчасъ же стихъ и запахло мокрою землей и тополемъ. Вонь показалась изгородь Власича съ желтою акаціей, которая тоже тоща и вытянулась; тамъ, гдѣ рѣшетка обвалилась, виденъ залущенный фруктовый садъ.

Петръ Михайлычъ не думалъ уже ни о пощечинѣ, ни о хлыстѣ, и не зналъ, что будетъ онъ дѣлать у Власича. Онъ струсиль. Ему было страшно за себя и за сестру, и было жутко, что онъ ее сейчасъ увидить. Какъ она будетъ держать себя съ братомъ? О чемъ они оба будутъ говорить? И не вернуться ли назадъ, пока не поздно? Думая такъ, онъ по липовой аллеѣ поскакалъ къ дому, обогнулъ широкіе кусты сирени и вдругъ увидѣлъ Власича.

Власичъ безъ шляпы, въ ситцевой рубахѣ и высокихъ

саногать, согнувшись подъ дождемъ. шелъ отъ угла дома къ крыльцу; за нимъ работникъ несъ молотокъ и ящикъ съ гвоздями. Должно-быть, починяли ставню, которая хлопала отъ вѣтра. Увидѣвъ Петра Михайлыча, Власичъ остановился.

— Это ты? — сказали онъ и улыбнулся. — Ну, вотъ и хорошо.

— Да, прѣхаль, какъ видишь... — тихо проговорилъ Петръ Михайлычъ, стяхивая съ себя дождь обѣими руками.

— Ну, вотъ и ладно. Очень радъ, — сказали Власичъ, но руки не подалъ: очевидно, не рѣшался и ждать, когда ему подадутъ. — Для овсовъ хорошо! — сказали онъ и поглядѣлъ на небо.

— Да.

Молча вошли въ домъ. Направо изъ передней вела дверь въ другую переднюю и потомъ въ залу, а налево—въ маленькую комнату, гдѣ зимою жилъ приказчикъ. Петръ Михайлычъ и Власичъ пошли въ эту комнату.

— Тебя гдѣ дождь захватилъ?—спросилъ Власичъ.

— Недалеко. Почти около дома.

Петръ Михайлычъ сѣлъ на кровать. Онъ былъ радъ, что шумѣлъ дождь и что въ комнатѣ было темно. Этакъ лучше: не такъ жутко и не нужно собесѣднику въ лицо смотрѣть. Злобы у него уже не было, а были страхъ и досада на себя. Онъ чувствовалъ, что дурно началъ и что изъ этой его поѣздки не выйдетъ никакого толку.

Оба нѣкоторое время молчали и дѣлали видъ, что прислушиваются къ дождю.

— Спасибо, Петруша, началъ Власичъ, кашлянувъ.— Я очень благодаренъ тебѣ, что ты прѣхаль. Это великодушно и благородно съ твоей стороны. Я это понимаю и, вѣрь мнѣ, цѣню высоко. Вѣрь мнѣ.

Онъ поглядѣлъ въ окно и продолжалъ, стоя среди комнаты:

— Все произошло какъ-то тайно, точно мы скрывались отъ тебя. Сознаніе, что ты, быть-можетъ, оскорбленъ нами и серднишься, всё эти дни лежало пятномъ на нашемъ счастьѣ. Но позволю оправдаться. Дѣйствовали мы тайно не потому, что тебѣ мало довѣряли. Во-первыхъ, все произошло внезапно, по какому-то вдохновенію, и разсуждать

было некогда. Во-вторыхъ, это дѣло интимное, щеботливое... было неловко вмѣшиваться третье лицо, хотя бы даже такое близкое, какъ ты. Главное же, во всемъ этомъ мы сильно рассчитывали на твое великодушіе. Ты великодушнѣйшій, благороднѣйшій человекъ. Я тебѣ безконечно благодаренъ. Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Власичъ говорилъ тихимъ, глухимъ басомъ, все въ одну ноту, будто гудѣлъ; онъ, видимо, воливался. Петръ Михайлычъ почувствовалъ, что наступила его очередь говорить и что слушать и молчать значило бы для него въ самомъ дѣлѣ разыгрывать изъ себя великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго простака, а онъ не за этимъ сюда прѣхалъ. Онъ быстро поднялся и сказалъ виолголоса, задыхаясь:

— Послушай, Григорій, ты знаешь, я любилъ тебя и лучшаго мужа для своей сестры не желалъ; но то, что произошло, ужасно! Страшно подумать!

— Почему же страшно?—спросилъ Власичъ дрогнувшимъ голосомъ.—Было бы страшно, если бы мы дурно поступили, но вѣдь этого нѣтъ!

— Послушай, Григорій, ты знаешь, я безъ предразсудковъ; но, извини за откровенность, по моему мнѣнію, вы оба поступили эгоистически. Конечно, я этого не скажу Зинѣ, это ее огорчить, но ты долженъ знать: мать страдаетъ до такой степени, что описать трудно.

— Да, это грустно,—вздохнулъ Власичъ.—Мы это предвидѣли, Петруша, но что же мы должны были дѣлать? Если твой поступокъ огорчаетъ кого-нибудь, то это еще не значить, что онъ дурень. Что дѣлать! Всякій твой серьезный шагъ неминуемо долженъ огорчить кого-нибудь. Если бы ты пошелъ сражаться за свободу, то это тоже заставило бы твою мать страдать. Что дѣлать! Кто выше всего ставитъ покой своихъ близкихъ, тотъ долженъ совершенно отказаться отъ идеальной жизни.

За окномъ ярко сверкнула молнія, и этотъ блескъ какъ будто измѣнилъ теченіе мыслей у Власича. Онъ съль рядомъ съ Петромъ Михайлычемъ и заговорилъ совѣмъ не то, что нужно.

— Я, Петруша, благоговѣю передъ твоею сестрой, — сказалъ онъ. — Когда я ѣздилъ къ тебѣ, то всякій разъ у

меня бывало такое чувство, какъ будто я шелъ на бого-молье, и я въ самомъ дѣлѣ молился на Зину. Теперь мое благоговѣнїе растетъ съ каждымъ днемъ. Она для меня выше, чѣмъ жена! Выше! (Власичъ взмахнулъ руками). Она моя святыня. Съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ у меня, я вхожу въ свой домъ какъ въ храмъ. Это рѣдкая, необыкновенная, благороднѣйшая женщина!

«Ну, завелъ свою шарманку!»—подумалъ Петръ Михайлычъ; слово «женщина» ему не понравилось.

— Отчего бы вамъ не жениться по-настоящему?—сиропилъ онъ.—Сколько твоя жена хочетъ за разводъ?

— Семьдесятъ пять тысячъ.

— Многовато. А если поторговаться?

— Не уступить ни копейки. Это, братъ, ужасная женщина!—вздыхнулъ Власичъ.—Я тебѣ раньше о ней никогда не говорилъ, было противно вспоминать, но вотъ пришлось къ случаю, упоминаю. Женился я на ней подъ вліяніемъ хорошей, честной минуты. Въ нанемъ полку, если хочешь подробностей, одинъ батальонный командиръ сошелся съ восемнадцатилѣтнею дѣвицей, го-есть, попросту, обольстилъ ее, пожилъ съ ней мѣсяца два и бросилъ. Очутилась она, братъ, въ ужаснѣйшемъ положеніи. Къ родителямъ возвращаться совѣстно, да и не примутъ, любовникъ бросилъ,—хоть иди въ казармы и продавай себя. Товарищи по полку были возмущены. Сами тоже они не святые, но подлость ужъ очень глаза рѣзала. Батальоннаго, къ тому же, въ полку всѣ терпѣть не могли. И, чтобы подложить ему свинью, понимаешь ли, стали всѣ негодующіе прапорщики и подпоручики собирать деньги по подпискѣ въ пользу несчастной дѣвицы. Ну, вотъ, когда мы, младшіе оберъ-офицеры, собрались на совѣщаніе и когда стали выкладывать кто пять, кто десять рублей, у меня вдругъ загорѣлась голова. Обстановка показалась мнѣ слишкомъ подходящею для подвига. Я поспѣшилъ къ дѣвицѣ и въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ ей свое сочувствіе. И пока я шелъ къ ней и потомъ говорилъ, я горячо любилъ ее, какъ униженную и оскорбленную. Да... Ну, вышло такъ, что черезъ недѣлю послѣ этого я сдѣлалъ ей предложеніе. Начальство и товарищи нашли бракъ мой несомвѣстимымъ съ достоинствомъ офицера. Это меня еще пуще воспламенило. Я, понимаешь ли, написалъ данное письмо, въ которомъ дока-

заль, что мой поступокъ долженъ быть записанъ въ исторіи полка золотыми буквами и прочее. Письмо послалъ командиру, а копии товарищамъ. Ну, конечно, было возбужденъ и не обошлось безъ рѣзкостей. Меня попросили оставить полкъ. Гдѣ-то у меня спрятанъ черновикъ, я тебѣ дамъ прочесть какъ-нибудь. Написано съ большимъ чувствомъ. Ты увидишь, какія я переживалъ честныя, свѣтлыя минуты. Подалъ я въ отставку и пріѣхалъ съ женой сюда. Послѣ отца остались кое-какіе долгишки, денегъ у меня не было, а жена съ перваго же дня завела знакомства, стала щеголять и играть въ карты, и я вынужденъ былъ заложить имѣніе. Вела она, понимаешь ли, нехорошую жизнь, и изъ всѣхъ моихъ сосѣдей только одинъ ты не былъ ея любовникомъ. Года черезъ два далъ я ей отступного, все, что у меня было тогда, и она уѣхала въ городъ. Да... И теперь я выплачиваю ей по тысячѣ двѣсти ежегодно. Ужасная женщина! Есть, братъ, муха, которая кладетъ личинку на спину паука такимъ образомъ, что тотъ никакъ не можетъ сбросить ея: личинка прирастаетъ къ пауку и пьетъ изъ его сердца кровь. Точно такъ же вотъ приросла ко мнѣ и пьетъ изъ моего сердца кровь эта женщина. Она ненавидитъ и презираетъ меня за то, что я сдѣлалъ глупость, то-есть женился на такой женщицѣ, какъ она. Мое великодушіе кажется ей жалкимъ. «Умный человекъ, говоритъ, бросилъ меня, а дуракъ подобралъ». Но ея мнѣнію, только жалкій идіотъ могъ поступить такъ, какъ я. И мнѣ, братъ, это невыносимо горько. Вообще, братъ, скажу въ скобкахъ, гнетъ меня судьба. Въ дугу гнетъ.

Петръ Михайлычъ слушалъ Власича и въ недоумѣніи спрашивалъ себя: чѣмъ этотъ человекъ могъ такъ понравиться Зинѣ? Не молодой, — ему уже 41 годъ. — тощій, сухопарый, узкогрудый, съ длиннымъ носомъ, съ просѣдью въ бородѣ. Говоритъ онъ — точно гудеть, улыбается болѣзненно и, разговаривая, некрасиво взмахиваетъ руками. Ни здоровья, ни красивыхъ мужественныхъ манеръ, ни свѣтскости, ни веселости, а такъ, съ вѣшной стороны, что-то тусклое и неопредѣленное. Одѣвается онъ безвкусно, обстановка у него унылая, поэзіи и живописи онъ не признаетъ, потому что онѣ «не отвѣчаютъ на запросы дня», то-есть онъ не понимаетъ ихъ: музыка его не трогаетъ. Хозяинъ онъ плохой. Имѣніе у него приведено въ полное разстройство и

заложено; по второй закладной онъ платитъ двѣнадцать процентовъ и, кромѣ того, по векселямъ еще долженъ тысячь десять. Когда приходитъ время платить проценты или высылать женѣ деньги, онъ проситъ у всѣхъ займы съ такимъ выраженіемъ, какъ будто у него дома пожаръ, и въ это время, очертя голову, продаетъ онъ весь свой зимній запасъ хвороста за пять рублей, скирду соломы за три рубля и потомъ велитъ топить свои печи садовою рѣшеткой или старыми парниковыми рамами. Луга у него потравлены свиньями, въ лѣсу по молодняку ходитъ мужицкій скотъ, а старыхъ деревьевъ съ каждой зимой становится все меньше и меньше; въ огородѣ и въ саду валяются насѣчные колодки и ржавыя ведра. У него нѣтъ ни талантовъ, ни дарованій и нѣтъ даже обыкновенной способности жить, какъ люди живутъ. Въ практической жизни это наивный, слабый человѣкъ, котораго легко обмануть и обидѣть, и мужики не даромъ называютъ его «простоватымъ».

Онъ либераль и считается въ уѣздѣ краснымъ, но и это выходитъ у него скучно. Въ его вольнодумствѣ нѣтъ оригинальности и пафоса; возмущается, негодуетъ и радуется онъ какъ-то все въ одну ноту, не эффектно и вяло. Даже въ минуты сильнаго воодушевленія онъ не поднимаетъ головы и остается сутулымъ. Но скучиѣ всего, что даже свои хорошія, честныя идеи онъ умудряется выражать такъ, что онѣ кажутся у него банальными и отсталыми. Вспоминается что-то старое, давно читанное, когда онъ медленно, съ глубокомысленнымъ видомъ, начинаетъ толковать про честныя, свѣтлыя минуты, про лучшіе годы, или когда восторгается молодежью, которая всегда шла и идетъ впереди общества, или порицаетъ русскихъ людей за то, что они въ тридцать лѣтъ надѣваются халатъ и забываютъ завѣты своей *almae matris*. Когда остаешься у него ночевать, то онъ кладетъ на ночной столикъ Писарева или Дарвина. Если скажешь, что я это уже читалъ, то онъ выйдетъ и принесетъ Добролюбова.

Это называлось въ уѣздѣ вольнодумствомъ, и многіе смотрѣли на это вольнодумство какъ на невинное и безобидное чудачество; но оно, однако, сдѣлало его глубоко несчастнымъ. Оно было для него тою личинкой, о которой онъ только-что говорилъ: крѣпко приросло къ нему и шло изъ

его сердца кровь. Въ прошломъ странный бракъ во вкусѣ Достоевскаго, длинныя письма и коніи, писанныя плохимъ, неразборчивымъ почеркомъ, но съ большимъ чувствомъ, безконечныя недоразумѣнія, объясненія, разочарованія, потому долги, вторая закладная, жалованье женѣ, ежемѣсячныя займы — и все это никому не въ пользу, ни себѣ, ни людямъ. И въ настоящемъ, какъ прежде, все онъ торопится, ищетъ подвига и суется въ чужія дѣла; попрежнему, при всякомъ удобномъ случаѣ, длинныя письма и коніи, утомительныя шаблонныя разговоры объ общинѣ или о поднятїи кустарной промышленности, или объ учрежденіи сыроварень, — разговоры, похожіе одинъ на другой, точно онъ приготовляетъ ихъ не въ живомъ мозгу, а машиннымъ способомъ. И, наконецъ, этотъ скандалъ съ Зиной, который неизвѣстно чѣмъ еще кончится!

А между тѣмъ сестра Зина молода, — ей только 22 года. — хороша собой, изящна, весела; она хохотушка, болтунья, спорщица, страстная музыкантша; она знаетъ толкъ въ нарядахъ, въ книгахъ и въ хорошей обстановкѣ, и у себя дома не потеряла бы такой комнатки, какъ эта, гдѣ пахнетъ самогami и дешевою водкой. Она тоже либералка, но въ ея вольнодумствѣ чувствуются избытокъ силъ, тщеславіе молодой, сильной, смѣлой дѣвушки, страстная жажда быть лучше и оригинальнѣе другихъ... Какъ же могло случиться, что она полюбила Власича?

«Онъ — Донъ-Кихоть, упрямый фанатикъ, маньякъ, — думалъ Петръ Михайлычъ, — а она такая же рыхлая, слабохарактерная и покладистая, какъ я... Мы съ ней сдаемся скоро и безъ сопротивленія. Она полюбила его; но развѣ я самъ не люблю его, несмотря ни на что»...

Петръ Михайлычъ считалъ Власича хорошимъ, честнымъ, но узкимъ и одностороннимъ человѣкомъ. Въ его волненіяхъ и страданіяхъ да и во всей его жизни онъ не видѣлъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ высшихъ цѣлей, а видѣлъ только скуку и неумѣнье жить. Его самоотверженіе и все то, что Власичъ называлъ подвигомъ или честнымъ порывомъ, представлялись ему бесполезною тратой силъ, ненужными холостыми выстрѣлами, на которые шло очень много пороху. А то, что Власичъ фанатически вѣрилъ въ необыкновенную честность и непогрѣшимость своего мышленія, казалось ему наивнымъ и даже болѣзненнымъ;

и то, что Власичъ всю свою жизнь какъ-то ухитрился перешутывать ничтожное съ высокимъ, что онъ глупо женился и считалъ это подвигомъ, и потомъ сходилъ съ женщинами и видѣлъ въ этомъ торжество какой-то идеи, — это было просто непонятно.

Но все-таки Петръ Михайлычъ любилъ Власича, чувствовалъ присутствіе въ немъ какой-то силы, и почему-то у него никогда не хватало духа противорѣчить ему.

Власичъ подѣлывалъ совѣтъ близко, чтобы потопковать подъ шумокъ дождя, въ темнотѣ, и уже откашлялся, готовый рассказать что-нибудь длинное, въ родѣ исторіи своей женитьбы; но Петру Михайлычу невыносимо было слушать; его томила мысль, что сейчасъ онъ увидитъ сестру.

— Да, тебѣ не везло въ жизни, — сказалъ онъ мягко:— но, извини, мы съ тобой уклонились отъ главнаго. Мы не о томъ говоримъ.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ. Такъ вотъ вернемся къ главному, — сказалъ Власичъ и всталъ. — Я говорю тебѣ, Петруша: совѣтъ наша чиста. Мы не вѣдчаны, но что бракъ нашъ вполне законенъ, — не мнѣ доказывать и не тебѣ слушать. Ты такъ же свободно мыслить, какъ я, и, слава Богу, разногласія у насъ на этотъ счетъ не можетъ быть. Что же касается до нашего будущаго, то оно не должно пугать тебя. Я буду работать до кроваваго пота, не спать ночей, — однимъ словомъ, я напрягу всѣ силы, чтобы Зина была счастлива. Жизнь ея будетъ прекрасной. Ты спросишь: сумѣю ли я это сдѣлать? Сумѣю, братъ! Когда человекъ думаетъ каждую минуту все объ одномъ и томъ же, то ему не трудно добиться, чего онъ хочетъ. Но пойдѣмъ къ Зинѣ. Надо ее обрадовать.

У Петра Михайлыча забилось сердце. Онъ всталъ и пошелъ за Власичемъ въ переднюю, а оттуда въ залу. Въ этой громадной, угрюмой комнатѣ былъ только фортепьянъ да длинный рядъ старинныхъ стульевъ съ бронзой, на которые никто никогда не садился. На фортепьянѣ горѣла одна свѣча. Изъ залы молча прошли въ столовую. Тутъ тоже просторно и уютно: посреди комнаты круглый столъ изъ двухъ половинокъ на шести толстыхъ ногахъ и только одна свѣча. Часы въ большомъ красномъ футлярѣ, похожемъ на котъ, показывали половину третьяго.

Власичъ отворилъ дверь въ сосѣдную комнату и сказалъ:

— Зяночка, у насъ Петруша!

Тотчасъ же послышались торопливые шаги, и въ столовую вошла Зина, высокая, полная и очень блѣдная, какую Петръ Михайлычъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ дома, — въ черной юбкѣ и въ красной кофточкѣ съ большою пряжкой на поясѣ. Она одною рукою обняла брата и поцѣловала его въ високъ.

— Какая гроза!—сказала она.—Григорій ушелъ куда-то, и я осталась одна на весь домъ.

Она не была смущена и смотрѣла на брата искренно и ясно, какъ дома; глядя на нее, и Петръ Михайлычъ пересталъ испытывать смущеніе.

— Но вѣдь ты не боишься грозы,—сказалъ онъ, садясь за столъ.

— Да, но здѣсь огромныя комнаты, домъ старій и весь звенитъ отъ грома, какъ шкапъ съ посудой. Вообще, миленькій домикъ,—продолжала она, садясь противъ брата.— Тутъ, что ни комната, то какое-нибудь пріятное воспоминаніе. Въ моей комнатѣ, можешь себѣ представить, застрѣлился дѣдушка Григорія.

— Въ августѣ будутъ деньги, ремонтирую флигель въ саду,—сказалъ Власичъ.

— Почему-то во время грозы вспоминается дѣдушка,—продолжала Зина.—А въ этой столовой засѣкли на-смерть какого-то человѣка.

— Это дѣйствительный фактъ,—подтвердилъ Власичъ и посмотрѣлъ большими глазами на Петра Михайлыча. — Въ сороковыхъ годахъ это имѣніе арендовалъ нѣкій Оливьеръ, французъ. Портретъ его дочери валяется у насъ теперь на чердакѣ. Очень хорошенькая. Этотъ Оливьеръ, какъ рассказывалъ мнѣ отецъ, презиралъ русскихъ за невѣжество и глумился надъ ними жестоко. Такъ, онъ требовалъ, чтобы священникъ, проходя мимо усадьбы, снималъ шапку за полверсты, и когда семейство Оливьеровъ проѣзжало черезъ деревню, то чтобъ звонили въ церкви. Съ крѣпостными и вообще съ малыми міра сего онъ, конечно, церемонился еще меньше. Какъ-то проходилъ здѣсь по дорогѣ одинъ изъ благодунѣишшихъ сыновъ бродячей Руси, что-то въ родѣ гоголевскаго бурсака Хомы Брута. Попросился онъ ночевать, понравился тутъ приказчикамъ, и его оставили при конторѣ. Существуетъ много варіацій.

Одни говорятъ, что бурсакъ волновалъ крестьянъ, другіе же, — будто его полюбила дочь Оливьера. Не знаю, что вѣрно, но только въ одинъ прекрасный вечеръ позвалъ его сюда Оливьеръ и сдѣлалъ ему допросъ, потомъ же приказалъ его бить. Понимаешь ли, самъ сидитъ за этимъ столомъ и бордо пьетъ, а конюхи бьютъ бурсака. Должно-быть, пыталъ. Къ утру бурсакъ умеръ отъ истязаній, и трупъ его спрятали куда-то. Говорятъ, что въ прудъ Колтовича бросили. Подняли дѣло, но французъ заплатилъ кому слѣдуетъ нѣсколько тысячъ и уѣхалъ въ Эльзасъ. Кстати же подошелъ срокъ аренды, тѣмъ дѣло и кончилось.

— Какіе негодяи!—проговорила Зина и вздрогнула.

— Мой отецъ хорошо помнилъ и Оливьера, и его дочь. Говорилъ, что красавица была замѣчательная и притомъ эксцентричная. Я думаю, что бурсакъ все вмѣстѣ: и крестьянъ волновалъ, и дочь увлекъ. Можетъ-быть, даже это былъ вовсе не бурсакъ, а инкогнито какой-нибудь.

Зина задумалась: исторія бурсака и красивой французки, повидимому, унесла ея воображеніе далеко. Какъ казалось Петру Михайлычу, она наружно нисколько не измѣнилась въ послѣднюю недѣлю, только стала немножко блѣднѣе. Она глядѣла покойно и обыкновенно, какъ будто вмѣстѣ съ братомъ пріѣхала къ Власичу въ гости. Но Петръ Михайлычъ чувствовалъ, что произошла какая-то перемѣна въ немъ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде, когда она жила дома, онъ могъ говорить съ нею рѣшительно обо всемъ, теперь же онъ былъ не въ силахъ задать даже простого вопроса: «Какъ тебѣ живется здѣсь?» Этотъ вопросъ казался неловкимъ и ненужнымъ. Должно-быть, такая перемѣна произошла и въ ней. Она не смѣлила заводить разговоръ о матери, о домѣ, о своемъ романѣ съ Власичемъ; она не оправдывалась, не говорила, что гражданскій бракъ лучше церковнаго, не волновалась и покойно задумалась надъ исторіей Оливьера... И почему вдругъ заговорили объ Оливьерѣ?

— У васъ у обоихъ плечи мокрѣя отъ дождя,—сказала Зина и радостно улыбнулась; она была тронута этимъ маленькимъ сходствомъ между братомъ и Власичемъ.

И Петръ Михайлычъ почувствовалъ всю горечь и весь ужасъ своего положенія. Онъ вспомнилъ свой опустѣвшій

домъ, закрытый рояль и Зинину свѣтленькую комнату, въ которую теперь уже никто не входитъ; онъ вспомнилъ, что на аллеяхъ въ саду уже нѣтъ слѣдовъ отъ маленькихъ ногъ и что передъ вечернимъ чаемъ уже никто съ громкимъ смѣхомъ не уходитъ купаться. То, къ чему онъ больше и больше привязывался съ самаго раняго дѣтства, о чемъ любилъ думать, когда сидѣлъ, бывало, въ душномъ классѣ или въ аудиторіи, — ясность, чистота, радость, все, что наполняло домъ жизнью и свѣтомъ, ушло безвозвратно, исчезло и смѣшалось съ грубою, неуклюжею исторіей какого-то батальоннаго командира, великодушнаго прапорщика, развратной бабы, застрѣливагося дѣдушки... И начинать разговоръ о матери или думать, что прошлое можетъ вернуться, значило бы не понимать того, что ясно.

Глаза у Петра Михайлыча наполнились слезами, и рука, лежавшая на столѣ, задрожала. Зина угадала, о чемъ онъ думалъ, и глаза ея тоже покраснѣли и заблестѣли.

— Григорій, поди сюда!—сказала она Власичу.

Оба отошли къ окну и стали говорить о чемъ-то попомтомъ. И по тому, какъ Власичъ нагнулся къ ней и какъ она смотрѣла на него, Петръ Михайлычъ еще разъ понималъ, что все уже непоправимо кончено и что говорить ни о чемъ не нужно. Зина вышла.

— Такъ-то, братъ, — заговорилъ Власичъ послѣ нѣкотораго молчанія, потирая руки и улыбаясь. — Я давеча назвалъ нашу жизнь счастьемъ, но это подчиняясь, такъ сказать, литературнымъ требованіямъ. Въ сущности же ощущенія счастья еще не было. Зина все время думала о тебѣ, о матери, и мучилась; глядя на нее, и я мучился. Она натура свободная, смѣлая, но безъ привычки, знаешь, тяжело, да и молода къ тому же. Прислуга называетъ ее барышней; кажется, пустякъ, но это ее волнуетъ. Такъ-то, братъ.

Зина принесла полную тарелку земляники. За ней вошла маленькая горничная, на видъ безответная и забитая. Она поставила на столъ кувшинъ молока и поклонилась низко-низко... Въ ней было что-то общее съ старинной мебелью, такое же оцѣпенѣлое и скучное.

Дождя уже не было слышно. Петръ Михайлычъ ѣлъ землянику, а Власичъ и Зина смотрѣли на него молча.

Приближалось время ненужного, но неизбежнаго разговора, и всѣ трое уже чувствовали его тяжесть. У Петра Михайлыча глаза опять наполнились слезами; онъ отодвинулъ отъ себя тарелку и сказалъ, что ему пора уже ѣхать домой, а то будетъ поздно и, пожалуй, опять пойдетъ дождь. Настала минута, когда Зина изъ приличія должна была заговорить о домашнихъ и о своей новой жизни.

— Что у насъ? — спросила она быстро, и ея блѣдное лицо задрожало. — Что мама?

— Ты маму знаешь... — отвѣтилъ Петръ Михайлычъ, не глядя на нее.

— Петруша, ты долго думалъ о томъ, что произошло, — проговорила она, взявши брата за рукавъ, и онъ понималъ, какъ ей тяжело говорить. — Ты долго думалъ; скажи мнѣ, можно ли рассчитывать, что мама когда-нибудь примирится съ Григоріемъ... и вообще съ этимъ положеніемъ?

Она стояла близко къ брату, лицомъ къ лицу, и онъ изумился, что она такъ красива, и что раньше онъ точно не замѣчалъ этого; и то, что его сестра, похожая лицомъ на мать, избѣженная, иззяцкая, жила у Власича и съ Власичемъ, около оцѣпенѣлой горничной, около стола на шести ногахъ, въ домѣ, гдѣ засѣкли живого человѣка, что она сейчасъ не поѣдетъ съ нимъ домой, а останется тутъ ночевать, — это показалось ему невѣроятнымъ абсурдомъ.

— Ты маму знаешь... — сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ. — По-моему, слѣдовало бы соблюсти... что-нибудь сдѣлать, попросить у нея прощенья, что ли...

— Но просить прощенья — значить дѣлать видъ, что мы поступили дурно. Для успокоенія мамы я готова солгать, но вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Я знаю маму. Ну, что будетъ, то будетъ! — сказала Зина, повеселѣвшая оттого, что самое непріятное было уже сказано. — Подождемъ пять, десять лѣтъ, потерпимъ, а тамъ, что Богъ дастъ.

Она взяла брата подъ руку и, когда проходила черезъ темную переднюю, прижалась къ его плечу.

Вышли на крыльцо. Петръ Михайлычъ простился, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ; Зина и Власичъ пошли проводить его немного. Было тихо, тепло и чудесно пахло сѣномъ; на небѣ межъ облаковъ ярко горѣли звѣзды. Старый садъ Власича, видѣвшій на своемъ вѣку столько печаль-

нихъ исторіи, спалъ, окутавшись въ потемки, и почему-то было грустно проѣзжать черезъ него.

— А мы съ Зиной сегодня послѣ обѣда провели нѣсколько воистину свѣтлыхъ минутъ! — сказалъ Власичъ. — Я прочелъ ей вслухъ превосходную статью по переселенческому вопросу. Прочти, братъ! Тебѣ это необходимо. Статья замѣчательная по честности. Я не выдержалъ и написалъ въ редакцію письмо для передачи автору. Написалъ только одну строчку: «Благодарю и крѣпко жму честную руку!»

Петръ Михайлычъ хотѣлъ сказать: «Не впуtywайся ты, пожалуйста, не въ свои дѣла!» — но промолчалъ.

Власичъ шелъ у праваго стремени, а Зина у лѣваго; оба какъ будто забыли, что нужно возвращаться домой, а было сыро и уже немного оставалось до роши Колтовича. Петръ Михайлычъ чувствовалъ, что они ждутъ отъ него чего-то, хотя сами не знаютъ чего, и ему стало невыносимо жаль ихъ. Теперь, когда они, съ покорнымъ видомъ и задумавшись, шли около лошади, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что они несчастны и не могутъ быть счастливы, и ихъ любовь казалась ему печальною, непоправимою ошибкой. Отъ жалости и признанія, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь, имъ овладѣло то состояніе душевнаго разслабленія, когда онъ, чтобы избавиться отъ тяжелаго чувства состраданія, готовъ бывалъ на всякія жертвы.

— Я къ вамъ буду ѣздить ночевать, — сказалъ онъ.

Но это походило на то, какъ будто онъ дѣлалъ уступку, и не удовлетворило его. Когда остановились около роши Колтовича, чтобы проститься, онъ нагнулся къ Зинѣ, дотронулся до ея плеча и сказалъ:

— Ты, Зина, права. Ты хорошо поступила!

И, чтобы не сказать больше и не расплакаться, онъ ударилъ по лошади и поскакалъ въ рошу. Въѣзжая въ потемки, онъ оглянулся и увидѣлъ, какъ Власичъ и Зина шли домой по дорогѣ, — онъ широко шагая, а она рядомъ съ нимъ торопливою подпрыгивающей походкой, — и о чемъ-то оживленно разговаривали.

«Я — старая баба, — подумалъ Петръ Михайлычъ. — Ъхалъ затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ, но еще больше запуталъ его. Ну, да Богъ съ нимъ!»

На душѣ у него было тяжело. Когда кончилась роца,

онъ поѣхалъ шагомъ и потомъ около пруда остановилъ лошадь. Хотѣлось сидѣть неподвижно и думать. Восходили мѣсяцъ и краснымъ столбомъ отражался на другой сторонѣ пруда. Гдѣ-то глухо погромыхивалъ громъ. Петръ Михайлычъ не мигая смотрѣлъ на воду и воображалъ отчаяніе сестры, ея страдальческую блѣдность и сухіе глаза, съ какими она будетъ скрывать отъ людей свое униженіе. Онъ вообразилъ себѣ ея беременность, смерть матери, ея похороны, ужасъ Зины... Гордая суетвѣрная старуха кончить не иначе, какъ смертью. Страшныя картины будущаго рисовались передъ нимъ на темной гладкой водѣ, и среди блѣдныхъ женскихъ фигуръ онъ видѣлъ самого себя, малодушнаго, слабаго, съ виноватымъ лицомъ...

Въ ста шагахъ на правомъ берегу пруда стояло неподвижно что-то темное: человѣкъ это или высокій пенъ? Петръ Михайлычъ вспомнилъ про бурсака, котораго убили и бросили въ этотъ прудъ.

«Оливьеръ поступилъ безчеловѣчно, но вѣдь такъ или иначе онъ рѣшилъ вопросъ, а я вотъ ничего не рѣшилъ, а только напуталъ,—подумалъ онъ, взглядываясь въ темную фигуру, похожую на привидѣніе.— Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ, а я говорю и дѣлаю не то, что думаю; да и не знаю навѣрное, что собственно я думаю...»

Онъ подъѣхалъ къ темной фигурѣ: это былъ старый гниющій столбъ, уцѣлѣвшій отъ какой-то постройки.

Изъ роши и усадьбы Колтовича сильно потянуло ландышами и медовыми травами. Петръ Михайлычъ ѣхалъ по берегу пруда и печально глядѣлъ на воду и, вспоминая свою жизнь, убѣждался, что до сихъ поръ говорилъ онъ и дѣлалъ не то, что думалъ, и люди платили ему тѣмъ же, и оттого вся жизнь представлялась ему теперь такую же темной, какъ эта вода, въ которой отражалось ночное небо и перепугались водоросли. И казалось ему, что этого нельзя поправить.

ТРИ ГОДА.

I.

Было еще темно, но кое-гдѣ въ домахъ уже засвѣтились огни и въ концѣ улицы изъ-за казармы стала подниматься блѣдная луна. Лаптевъ сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ и ждалъ, когда кончится всенощная въ церкви Петра и Павла. Онъ рассчитывалъ, что Юлія Сергѣевна, возвращаясь отъ всенощной, будетъ проходить мимо, и тогда онъ заговорить съ ней и, быть-можетъ, проведетъ съ ней весь вечеръ.

Онъ сидѣлъ уже часа полтора, и воображеніе его въ это время рисовало московскую квартиру, московскихъ друзей, лакея Петра, письменный столъ; онъ съ недоумѣніемъ по-сматривалъ на темныя, неподвижныя деревья, и ему казалось страннымъ, что онъ живетъ теперь не на дачѣ въ Сокольникахъ, а въ провинціальномъ городѣ, въ домѣ, мимо котораго каждое утро и вечеръ прогоняютъ большое стадо и при этомъ поднимаютъ страшныя облака пыли и играютъ на рожкѣ. Онъ вспоминалъ длинные московскіе разговоры, въ которыхъ самъ принималъ участіе еще такъ недавно, — разговоры о томъ, что безъ любви жить можно, что страстная любовь есть психозъ, что, наконецъ, нѣтъ никакой любви, а есть только физическое влеченіе половъ — и все въ такомъ родѣ; онъ вспоминалъ и думалъ съ грустью, что если бы теперь его спросили, что такое любовь, то онъ не нашелся бы, что отвѣтить.

Всенощная отошла, показался народъ. Лаптевъ съ на-

пряженіемъ всматривался въ темныя фигуры. Уже провезли архіерея въ каретѣ, уже перестали звонить, и на колокольнѣ одинъ за другимъ погасли красные и зеленые огни,— это была иллюминація по случаю храмоваго праздника, — а народъ все шелъ, не торопясь, разговаривая, останавливаясь подъ окнами. Но вотъ, наконецъ, Лаптевъ услышалъ знакомый голосъ, сердце его сильно забилося, и оттого, что Юлія Сергѣевна была не одна, а съ какими-то двумя дамами, имъ овладѣло отчаяніе.

«Это ужасно, ужасно! — шепталъ онъ, ревнуя ее. — Это ужасно!»

На углу, при поворотѣ въ переулокъ, она остановилась, чтобы проститься съ дамами, и въ это время взглянула на Лаптева.

— А я къ вамъ, — сказалъ онъ. — Иду потолковать съ вашимъ батюшкой. Онъ дома?

— Вѣроятно, — отвѣтила она. — Въ клубъ ему еще рано.

Переулокъ былъ весь въ садахъ и у заборовъ росли липы, бросающія теперь при лунѣ широкую тѣнь, такъ что заборы и ворота на одной сторонѣ совершенно утопали въ потемкахъ; слышался оттуда шопотъ женскихъ голосовъ, сдержанный смѣхъ и кто-то тихо-тихо игралъ на балалайкѣ. Пахло липой и сѣномъ. Шопотъ невидимокъ и этотъ запахъ раздражали Лаптева. Ему вдругъ страстно захотѣлось обнять свою спутницу, осыпать поцѣлуями ея лицо, руки, плечи, зарыдать, упасть къ ея ногамъ, рассказать, какъ онъ долго ждалъ ее. Отъ нея шелъ легкій, едва уловимый запахъ ладана, и это напомнило ему время, когда онъ тоже вѣровалъ въ Бога и ходилъ ко всенощной, и когда мечталъ много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта дѣвушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о которомъ онъ мечталъ тогда, для него утеряна навсегда.

Она съ участіемъ заговорила о здоровьѣ его сестры Нины Ѳедоровны. Мѣсяца два назадъ у его сестры вырѣзали ракъ и теперь всѣ ждали возврата болѣзни.

— Я была у нея сегодня утромъ, — сказала Юлія Сергѣевна:—и мнѣ показалось, что за эту недѣлю она не то, чтобы похудѣла, а поблекла.

— Да, да, — согласился Лаптевъ. — Рецидива нѣтъ, но съ каждымъ днемъ, я замѣчаю, она становится все слабѣе

и слабѣе и таетъ на моихъ глазахъ. Не пойму, что съ ней.

— Господи, а вѣдь какая она была здоровая, полная, краснощекая! — проговорила Юлія Сергѣевна послѣ минутнаго молчанія. — Ее здѣсь все такъ и звали московкой. Какъ хохотала! Она на праздникахъ наряжалась простою бабой, и это очень шло къ ней.

Докторъ Сергѣй Борисычъ былъ дома; полный, красный, въ длинномъ ниже колѣнъ сюртукѣ и, какъ казалось, коротконогій, онъ ходилъ у себя въ кабинетѣ, изъ угла въ уголь, засунувъ руки въ карманы, и напѣвалъ вполголоса: «Ру-ру-ру-ру». Сѣдые бакены у него были растрепаны, голова не причесана, какъ будто онъ только-что всталъ съ постели. И кабинетъ его съ подушками на диванахъ, съ кипами старыхъ бумагъ по угламъ и съ большимъ грязнымъ пуделемъ подъ столомъ производилъ такое же растрепанное, шершавое впечатлѣніе, какъ онъ самъ.

— Тебя желаетъ видѣть м-сье Лаптевъ, — сказала ему дочь, входя въ кабинетъ.

— Ру-ру-ру-ру, — заиѣлъ онъ громче и, повернувъ въ гостиную, подаль руку Лаптеву и спросилъ: — Что скажете хорошенькаго?

Было темно въ гостиной. Лаптевъ, не сядя и держа шляпу въ рукахъ, сталъ извиняться за безпокойство; онъ спросилъ, что дѣлать, чтобы сестра спала по ночамъ, и отчего она такъ страшно худѣетъ, и его смущала мысль, что, кажется, эти самые вопросы онъ уже задавалъ доктору сегодня во время его утренняго визита.

— Скажите, — спросилъ онъ: — не пригласить ли намъ изъ Москвы какого-нибудь специалиста по внутреннимъ болѣзнямъ? Какъ вы думаете?

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и сдѣлалъ обѣими руками неопредѣленный жестъ.

Было очевидно, что онъ обидѣлся. Это былъ чрезвычайно обидчивый, мнительный докторъ, которому всегда казалось, что ему не вѣрятъ, что его не признаютъ и недостаточно уважаютъ, что публика эксплуатируетъ его, а товарищи относятся къ нему съ недоброжелательствомъ. Онъ все смѣялся надъ собой, говорилъ, что такіе дураки, какъ онъ, созданы только для того, чтобы публика ѣздила на нихъ верхомъ.

Юлія Сергѣевна зажгла лампу. Она утомилась въ церкви,

и это было замѣтно по ея блѣдному, томному лицу, по вялой походкѣ. Ей хотѣлось отдохнуть. Она сѣла на диванъ, положила руки на колѣни и задумалась. Лаптевъ зналъ, что онъ некрасивъ, и теперь ему казалось, что онъ даже ощущаетъ на тѣлѣ эту свою некрасоту. Онъ былъ невысокъ ростомъ, худъ, съ румянцемъ на щекахъ, и волосы у него уже сильно порѣдѣли, такъ что зябла голова. Въ выраженіи его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубыя, некрасивыя лица дѣлаетъ симпатичными; въ обществѣ женщинъ былъ неловокъ, излишне разговорчивъ, манеренъ. И теперь онъ почти презиралъ себя за это. Чтобы Юлія Сергѣевна не скучала въ его обществѣ, нужно было говорить. Но о чемъ? Опять о болѣзни сестры?

И онъ сталъ говорить о медицинѣ то, что о ней обыкновенно говорятъ, похвалилъ гигиену и сказалъ, что ему давно хочется устроить въ Москвѣ ночлежный домъ, и что у него даже уже есть смѣта. По его плану рабочій, приходя въ вечеромъ въ ночлежный домъ, за пять-шесть копеекъ долженъ получать порцію горячихъ щей съ хлѣбомъ, теплую сухую постель съ одѣяломъ и мѣсто для просушки платья и обуви.

Юлія Сергѣевна обыкновенно молчала въ его присутствіи, и онъ страннымъ образомъ, быть-можетъ, чутьемъ влюбленнаго, угадывалъ ея мысли и намѣренія. И теперь онъ сообразилъ, что если она послѣ всенощной не пошла къ себѣ переодѣваться и пить чай, то, значитъ, пойдетъ сегодня вечеромъ еще куда-нибудь въ гости.

— Но я не тороплюсь съ ночлежнымъ домомъ, — продолжалъ онъ уже съ раздраженіемъ и досадой, обращаясь къ доктору, который глядѣлъ на него какъ-то тускло и съ недоумѣніемъ, очевидно не понимая, зачѣмъ это ему понадобилось поднимать разговоръ о медицинѣ и гигиенѣ. — И, должно-быть, не скоро еще я воспользуюсь нашею смѣтой. Я боюсь, что нашъ ночлежный домъ попадетъ въ руки нашихъ московскихъ святошъ и барынь-филантропокъ, которые губятъ всякое начинаніе.

Юлія Сергѣевна поднялась и протянула Лаптеву руку.

— Виновата, — сказала она: — мнѣ пора. Поклонитесь вашей сестрѣ, пожалуйста.

— Ру-ру-ру-ру, — загѣлъ докторъ. — Ру-ру-ру-ру.

Юлія Сергѣевна вышла, и Лаптевъ немного погодя про-

стился съ докторомъ и пошелъ домой. Когда человекъ не-удовлетворенъ и чувствуетъ себя несчастнымъ, то какою пошлостью вбѣгъ на него отъ этихъ липъ, тѣней, облаковъ, отъ всѣхъ этихъ красотъ природы, самодовольныхъ и равнодушныхъ! Луна стояла уже высоко, и подъ нею быстро бѣжали облака. «Но какая наивная, провинціальная луна, какія тощія, жалкія облака!»—думалъ Лаптевъ. Ему было стыдно, что онъ только-что говорилъ о медицинѣ и о ночлежномъ домѣ, онъ ужасался, что и завтра у него не хватитъ характера, и онъ опять будетъ пытаться увидѣть ее и говорить съ ней, и еще разъ убѣдится, что онъ для нея чужой. Послѣзавтра — опять то же самое. Для чего? И когда и чѣмъ все это кончится?

Дома онъ пошелъ къ сестрѣ. Нина Федоровна была еще крѣпка на видъ и производила впечатлѣніе хорошо сложенной, сильной женщины, но рѣзкая блѣдность дѣлала ее похожей на мертвую, особенно когда она, какъ теперь, лежала на спинѣ, съ закрытыми глазами; возлѣ нея сидѣла ея старшая дочь, Саша, десяти лѣтъ, и читала ей что-то изъ своей хрестоматіи.

— Алеша пришелъ,—проговорила больная тихо, про себя.

Между Сашей и дядей давно уже установилось молчаливое соглашеніе: они смѣяли другъ друга. Теперь Саша закрыла свою хрестоматію и, не сказавъ ни слова, тихо вышла изъ комнаты; Лаптевъ взялъ съ комода историческій романъ и, отыскавъ страницу, какую нужно, сѣлъ и сталъ читать вслухъ.

Нина Федоровна была московская уроженка. Дѣтство и юность ея и двухъ братьевъ прошли на Цѣтницкой улицѣ, въ родной купеческой семьѣ. Дѣтство было длинное, скучное; отецъ обходился сурово, и даже раза три наказывалъ ее розгами, а мать чѣмъ-то долго болѣла и умерла; прислуга была грязная, грубая, лицемѣрная; часто приходили въ домъ попы и монахи, тоже грубые и лицемѣрные; они пили и закусывали, и грубо льстили ея отцу, котораго не любили. Мальчикамъ посчастливилось поступить въ гимназію, а Нина такъ и осталась неученой, всю жизнь писала каракулями и читала одни только историческіе романы. Лѣтъ 17 назадъ, когда ей было 22 года, она на дачѣ въ Химкахъ познакомилась съ теперешнимъ своимъ мужемъ Панауровымъ, помѣщикомъ, влюбилась и вышла за него

замужь противъ воли отца, тайно. Панауровъ, красивый, немножко наглый, закуривающій изъ лампадки и посвистывающій, казался ей отцу совершеннымъ ничтожествомъ и, когда потомъ зять въ своихъ письмахъ сталъ требовать приданого, старикъ написалъ дочери, что посылаетъ ей въ деревню шубы, серебро и разныя вещи, оставшіяся послѣ матери, и 30 тысячъ деньгами, но безъ родительскаго благословенія: потомъ прислалъ еще 20 тысячъ. Деньги эти и приданое были прожиты, имѣніе продано, и Панауровъ переселился съ семьей въ городъ и поступилъ на службу въ губернское правленіе. Въ городѣ онъ завелъ себѣ другую семью, и это вызывало каждый день много разговоровъ, такъ какъ незаконная семья его жила открыто.

Нина Ѳедоровна обожала своего мужа. И теперь, слушая историческій романъ, она думала о томъ, какъ она много пережила, сколько выстрадала за все время, и что если бы кто-нибудь описалъ ее жизнь, то вышло бы очень жалостно. Такъ какъ опухоль у нея была въ груди, то она была увѣрена, что и болѣеть она отъ любви, отъ семейной жизни, и что въ постель ее уложили ревность и слезы.

Но встъ Алексѣй Ѳедорычъ закрылъ книгу и сказалъ:
— Конецъ и Богу слава. Завтра другой начнемъ.

Нина Ѳедоровна засмѣялась. Она всегда была смѣшлива, но теперь Лаптевъ сталъ замѣчать, что у нея отъ болѣзни минутами какъ будто ослабѣвалъ разумокъ, и она смѣялась отъ малѣйшаго пустяка и даже безъ причины.

— Безъ тебя тутъ до обѣда приходила Юлія, — сказала она. — Какъ я поглядѣла, она не очень-то вѣритъ своему напашѣ. Пусть, говоритъ, васъ лѣчитъ мой папа, но вы все-таки потихоньку напишите святому старцу, чтобы онъ за васъ помолился. Тутъ у нихъ завелся старецъ какой-то. Юличка у меня зонтикъ свой забыла, ты ей пошли завтра, — продолжала она, помолчавъ немного. — Нѣтъ, ужъ когда конецъ, то не помогутъ ни доктора, ни старцы.

— Нина, отчего ты по ночамъ не спишь? — спросилъ Лаптевъ, чтобы переменить разговоръ.

— Да такъ. Не сплю, вотъ и все. Лежу себѣ и думаю.

— О чемъ же ты думаешь, милая?

— О дѣтяхъ, о тебѣ... о своей жизни. Я вѣдь, Алеша, много пережила. Какъ начнешь вспоминать, какъ начнешь... Господи Боже мой! — Она засмѣялась. — Шутка ли пять разъ

рожала, троихъ похорошила... Бывало, собираешься родить, а мой Григорій Николаичъ въ это время у другой сидить, послать за акушеркой или за бабкой некого, пойдешь въ сѣни или въ кухню за прислугой, а тамъ жиды, лавочники, ростовники—ждутъ, когда онъ домой вернется. Голова, бывало, кружится... Онъ не любилъ меня, хоть и не высказывалъ этого. Теперь-то я угомочилась, отлегло отъ сердца, а прежде, когда моложе была, обидно было,—обидно, ахъ, какъ обидно, голубчикъ! Разъ,—это еще въ деревнѣ было,—застала я его въ саду съ одной дамой, и ушла я... ушла, куда глаза мои глядятъ, и не знаю, какъ очутилась на перти, упала на колѣни: «Царица, говорю, небесная!» А на дворѣ ночь, мѣсяцъ свѣтитъ...

Она утомилась, стала задыхаться; потомъ, отдохнувши немного, взяла брата за руку и продолжала слабымъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Какой ты, Алеша, добрый... Какой ты умный... Какой изъ тебя хорошій человекъ вышелъ!

Въ полночь Лаптевъ простился съ нею и, уходя, взялъ съ собой зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной. Несмотря на позднее время, въ столовой прислуга, мужская и женская, пила чай. Какой беспорядокъ! Дѣти не спали и находились тутъ же въ столовой. Говорили тихо, вполголоса, и не замѣчали, что лампа хмурится и скоро погаснетъ. Всѣ эти большіе и маленькіе люди были обезпокоены цѣлымъ рядомъ неблагоприятныхъ примѣтъ и настроеніе было угнетенное: разбилось въ передней зеркало, самоваръ гудѣлъ каждый день и, какъ нарочно, даже теперь гудѣлъ; рассказывали, что изъ ботинки Нины Федоровны, когда она одѣвалась, выскочила мышь. И страшное значеніе всѣхъ этихъ примѣтъ было уже извѣстно дѣтямъ; старшая дѣвочка, Саша, худенькая брюнетка, сидѣла за столомъ неподвижно, и лицо у нея было испуганное, скорбное, а младшая, Лида, семи лѣтъ, полная блондинка, стояла возлѣ сестры и смотрѣла на огонь исподлобья.

Лаптевъ спустился къ себѣ въ нижній этажъ, въ комнаты съ низкими потолками, гдѣ постоянно пахло геранью и было душно. Въ гостиной у него сидѣлъ Панауровъ, мужъ Нины Федоровны, и читалъ газету. Лаптевъ кивнулъ ему головой и сѣлъ противъ. Оба сидѣли и молчали. Случалось,

что такъ молча они проводили цѣлые вечера, и это молчаніе не стѣсняло ихъ.

Пришли сверху дѣвочки прощаться. Панауровъ молча, не спѣша, нѣсколько разъ перекрестилъ обѣихъ и далъ имъ поцѣловать свою руку, онѣ сдѣлали реверансъ, затѣмъ подошли къ Лаптеву, который тоже долженъ былъ крестить ихъ и давалъ имъ цѣловать свою руку. Эта церемонія съ поцѣлуями и реверансами повторялась каждый вечеръ.

Когда дѣвочки вышли, Панауровъ отложилъ въ сторону газету и сказалъ:

— Скучно въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ! Признаюсь, дорогой мой,—добавилъ онъ со вздохомъ: — я очень радъ, что вы, наконецъ, нашли себѣ развлеченіе.

— Вы о чемъ это?—спросилъ Лаптевъ.

— Давеча я видѣлъ, какъ вы выходили изъ дома доктора Бѣлавина. Надѣюсь, вы ходили туда не ради панаша.

— Конечно,—сказалъ Лаптевъ и покраснѣлъ.

— Ну, конечно. А, кстати сказать, другого такого одра, какъ этотъ панаша, не сыскать днемъ съ огнемъ. Вы не можете себѣ представить, что это за нечистоплотная, бездарная и неуклюжая скотина! У васъ тамъ, въ столицѣ, до сихъ поръ еще интересуются провинціей только съ лирической стороны, такъ сказать, со стороны пейзажа и Антона Горемыки, но, клянусь вамъ, мой другъ, никакой лирики нѣтъ, а есть только дикость, подлость, мерзость — и больше ничего. Возьмите вы здѣшнихъ жрецовъ науки, здѣшнюю, такъ сказать, интеллигенцію. Можете ли себѣ представить, здѣсь въ городѣ 28 докторовъ, всѣ они нажили себѣ состоянія и живутъ въ собственныхъ домахъ, а населеніе, между тѣмъ, попрежнему находится въ самомъ безпомощномъ положеніи. Вотъ понадобилось сдѣлать Нинѣ операцію, въ сущности, пустую, а вѣдь для этого пришлось выписывать хирурга изъ Москвы, — здѣсь ни одинъ не взялся. Вы не можете себѣ представить. Ничего они не знаютъ, не понимаютъ, ничѣмъ не интересуются. Спросите-ка ихъ, наиримѣръ, что такое ракъ? Что? Отчего онъ происходитъ?

И Панауровъ сталъ объяснять, что такое ракъ. Онъ былъ специалистомъ по всѣмъ наукамъ и объяснялъ научно все, о чемъ бы ни зашла рѣчь. Но объяснялъ онъ все какъ-то по-своему. У него была своя собственная теорія кровообра-

ненія, своя химія, своя астрономія. Говорилъ онъ медленно, мягко, убѣдительно и слова «вы не можете себѣ представить» произносили умоляющимъ голосомъ, шуриль глаза, томно вздыхалъ и улыбался милостиво, какъ король, и видно было, что онъ очень доволенъ собой и совсѣмъ не думаетъ о томъ, что ему уже 50 лѣтъ.

— Мнѣ что-то ѣсть захотѣлось, — сказалъ Лаптевъ. — Я съ удовольствіемъ поѣлъ бы чего-нибудь соленого.

— Ну, что жь? Это можно сейчасъ устроить.

Немного погодя Лаптевъ и его зять сидѣли наверху въ столовой и ужинали. Лаптевъ выпилъ рюмку водки и потомъ сталъ пить вино, Панауровъ же ничего не пилъ. Онъ никогда не пилъ и не игралъ въ карты и, несмотря на это, все-таки прожилъ свое и женино состояніе и надѣлалъ много долговъ. Чтобы прожить такъ много въ такое короткое время, нужно имѣть не страсти, а что-то другое, какой-то особый талантъ. Панауровъ любилъ вкусно поѣсть, любилъ хорошую сервировку, музыку за обѣдомъ, спичи, поклонны лакеевъ, которымъ небрежно бросалъ на чай по десяти и даже по двадцати-пяти рублей; онъ участвовалъ всегда во всѣхъ подлинскахъ и лотереяхъ, посылалъ знакомымъ именинницамъ букеты, покупалъ чашки, подстаканники, зонки, галстуки, трости, духи, мундштуки, трубки, собачекъ, пошугаевъ, японскія вещи, древности; ночныя сорочки у него были шелковыя, кровать изъ чернаго дерева съ перламутромъ, халатъ настоящій бухарскій и т. п., и на все это ежедневно уходило, какъ самъ онъ выражался, «прорва» денегъ.

За ужиномъ онъ все вздыхалъ и покачивалъ головой.

— Да все на этомъ свѣтѣ имѣеть конецъ, — тихо говорилъ онъ, шури свои темные глаза. — Вы влюбитесь и будете страдать, разлюбите, будутъ вамъ измѣнять, потому что нѣтъ женщины, которая бы не измѣняла, вы будете страдать, приходите въ отчаяніе и сами будете измѣнять. Но настанетъ время, когда все это станетъ уже воспоминаніемъ и вы будете холодно разсуждать и считать это совершенными пустяками...

А Лаптевъ, усталый, слегка пьяный, смотрѣлъ на его красивую голову, на черную, подстриженную бородку, и, казалось, понималъ, почему это женщины такъ любятъ этого

избалованнаго, самоувѣреннаго и физически обаятельнаго человѣка.

Послѣ ужина Панауровъ не остался дома, а пошелъ къ себѣ на другую квартиру. Лаптевъ вышелъ проводить его. Во всемъ городѣ только одинъ Панауровъ носилъ цилиндръ, и около сѣрыхъ заборовъ, жалкихъ трехъкоконныхъ домиковъ и кустовъ крапивы его изящная, щегольская фигура, его цилиндръ и оранжевыя перчатки производили всякій разъ и странное, и грустное впечатлѣніе.

Простившись съ нимъ, Лаптевъ возвращался къ себѣ не спѣша. Луна свѣтила ярко, можно было разглядѣть на землѣ каждую соломинку, и Лаптеву казалось, будто лунный свѣтъ ласкаетъ его непокрытую голову, точно кто пухомъ проводитъ по волосамъ.

— Я люблю!—произнесъ онъ вслухъ, и ему захотѣлось вдругъ бѣжать, догнать Панаурова, обнять его, простить, подарить ему много денегъ, и потомъ бѣжать куда-нибудь въ поле, въ рощу, и все бѣжать безъ оглядки.

Дома онъ увидѣлъ на стулѣ зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной, схватилъ его и жадно поцѣловалъ. Зонтикъ былъ шелковый, уже не новый, перехваченный старою резинкой: ручка была изъ простой, бѣлой кости, дешевая. Лаптевъ раскрылъ его надъ собой, и ему казалось, что около него даже пахнетъ счастьемъ.

Онъ сѣлъ поудобнѣе и, не выпуская изъ рукъ зонтика, сталъ писать въ Москву, къ одному изъ своихъ друзей:

«Милый, дорогой Костя, вотъ вамъ новость: я опять люблю! Говорю *опять* потому, что лѣтъ шесть назадъ я былъ влюбленъ въ одну московскую актрису, съ которой мнѣ не удалось даже познакомиться, и въ послѣдніе полтора года жить съ извѣстною вамъ «особой», — женщиной немолодой и некрасивой. Ахъ, голубчикъ, какъ вообще мнѣ не везло въ любви! Я никогда не имѣлъ успѣха у женщинъ, а если говорю *опять*, то потому только, что какъ-то грустно и обидно сознаваться передъ самимъ собой, что молодость моя прошла вовсе безъ любви и что настоящимъ образомъ я люблю впервые только теперь, въ 34 года. Пусть будетъ *опять* люблю.

«Если бы вы знали, что это за дѣвушка! Красавицей ее назвать нельзя, — у нея широкое лицо, она очень худа, но зато какое чудесное выраженіе доброты, какъ улы-

бается! Голосъ ея, когда она говоритъ, поетъ и звенить. Она со мной никогда не вступаетъ въ разговоръ, я не знаю ея, но когда я бываю возлѣ, то чувствую въ ней рѣдкое, необыкновенное существо, проникнутое умомъ и высокими стремленіями. Она религіозна, и вы не можете себѣ представить, до какой степени это трогаетъ меня и возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ. По этому пункту я готовъ спорить съ вами безъ конца. Вы правы, пусть будетъ по-вашему, но все же я люблю, когда она въ церкви молится. Она провинціалка, но она училась въ Москвѣ, любитъ нашу Москву, одѣвается по-московски, и за это я люблю ее, люблю, люблю... Я вижу какъ вы хмуритесь и встаете, чтобы прочесть мнѣ длинную лекцію о томъ, что такое любовь, и кого можно любить, а кого нельзя и пр., и пр. Но, милый Костя, пока я не любилъ, я самъ тоже отлично зналъ, что такое любовь.

«Моя сестра благодарить васъ за поклонъ. Она часто вспоминаетъ, какъ когда-то возила Костю Кочевого отдавать въ приготовительный классъ, и до сихъ поръ еще называетъ васъ *бѣдный*, такъ какъ у нея сохранилось воспоминаніе о васъ, какъ о сиротѣ-мальчикѣ. Итакъ, бѣдный сирота, я люблю. Пока это секретъ, ничего не говорите *тамъ* извѣстной вамъ «особѣ». Это, я думаю, само собой уладится, или, какъ говорить лакей у Толстого, *образуется...*»

Кончить письмо, Лаптевъ легъ въ постель. Отъ усталости сами закрывались глаза, но почему-то не спалось; казалось, что мѣшаетъ уличный шумъ. Стадо прогнало мимо и играли на рожкѣ, потомъ вскорѣ зазвонили къ ранней обѣднѣ. То тельга проѣдетъ со скрипомъ, то раздастся голосъ какой-нибудь бабы, идущей на рынокъ. И воробьи чирикали все время.

II.

Утро было веселое, праздничное. Часовъ въ десять Нину Федоровну, одѣтую въ коричневое платье, причесанную, вывели подъ руки въ гостиную, и здѣсь она прошла немного и постояла у открытаго окна, и улыбка у нея была широкая, наивная, и при взглядѣ на нее вспомнился одинъ мѣстный художникъ, пьяный человекъ, который называлъ ея лицо ликомъ и хотѣлъ писать съ нея русскую масля-

ницу. И у всѣхъ,—у дѣтей, у прислуги и даже у брата Алексѣя Ѳеодорыча, и у нея самой,—явилась вдругъ увѣренность, что она неизрѣнно выздоровѣетъ. Дѣвочки съ визгивымъ смѣхомъ гонялись за дядей, ловили его, и въ домѣ стало шумно.

Приходили чужіе справиться насчетъ ея здоровья, приносили просфоры, говорили, что за нее сегодня почти во всѣхъ церквахъ служили молебны. Она въ своемъ городѣ была благотворительницей, ее любили. Благотворила она съ необыкновенною легкостью, такъ же, какъ братъ Алексѣй, который раздавалъ деньги очень легко, не соображая, нужно дать или нѣтъ. Нина Ѳеодоровна платила за бѣдныхъ учениковъ, раздавала старухамъ чай, сахаръ, варенье, наряжала небогатыхъ невѣстъ и если ей въ руки попадала газета, то она прежде всего искала, нѣтъ ли какого-нибудь воззванія или замѣтки о чемъ-нибудь бѣдственномъ положеніи.

Теперь у нея въ рукахъ была пачка записокъ, по которымъ разные бѣдняки, ея просители, забирали товаръ въ бакалейной лавкѣ, и которыя наканунѣ прислалъ ей купецъ съ просьбой уплатить 82 рубля.

— Ишь ты, сколько набрали, безсавѣстные!—говорила она, едва разбирая на запискахъ свой некрасивый почеркъ.— Шутка ли? Восемьдесятъ два! Возьму вотъ и не отдамъ.

— Я сегодня заплачу,—сказалъ Лаптевъ.

— Зачѣмъ это, зачѣмъ?—встревожилась Нина Ѳеодоровна.—Довольно и того, что я каждый мѣсяць по 250 получаю отъ тебя и брата. Спаси васъ Господи,—добавила она тихо, чтобы не слышала прислуга.

— Ну, а я въ мѣсяць двѣ тысячи пятьсотъ проживаю,—сказалъ онъ.—И тебѣ еще разъ повторю, милая: ты имѣешь такое же право тратить, какъ я и Ѳеодоръ. Пойми это разъ навсегда. Насъ у отца трое и изъ каждаго трехъ копеекъ одна принадлежитъ тебѣ.

Но Нина Ѳеодоровна не понимала, и выраженіе у нея было такое, какъ будто она мысленно рѣшила какую-то очень трудную задачу. И эта непонятливость въ денежныхъ дѣлахъ всякій разъ безыюконца и смущала Лаптева. Онъ подозрѣвалъ, кромѣ того, что у нея лично есть долги, о которыхъ она стѣсняется сказать ему и которые заставляютъ ее страдать.

Послышались шаги и тяжелое дыханіе: это вверхъ по лѣстницѣ поднимался докторъ, по обыкновенію, растрепанный и нечесанный.

— Ру-ру-ру,—напѣвалъ онъ.—Ру-ру.

Чтобы не встрѣчаться съ нимъ, Лаптевъ вышелъ въ столовую, потомъ спустился къ себѣ внизъ. Для него было ясно, что сойтись съ докторомъ покороче и бывать въ его домѣ запросто—дѣло невозможное; и встрѣчаться съ этимъ «одромъ», какъ называлъ его Панауровъ, было неприятно. И оттого онъ такъ рѣдко видѣлся съ Юліей Сергѣевной. Онъ сообразилъ теперь, что отца нѣтъ дома, что если понесетъ теперь Юлію Сергѣевну ея зонтикъ, то навѣрное онъ застанетъ дома ее одну, и сердце у него сжалось отъ радости. Скорѣй, скорѣй!

Онъ взялъ зонтикъ и, сильно волнуясь, полетѣлъ на крыльяхъ любви. На улицѣ было жарко. У доктора, въ громадномъ дворѣ, поросшемъ бурьяномъ и крапивой, десятка два мальчиковъ играли въ мячъ. Все это были дѣти жильцовъ, мастеровыхъ, жившихъ въ трехъ старыхъ, неприглядныхъ флигеляхъ, которые докторъ каждый годъ собирался ремонтировать и все откладывалъ. Раздавались звонкіе, здоровые голоса. Далеко въ сторонѣ, около своего крыльца, стояла Юлія Сергѣевна, заложивъ руки назадъ, и смотрѣла на игру.

— Здравствуйте!—окликнулъ Лаптевъ.

Она оглянулась. Обыкновенно онъ видѣлъ ее равнодушною, холодною, или, какъ вчера, усталою, теперь же выраженіе у нея было живое и рѣзвое, какъ у мальчиковъ, которые играли въ мячъ.

— Посмотрите, въ Москвѣ никогда не играютъ такъ весело,—говорила она, идя къ нему навстрѣчу.—Впрочемъ, вѣдь тамъ нѣтъ такихъ большихъ дворовъ, бѣгать тамъ негдѣ. А папа только-что пошелъ къ вамъ,—добавила она, оглядываясь на дѣтей.

— Я знаю, но я не къ нему, а къ вамъ,—сказалъ Лаптевъ, любуясь ея молодостью, которой не замѣчалъ раньше и которую какъ будто лишь сегодня открылъ въ ней; ему казалось, что ея тонкую бѣлую шею съ золотою цѣпочкой онъ видѣлъ теперь только въ первый разъ.—Я къ вамъ...—повторилъ онъ.—Сестра вотъ прислала зонтикъ, вы вчера забыли.

Она протянула руку, чтобы взять зонтикъ, но онъ прижалъ его къ груди и проговорилъ страстно, неудержимо, отдаваясь опять сладкому восторгу, какой онъ испыталъ вчера ночью, сидя подъ зонтикомъ:

— Прощу васъ, подарите мнѣ его. Я сохранию на память о васъ... о нашемъ знакомствѣ. Онъ такой чудесный!

— Возьмите,—сказала она и покраснѣла.—Но чудеснаго ничего въ немъ нѣтъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ, молча и не зная, что сказать.

— Что же это я держу васъ на жарѣ?—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія и размѣялась.—Пойдемте въ комнаты.

— А я васъ не обезпкоюю?

Вошли въ сѣни. Юлія Сергѣевна побѣжала навверхъ, шумя своимъ платьемъ, бѣлымъ, съ голубыми цвѣточками.

— Меня нельзя обезпокить,—отвѣтила она, останавливаясь на лѣстницѣ:—я вѣдь никогда ничего не дѣлаю. У меня празднигъ каждый день, отъ утра до вечера.

— Для меня то, что вы говорите, непонятно,—сказалъ онъ, подходя къ ней.—Я выросъ въ средѣ, гдѣ трудятся каждый день, всѣ безъ исключенія, и мужчины и женщины.

— А если нечего дѣлать?—спросила она.

— Надо поставить свою жизнь въ такія условія, чтобы трудъ былъ необходимъ. Безъ труда не можетъ быть чистой и радостной жизни.

Онъ опять прижалъ къ груди зонтикъ и сказалъ тихо, неожиданно для самого себя, не узнавая своего голоса:

— Если бы вы согласились быть моею женой, я бы все отдалъ. Я бы все отдалъ... Нѣтъ цѣны, нѣтъ жертвы, на какую бы я ни пошелъ.

Она вздрогнула и посмотрѣла на него съ удивленіемъ и страхомъ.

— Что вы, что вы! — проговорила она, блѣднѣя. — Это невозможно, увѣряю васъ. Извините.

Затѣмъ быстро, все такъ же шумя платьемъ, пошла выше и скрылась въ дверяхъ.

Лаптевъ понялъ, что это значитъ, и настроеніе у него перемѣнилось сразу, рѣзко, какъ будто въ душѣ внезапно погасъ свѣтъ. Испытывая стыдъ, униженіе человѣка, которымъ пренебрегли, который не нравится, противенъ, быть-можетъ, гадокъ, отъ котораго бѣгутъ, онъ вышелъ изъ дому.

«Отдалъ бы все,—передразнилъ онъ себя, идя домой по жарѣ и вспоминая подробности объясненія. — Отдалъ бы все—совсѣмъ по-купечески. Очень кому нужно это твое *все!*»

Все, что онъ только-что говорилъ, казалось ему, было глупо до отвращенія. Зачѣмъ онъ солгалъ, что онъ выросъ въ средѣ, гдѣ трудятся всѣ безъ исключенія? Зачѣмъ онъ говорилъ назидательнымъ тономъ о чистой, радостной жизни? Это не умно, не интересно, фальшиво, — фальшиво по-московски. Но вотъ мало-по-малу наступило безразличное настроеніе, въ какое впадаютъ преступники послѣ суроваго приговора, онъ думалъ уже о томъ, что, слава Богу, теперь все уже прошло, и нѣтъ этой ужасной неизвѣстности, уже не нужно по цѣлымъ днямъ ожидать, томиться, думать все объ одномъ; теперь все ясно; нужно оставить всякія надежды на личное счастье, жить безъ желаній, безъ надеждъ, не мечтать, не ждать, а чтобы не было этой скуки, съ которой уже такъ надобно няньчиться, можно заняться чужими дѣлами, чужимъ счастьемъ, а тамъ незамѣтно наступить старость, жизнь придетъ къ концу—и больше ничего не нужно. Ему ужъ было все равно, онъ ничего не хотѣлъ и могъ холодно разсуждать, но въ лицѣ, особенно подъ глазами, была какая-то тяжесть, лобъ напрягался, какъ резина, — вотъ-вотъ брызнуть слезы. Чувствуя во всемъ тѣлѣ слабость, онъ легъ въ постель и минутъ черезъ пять крѣпко уснулъ.

III.

Предложеніе, которое такъ неожиданно сдѣлалъ Лаптевъ, привело Юлію Сергѣевну въ отчаяніе.

Она знала Лаптева немного, познакомилась съ нимъ случайно; это былъ богатый человѣкъ, представитель извѣстной московской фирмы «Федоръ Лаптевъ и сыновья», всегда очень серьезный, повидимому, умный, озабоченный болѣзнью сестры; казалось ей, что онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, и сама она была къ нему совершенно равнодушна,—и вдругъ это объясненіе на лѣстницѣ, это жалкое, восхищенное лицо...

Предложеніе смутило ее и своею внезапностью, и тѣмъ, что произнесено было слово *жена*, и тѣмъ, что пришлось отвѣтить отказомъ. Она уже не помнила, что сказала Лаптеву, но продолжала еще ощущать слѣды того порывистаго,

непріятнаго чувства, съ какимъ отказала ему. Онъ не нравился ей; наружность у него была приказчицкая, самъ онъ былъ не интересенъ, она не могла отвѣтить иначе, какъ отказомъ, но все же ей было неловко, какъ будто она поступила дурно.

— Боже мой,—не входя въ комнаты, прямо на лѣстницѣ, говорила она съ отчаяніемъ, обращаясь къ образку, который висѣлъ надъ ея изголовьемъ:—и не ухаживалъ раньше, а какъ-то странно, необыкновенно...

Въ одиночествѣ съ каждымъ часомъ ея тревога становилась все сильнѣе и ей одной было не подъ силу справиться съ этимъ тяжелымъ чувствомъ. Надо было, чтобы кто-нибудь выслушалъ ее и сказалъ ей, что она поступила правильно. Но поговорить было не съ кѣмъ. Матери у нея не было уже давно, отца считала она страннымъ человѣкомъ и не могла говорить съ нимъ серьезно. Онъ стѣснялъ ее своими капризами, чрезмѣрною обидчивостью, и неопредѣленными жестами; и стоило только завести съ нимъ разговоръ, какъ онъ тотчасъ же начиналъ говорить о себѣ самомъ. И во время молитвы она не была вполне откровенной, такъ какъ не знала навѣрное, чего собственно ей нужно просить у Бога.

Подали самоваръ. Юлія Сергѣевна, очень блѣдная, усталая, съ безпомощнымъ видомъ, вышла въ столовую, заварила чай,—это было на ея обязанности,—и налила отцу стаканъ. Сергѣй Борисычъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ ниже колѣнъ, красный, не причесанный, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по столовой, не изъ угла въ уголъ, а какъ придется, точно звѣрь въ клеткѣ. Остановится у стола, отонѣетъ изъ стакана съ апетитомъ и опять ходить, и о чемъ-то все думаетъ.

— Миѣ сегодня Лаптевъ сдѣлалъ предложеніе,—сказала Юлія Сергѣевна и покраснѣла.

Докторъ поглядѣлъ на нее и какъ будто не понялъ.

— Лаптевъ?—спросилъ онъ.—Братъ Панауровой?

Онъ любилъ дочь; было вѣроятно, что она рано или поздно выйдетъ замужъ и оставитъ его, но онъ старался не думать объ этомъ. Его пугало одиночество и почему-то казалось ему, что если онъ останется въ этомъ большомъ домѣ одинъ, то съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ, но объ этомъ онъ не любилъ говорить прямо.

— Что жъ, я очень радъ,—сказалъ онъ, и пожалъ плечами.—Отъ души тебя поздравляю. Теперь представляется тебѣ прекрасный случай разстаться со мной, къ великому твоему удовольствію. И я вполне тебя понимаю. Жить у старика-отца, человѣка больного, полоумнаго, въ твои годы должно быть очень тяжело. Я тебя прекрасно понимаю. И если бы я околѣлъ поскорѣй, и если бы меня черти взяли, то всѣ были бы рады. Отъ души поздравляю.

— Я ему отказала.

У доктора стало легче на душѣ, но онъ уже былъ не въ силахъ остановиться и продолжалъ:

— Я удивляюсь, я давно удивляюсь, отчего меня до сихъ поръ не посадили въ сумасшедшій домъ? Почему на мнѣ этотъ сюртукъ, а не горячечная рубаха? Я вѣрю еще въ правду, въ добро, я дуракъ-идеалистъ, а развѣ въ наше время это не сумасшествіе? И какъ мнѣ отвѣчаютъ на мою правду, на мое честное отношеніе? Въ меня чуть не бросаютъ камнями и ѣздятъ на мнѣ верхомъ. И даже близкіе родные стараются только ѣздить на моей шеѣ, чортъ бы побралъ меня, старика болвана...

— Съ вами нельзя говорить по-человѣчески! — сказала Юлія.

Она порывисто встала изъ-за стола и ушла къ себѣ, въ сильномъ гнѣвѣ, вспоминая, какъ часто отецъ бывалъ къ ней несправедливъ. Но немного погодя ей уже было жаль отца, и когда онъ уходилъ въ клубъ, она проводила его внизъ и сама заперла за нимъ дверь. А на дворѣ была погода пехорошая, безпokoйная; дверь дрожала отъ напора вѣтра и въ сѣняхъ дуло со всѣхъ сторонъ, такъ что едва не погасла свѣча. У себя наверху Юлія обошла всѣ комнаты и перекрестила всѣ окна и двери; вѣтеръ завывалъ и казалось, что кто-то ходитъ по крышѣ. Никогда еще не было такъ скучно, никогда она не чувствовала себя такою одинокой.

Она спросила себя: хорошо ли она поступила, что отказала человѣку только потому, что ей не нравится его наружность? Правда, это не любимый человѣкъ и выйти за него значило бы проститься навсегда со своими мечтами, своими понятіями о счастьѣ и супружеской жизни, но встрѣтитъ ли она когда-нибудь того, о комъ мечтала, и полюбитъ ли? Ей уже 21 годъ. Жениховъ въ городѣ нѣтъ. Она

представила себѣ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ—чиновниковъ, педагоговъ, офицеровъ,—и одни изъ нихъ были уже женаты и ихъ семейная жизнь поражала своею пустотой и скукой, другіе были неинтересны, безцвѣтны, неумны, безнравственны. Лаптевъ же, какъ бы ни было, москвичъ, кончилъ въ университетѣ, говорить по-французски; онъ живетъ въ столицѣ, гдѣ много умныхъ, благородныхъ, замѣчательныхъ людей, гдѣ шумно, прекрасные театры, музыкальные вечера, превосходныя портнихи, кондитерскія... Въ священномъ писаніи сказано, что жена должна любить своего мужа, и въ романахъ любви придается громадное значеніе, но нѣтъ ли преувеличенія въ этомъ? Развѣ безъ любви нельзя въ семейной жизни? Вѣдь говорятъ, что любовь скоро проходитъ и остается одна привычка, и что самая цѣль семейной жизни не въ любви, не въ счастіи, а въ обязанностяхъ, нацримеръ, къ воспитанію дѣтей, въ заботахъ по хозяйству и проч. Да и священное писаніе, быть-можетъ, имѣеть въ виду любовь къ мужу, какъ къ ближнему, уваженіе къ нему, снисхожденіе.

Ночью Юлія Сергѣевна внимательно прочла вечернія молитвы, потомъ стала на колѣни и, прижавъ руки къ груди, глядя на огонекъ лампадки, говорила съ чувствомъ:

— Вразуми, Заступница! Вразуми, Господи!

Ей въ своей жизни приходилось встрѣчать пожилыхъ дѣвушекъ, бѣдныхъ и ничтожныхъ, которыя горько раскаивались и выражали сожалѣніе, что когда-то отказывали своимъ женихамъ. Не случится ли и съ ней то же самое? Не пойти ли ей въ монастырь или въ сестры милосердія?

Она раздѣлась и легла въ постель, крестясь и крестя вокругъ себя воздухъ. Вдругъ въ коридорѣ рѣзко и жадно прозвучалъ звонокъ.

— Ахъ, Боже мой!—проговорила она, чувствуя отъ этого звонка болѣзненное раздраженіе во всемъ тѣлѣ. Она лежала и все думала о томъ, какъ эта провинціальная жизнь бѣдна событіями, однообразна и въ то же время безпокойна. То и дѣло приходится вздрагивать, чего-нибудь опасаться, сердиться или чувствовать себя виноватой, и нервы, въ концѣ-концовъ, поргятся до такой степени, что страшно бываетъ выглянуть изъ-подъ одеяла.

Черезъ полчаса опять раздался звонокъ и такой же рѣзкій. Должно-быть, прислуга спала и не слышала. Юлія

Сергѣевна зажгла свѣчу и, дрожа, досадуя на прислугу, стала одѣваться, и когда, одѣвшись, вышла въ коридоръ, то внизу горничная уже запирала дверь.

— Думала, что баринъ, а это отъ больного прїѣзжали,— сказала она.

Юлія Сергѣевна вернулась къ себѣ. Она достала изъ комода колоду картъ и рѣшила, что если хорошо стасовати карты и потомъ снять, и если подъ низомъ будетъ красная масть, то это значить *да*, т.-е. надо согласиться на предложеніе Лаптева, если же черная, то—*нѣтъ*. Карта оказалась шиковою десяткой.

Это ее успокоило, она уснула, но утромъ опять уже не было ни *да*, ни *нѣтъ*, и она думала о томъ, что можетъ теперь, если захочетъ, переменить свою жизнь. Мысли утомили ее, она изнемогала и чувствовала себя больной, но все же въ началѣ двѣнадцатаго часа одѣлась и пошла провѣдать Нину Ѳедоровну. Ей хотѣлось увидѣть Лаптева: быть-можетъ, теперь онъ покажется ей лучше; быть-можетъ, она ошибалась до сихъ поръ..

Ей трудно было идти противъ вѣтра, она едва шла, придерживая обѣими руками шляпу, и ничего не видѣла отъ пыли.

IV.

Войдя къ сестрѣ и увидѣвъ неожиданно Юлію Сергѣевну, Лаптевъ опять испыталъ унижительное состояніе человѣка, который противенъ. Онъ заключилъ, что если она такъ легко можетъ послѣ вчерашняго бывать у сестры и встрѣчаться съ нимъ, то, значить, она не замѣчаетъ его или считаетъ полнѣйшимъ ничтожествомъ. Но когда онъ здоровался съ ней, она, блѣдная, съ пылью подъ глазами, поглядѣла на него печально и виновато; онъ понялъ, что она тоже страдаетъ.

Ей нездоровилось. Посидѣла она очень не долго, минутъ десять, и стала прощаться. И, уходя, сказала Лаптеву:

— Проводите меня домой, Алексѣй Ѳеодорычъ.

По улицѣ шли они молча, придерживая шляпы, и онъ, идя сзади, старался заслонить ее отъ вѣтра. Въ переулкѣ было тише, и тутъ оба пошли рядомъ.

— Если я вчера была неласкова, то вы простите,—начала она, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто она собиралась заплакать.—Это такое мученье! Я всю ночь не спала.

— А я отлично проспалъ всю ночь,—сказалъ Лаптевъ, не глядя на нее: — но это не значить, что мнѣ хорошо. Жизнь моя разбита, я глубоко несчастливъ, и послѣ вчерашняго вашего отказа я хожу точно отравленный. Самое тяжелое было сказано вчера, сегодня съ вами я уже не чувствую стѣсненія и могу говорить прямо. Я люблю васъ больше, чѣмъ сестру, больше, чѣмъ покойную мать... Безъ сестры и безъ матери я могъ жить и жилъ, но жить безъ васъ—для меня это безсмыслица, я не могу...

И теперь, какъ обыкновенно, онъ угадывалъ ея намѣренія. Ему было понятно, что она хочетъ продолжать вчерашнее, и только для этого попросила его проводить ее и теперь вотъ ведетъ къ себѣ въ домъ. Но что она можетъ еще прибавить къ своему отказу? Что она придумала новаго? По всему: по взглядамъ, по улыбкѣ и даже по тому, какъ она, идя съ нимъ рядомъ, держала голову и плечи,—онъ видѣлъ, что она, попрежнему, не любитъ его, что онъ чужой для нея. Что же она хочетъ еще сказать?

Докторъ Сергѣй Борисычъ былъ дома.

— Добро пожаловать, весьма радъ васъ видѣть, Федоръ Алексѣичъ, — сказалъ онъ, путая его имя и отчество. —
Весьма радъ, весьма радъ.

Раньше онъ не бывалъ такъ привѣтливъ, и Лаптевъ заключилъ, что о предложеніи его уже извѣстно доктору; и это ему не понравилось. Онъ сидѣлъ теперь въ гостиной, и эта комната производила странное впечатлѣніе своею бѣдною, мѣщанскою обстановкой, своими плохими картинами, и хотя въ ней были и кресла, и громадная лампа съ абажуромъ, она все же походила на нежилое помещеніе, на просторный сарай, и было очевидно, что въ этой комнатѣ могъ чувствовать себя дома только такой человѣкъ, какъ докторъ; другая комната, почти вдвое больше, называлась залой и тутъ стояли одни только стулья, какъ въ танцклассѣ. И Лаптева, пока онъ сидѣлъ въ гостиной и говорилъ съ докторомъ о своей сестрѣ, стало мучить одно подозрѣніе. Не затѣмъ ли Юлія Сергѣевна была у сестры Нины и потомъ привела его сюда, чтобы объявить ему, что она принимаетъ его предложеніе? О, какъ это ужасно, но ужаснѣе всего, что его душа доступна для подобныхъ подозрѣній. Онъ представлялъ себѣ, какъ вчера вечеромъ и ночью отецъ и дочь долго совѣтовались, быть-можетъ,

долго спорили, и потомъ пришли къ соглашенію, ч. Юлія поступила легкомысленно, отказавши богатому человѣку. Въ его ушахъ звучали даже слова, какія въ подобныхъ случаяхъ говорятся родителями:

«Правда, ты не любишь его, но зато, подумай, сколько ты можешь сдѣлать добра!»

Докторъ собрался къ больнымъ. Лаптевъ хотѣлъ выйти съ нимъ вмѣстѣ, но Юлія Сергѣевна сказала:

— А вы останьтесь, прошу васъ.

Она замучилась, пала духомъ и увѣряла себя теперь, что отказывать порядочному, доброму, любящему человѣку только потому, что онъ не нравится, особенно когда съ этимъ замужествомъ представляется возможность измѣнить свою жизнь, свою невеселую, монотонную, праздную жизнь, когда молодость уходитъ и не предвидится въ будущемъ ничего болѣе свѣтлаго, отказывать при такихъ обстоятельствахъ,—это безуміе, это капризъ и прихоть, и за это можетъ даже наказать Богъ.

Отецъ вышелъ. Когда шаги его затихли, она вдругъ остановилась передъ Лаптевымъ и сказала рѣшительно, и при этомъ страшно поблѣднѣла:

— Я вчера долго думала, Алексѣй Федорычъ... Я принимаю ваше предложеніе.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ей руку, она неловко поцѣловала его холодными губами въ голову. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ любовномъ объясненіи нѣтъ главнаго — ея любви, и есть много лишняго, и ему хотѣлось закричать, убѣжать, тотчасъ же уѣхать въ Москву, но она стояла близко, казалась ему такой прекрасной, и страсть вдругъ овладѣла имъ, онъ сообразилъ, что разсуждать тутъ уже поздно, обнялъ ее страстно, прижалъ къ груди и, бормоча какія-то слова, называя ее *ты*, поцѣловалъ ее въ шею, потомъ въ щеку, въ голову...

Она отошла къ окну, боясь этихъ ласкъ, и уже оба сожалѣли, что объяснились, и оба въ смущеніи спрашивали себя:

— «Зачѣмъ это произошло?»

— Если бы вы знали, какъ я несчастна! — проговорила она, сжимая руки.

— Что съ вами? — спросилъ онъ, подходя къ ней и тоже сжимая руки. — Дорогая моя, ради Бога, говорите — что? Но только правду, умоляю васъ, только одну правду!

— Г обрашайте вниманія, — сказала она и насильно улыбулась. — Я общаю вамъ, я буду вѣрною, преданною женой... Приходите сегодня вечеромъ.

Сидя потомъ у сестры и читая историческій романъ, онъ вспоминалъ все это и ему было обидно, что на его великолѣпное, чистое, широкое чувство отвѣтили такъ мелко; его не любили, но предложеніе его приняли, вѣроятно, только потому, что онъ богатъ, то-есть предпочли въ немъ то, что самъ онъ цѣнилъ въ себѣ меньше всего. Можно допустить, что Юлія, чистая и вѣрующая въ Бога, ни разу не подумала о деньгахъ, но вѣдь она не любила его, не любила, и, очевидно, у нея былъ расчетъ, хотя, быть-можетъ, и не вполне осмысленный, смутный, но все же расчетъ. Домъ доктора былъ ему противенъ своею мѣщанскою обстановкою, самъ докторъ представлялся жалкимъ, жирнымъ скрягой, какимъ-то опереточнымъ Гаспаромъ изъ *Корневильскихъ колоколовъ*, самое имя Юлія звучало уже вульгарно. Онъ воображалъ, какъ онъ и его Юлія пойдутъ подъ вѣнецъ, въ сущности, совершенно незнакомые другъ другу, безъ капли чувства съ ея стороны, точно ихъ сваха сосватала, и для него теперь оставалось только одно утѣшеніе, такое же банальное, какъ и самый этотъ бракъ, утѣшеніе, что онъ не первый и не послѣдній, что такъ женятся и выходятъ замужъ тысячи людей и что Юлія со временемъ, когда покороче узнаетъ его, то, быть-можетъ, полюбитъ.

— Ромео и Юлія! — сказалъ онъ, закрывая книгу, и засмѣялся. — Я, Нина, Ромео. Можешь меня поздравить, я сегодня сдѣлалъ предложеніе Юліи Бѣлавиной.

Нина Ѳедоровна думала, что онъ шутитъ, но потомъ повѣрила и заплакала. Эта новость ей не понравилась.

— Что жъ, поздравляю, — сказала она. — Но почему же это такъ вдругъ?

— Нѣтъ, это не вдругъ. Это тянется съ марта, только ты ничего не замѣчаешь... Я влюбился еще въ мартѣ, когда познакомился съ ней вотъ тутъ, въ твоей комнатѣ.

— А я думала, что ты женишься на какой-нибудь нашей московской, — сказала Нина Ѳедоровна, помолчавъ. — Дѣвушки изъ нашего круга будутъ попроще. Но, главное, Алеша, чтобы ты былъ счастливъ, это самое главное. Мой Григорій Николаичъ не любилъ меня и, скрыть нельзя,

ты видишь, какъ мы живемъ. Конечно, каждая женщина можетъ полюбить тебя за доброту и за умъ, но вѣдь Юличка — институтка и дворянка, ей мало ума и доброты. Она молода, а ты самъ, Алеша, уже не молодъ и не красивъ.

Чтобы смягчить послѣднія слова, она погладила его по щекамъ и сказала:

— Ты не красивъ, но ты славненькій.

Она разволновалась, такъ что даже на щекахъ у нея выступилъ легкій румянецъ, и съ увлеченіемъ говорила о томъ, будетъ ли прилично, если она благословитъ Алешу образомъ; вѣдь она старшая сестра и замѣняетъ ему мать; и она все старалась убѣдить своего печальнаго брата, что надо сыграть свадьбу какъ слѣдуетъ, торжественно и весело, чтобы не осудили люди.

Затѣмъ онъ сталъ ходить къ Бѣлавинымъ, какъ женихъ, раза по три, по четыре въ день, и уже некогда ему было смѣнять Сашу и читать историческій романъ. Юлія принимала его въ своихъ двухъ комнатахъ, вдали отъ гостиной и отцовскаго кабинета, и онъ ему очень нравились. Тутъ были темныя стѣны, въ углу стоялъ кюветъ съ образами; пахло хорошими духами и лампаднымъ масломъ. Она жила въ самыхъ дальнихъ комнатахъ, кровать и туалетъ ея были заставлены ширмами и дверцы въ книжномъ шкапу задернуты изнутри зеленою занавѣской, и ходила она у себя по коврамъ, такъ что совсѣмъ не бывало слышно ея шаговъ, — и изъ этого онъ заключилъ, что у нея скрытый характеръ, и любить она тихую, покойную, замкнутую жизнь. Въ домѣ она была еще на положеніи несовершеннолѣтней, у нея не было собственныхъ денегъ, и случалось во время прогулокъ она конфузилась, что при ней нѣтъ ни копейки. На наряды и книги выдавалъ ей отецъ понемножку, не больше ста рублей въ годъ. Да и у самого доктора едва ли были деньги, несмотря даже на хорошую практику. Каждый вечеръ онъ игралъ въ клубѣ въ карты и всегда проигрывалъ. Кромѣ того, онъ покупалъ дома въ обществѣ взаимнаго кредита съ переводомъ долга и отдавалъ ихъ внаймы; жильцы платили ему неисправно, но онъ увѣрялъ, что эти операціи съ домами очень выгодны. Свой домъ, въ которомъ онъ жилъ съ дочерью, онъ заложилъ и на эти деньги купилъ пустошь, и уже началъ строить на ней большой двухъ-этажный домъ, чтобы заложить его.

Лаптевь жилъ теперь какъ въ туманѣ, точно это не онъ былъ, а его двойникъ, и дѣлалъ многое такое, чего бы онъ не рѣшился сдѣлать прежде. Онъ раза три ходилъ съ докторомъ въ клубъ, ужиналъ съ нимъ и самъ предложилъ ему денегъ на постройку; онъ даже побывалъ у Панаурова на его другой квартирѣ. Какъ-то Панауровъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать, и Лаптевь, не подумавъ, согласился. Его встрѣтила дама лѣтъ 35, высокая и худощавая, съ легкою просѣдью и съ черными бровями, повидимому, не русская. На ея лицѣ лежали бѣлыя пятна отъ пудры, улыбнулась она приторно и пожала руку порывисто, такъ что зазвенѣли на бѣлыхъ рукахъ браслеты. Лаптеву казалось, что она улыбается такъ потому, что хочетъ скрыть отъ другихъ и отъ самой себя, что она несчастна. Увидѣвъ онъ и двухъ дѣвочекъ, пяти и трехъ лѣтъ, похожихъ на Сашу. За обѣдомъ подавали молочный супъ, холодную телятину съ морковью и шоколадъ—это было слащаво и невкусно, но зато на столѣ блестяли золотыя вилочки, флаконы съ соей и кайенскимъ перцемъ, необыкновенно вичурный судокъ, золотая перечница.

Только поѣвши молочнаго супу, Лаптевь сообразилъ, какъ это, въ сущности, было некстати, что онъ пришелъ сюда обѣдать. Дама была смущена, все время улыбалась, показывая зубы, Панауровъ объяснялъ научно, что такое влюбленность и отъ чего она происходитъ.

— Мы тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ явленій электричества,—говорилъ онъ по-французски, обращаясь къ дамѣ.— Въ кожѣ каждаго человѣка заложены микроскопическія железки, которыя содержатъ въ себѣ токи. Если вы встрѣчаетесь съ особою, токи которой параллельны вашимъ, то вотъ вамъ и любовь.

Когда Лаптевь вернулся домой и сестра спросила, гдѣ онъ былъ, ему стало неловко, и онъ ничего не отвѣтилъ.

Все время до свадьбы онъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи. Любовь съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и Юлія казалась ему поэтической и возвышенной, но все же взаимной любви не было, а сущность была та, что онъ покупалъ, а она продавалась. Иногда, раздумавшись, онъ приходилъ просто въ отчаяніе и спрашивалъ себя: не бѣжать ли? Онъ уже не спалъ по цѣлымъ ночамъ и все думалъ о томъ, какъ онъ послѣ свадьбы встрѣтител

въ Москвѣ съ госпожей, которую въ своихъ письмахъ къ друзьямъ называлъ «особой», и какъ его отецъ и братъ, люди тяжелые, отнесутся къ его женитьбѣ и къ Юліи. Онъ боялся, что отецъ при первой же встрѣчѣ скажетъ Юліи какую-нибудь грубость. А съ братомъ Ѳедоромъ въ послѣднее время происходило что-то странное. Онъ въ своихъ длинныхъ письмахъ писалъ о важности здоровья, о вліяніи болѣзней на психическое состояніе, о томъ, что такое религія, но ни слова о Москвѣ и о дѣлахъ. Письма эти раздражали Лаптева, и ему казалось, что характеръ брата мѣняется къ худшему.

Свадьба была въ сентябрѣ. Вѣчаніе происходило въ церкви Петра и Павла, послѣ обѣдни, и въ тотъ же день молодые уѣхали въ Москву. Когда Лаптевъ и его жена, въ черномъ платьѣ со шлейфомъ, уже по виду не дѣвушка, а настоящая дама, прощались съ Ниной Ѳедоровной, все лицо у больной покривилось, но изъ сухихъ глазъ не вытекло ни одной слезы. Она сказала:

— Если, не дай Богъ, умру, возьмите къ себѣ моихъ дѣвочекъ.

— О, обещаю вамъ!—отвѣтила Юлія Сергѣевна, и у нея тоже стали нервно подергиваться губы и вѣки.

— Я пріѣду къ тебѣ въ октябрѣ, — сказалъ Лаптевъ, растроганный.—Выздоровливай, моя дорогая.

Они ѣхали въ отдѣльномъ купѣ. Обоимъ было грустно и неловко. Она сидѣла въ углу, не снимая шляпы, и дѣлала видъ, что дремлетъ, а онъ лежалъ противъ нея на диванѣ и его беспокоили разныя мысли: объ отцѣ, объ «особѣ», о томъ, понравится ли Юліи его московская квартира. И, поглядывая на жену, которая не любила его, онъ думалъ уныло: «Зачѣмъ это произошло?»

V.

Лаптевы въ Москвѣ вели оптовую торговлю галантерейными товаромъ: бахромой, тесьмой, аграмантомъ, вязальной бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двухъ милліоновъ въ годъ; каковъ же былъ чистый доходъ, никто не зналъ, кромѣ старика. Сыновья и приказчики опредѣляли этотъ доходъ приблизительно въ триста тысячъ и говорили, что онъ былъ бы тысячъ на сто больше, если бы старикъ «не раскидывался», то-есть не отпускалъ въ кре-

дить безъ разбору; за послѣднія десять лѣтъ однихъ безнадежныхъ векселей набралось почти на миллионъ, и старшій приказчикъ, когда заходила рѣчь объ этомъ, хитро подмигивалъ глазомъ и говорилъ слова, значеніе которыхъ было не для всѣхъ ясно:

— Психологическое послѣдствіе вѣка.

Главные торговыя операціи производились въ городскихъ рядахъ, въ помѣщеніи, которое называлось амбаромъ. Входъ въ амбаръ былъ со двора, гдѣ всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовыя лошади. Дверь, очень скромная на видъ, обитая желѣзомъ, вела со двора въ комнату съ побурѣвшими отъ сырости, исписанными углемъ стѣнами и освѣщенную узкимъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой, затѣмъ налѣво была другая комната, побольше и почище, съ чугунною печью и двумя столами, но тоже съ осторожнымъ окномъ: это — контора, и ужъ отсюда узкая каменная лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ находилось главное помѣщеніе. Это была довольно большая комната, но, благодаря постояннымъ сумеркамъ, низкому потолку и тѣсотѣ отъ ящиковъ, тюковъ и спующихъ людей, она производила на свѣжаго человѣка такое же невзрачное впечатлѣніе, какъ обѣ нижнія. На верху и также въ конторѣ на полкахъ лежалъ товаръ въ кшахъ, пачкахъ и бумажныхъ коробкахъ, въ расположеніи его не было видно ни порядка, ни красоты, и если бы тамъ и сямъ изъ бумажныхъ свертковъ сквозь дыры не выглядывали то пунцовыя нити, то кисть, то конецъ бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чѣмъ здѣсь торгуютъ. И при взглядѣ на эти помятые бумажные свертки и коробки не вѣрилось, что на такихъ пустякахъ выручаютъ миллионы и что тутъ въ амбарѣ каждый день бываютъ заняты дѣломъ пятьдесятъ человѣкъ, не считая покупателей.

Когда на другой день по пріѣздѣ въ Москву, въ полдень, Лаптевъ пришелъ въ амбаръ, то артельщики, залаковывая товаръ, стучали по ящикамъ такъ громко, что въ первой комнатѣ и въ конторѣ никто не слышалъ, какъ онъ вошелъ; по лѣстницѣ внизъ спускался знакомый почтальонъ съ пачкой писемъ въ рукѣ и морщился отъ стука, и тоже не замѣтилъ его. Первый, кто встрѣтилъ его наверху, былъ братъ Федоръ Федорычъ, похожій на него до такой степени, что ихъ считали близнецами. Это сходство постоянно

напоминало Лаптеву объ его собственной наружности, и теперь, видя передъ собой человѣка небольшого роста, съ румянцемъ, съ рѣдкими волосами на головѣ, съ худыми, непородистыми бедрами, такого неинтереснаго и неинтеллигентнаго на видѣ, онъ спросилъ себя: «Неужели и я такой?»

— Какъ я радъ тебя видѣть! — сказалъ Федоръ, цѣлуясь съ братомъ и крѣпко пожимая ему руку. — Я съ вѣтериваніемъ ожидалъ тебя каждый день, милый мой. Какъ ты написалъ, что женишься, меня стало мучить любопытство, да и соскучился, братъ. Самъ посуди, полгода не видались. Ну, что? Какъ? Плоха Нина? Очень?

— Очень плоха.

— Божья воля, — вздохнулъ Федоръ. — Ну, а жена твоя? Небось, красавица? Я ее уже люблю, вѣдь она приходится мнѣ сестреночкой. Будемъ ее вмѣстѣ баловать.

Показалась давно знакомая Лаптеву широкая, сутулая спина его отца, Федора Степаныча. Старикъ сидѣлъ возлѣ прилавка на табуретѣ и разговаривалъ съ покупателемъ.

— Папаша, Богъ радость послалъ! — крикнулъ Федоръ. — Братъ пріѣхалъ!

Федоръ Степанычъ былъ высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго сложенія, такъ что, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и морщины, все еще имѣлъ видъ здороваго, сильнаго человѣка. Говорилъ онъ тяжелымъ, густымъ, гудящимъ басомъ, который выходилъ изъ его широкой груди, какъ изъ бочки. Онъ брилъ бороду, носилъ солдатскіе подстриженные усы и курилъ сигары. Такъ какъ ему всегда казалось жарко, то въ амбарѣ и дома во всякое время года онъ ходилъ въ просторномъ парусинковомъ пиджакѣ. Ему недавно снимали катаракту, онъ плохо видѣлъ и уже не занимался дѣломъ, а только разговаривалъ и пилъ чай съ вареньемъ.

Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ его въ руку, потомъ въ губы.

— Давненько не видались, милостивый государь, — сказалъ старикъ. — Давненько. Что жъ, прикажешь съ законнымъ бракомъ поздравить? Ну, изволь, поздравляю.

И онъ подставилъ губы для поцѣлуя. Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ.

— Что жъ, и барышню свою привезъ? — спросилъ ста-

рикъ и, не дожидаясь отвѣта, сказалъ, обращаясь къ покупателю:—Симъ извѣщаю васъ, папаша, вступаю я въ бракъ съ дѣвицей такой-то. Да. А того, чтобъ у папаши попросить благословенія и совѣта, нѣту въ правилахъ. Теперь они своимъ умомъ. Когда я женился, мнѣ больше сорока было, а я въ ногахъ у отца валялся и совѣта просилъ. Нынче уже этого нѣту.

Старикъ обрадовался сыну, но считалъ неприличнымъ приласкать его и какъ-нибудь обнаружить свою радость. Его голосъ, манера говорить и «барышня» навѣяли на Лаптева то дурное настроеніе, какое онъ испытывалъ всякій разъ въ амбарѣ. Тутъ каждая мелочь напоминала ему о прошломъ, когда его сѣкли и держали на постной пищѣ; онъ зналъ, что и теперь мальчиковъ сѣкутъ и до крови разбиваютъ имъ носы и что, когда эти мальчики вырастутъ, то сами тоже будутъ бить. И достаточно ему было пробыть въ амбарѣ минутъ пять, какъ ему начало казаться, что его сейчасъ обругаютъ или ударятъ по носу.

Федоръ похлопалъ покупателя по плечу и сказалъ брату:

— Вотъ, Алеша, рекомендую, нашъ тамбовскій кормилецъ Григорій Тимоенчъ. Можетъ служить примѣромъ для современной молодежи: уже шестой десятокъ пошелъ, а онъ грудныхъ дѣтей имѣетъ.

Приказчики засмѣялись, и покупатель, тощій старикъ съ блѣднымъ лицомъ, тоже засмѣялся.

— Природа сверхъ обыкновеннаго дѣйствія,—замѣтилъ старшій приказчикъ, стоявшій тутъ же за прилавкомъ. — Куда вошло, оттуда и выйдетъ.

Старшій приказчикъ, высокій мужчина лѣтъ 50, съ темною бородой, въ очкахъ и съ карандашомъ за ухомъ, обыкновенно выражалъ свои мысли неясно, отдаленными намеками, и по его хитрой улыбкѣ видно было при этомъ, что своимъ словамъ онъ придавалъ какой-то особенный, тонкій смыслъ. Свою рѣчь онъ любилъ затемнять книжными словами, которыя онъ понималъ по-своему, да и многія обыкновенныя слова часто употреблялъ онъ не въ томъ значеніи, какое они имѣютъ. Напримѣръ, слово «кромѣ». Когда онъ выражалъ категорически какую-нибудь мысль и не хотѣлъ, чтобъ ему противорѣчили, то протягивалъ впередъ правую руку и произносилъ:

— Кромѣ!

И удивительнѣе всего было то, что его отлично понимали остальные приказчики и покупатели. Звали его Иванъ Васильичъ Початкинъ, и родомъ онъ былъ изъ Каширы. Теперь, поздравляя Лаптева, онъ выразился такъ:

— Съ вашей стороны заслуга храбрости, такъ какъ женское сердце есть Шампль.

Другимъ важнымъ лицомъ въ амбарѣ былъ приказчикъ Макѣичевъ, полный, солидный блондинъ съ лысеной во все темя и съ бакенами. Онъ подошелъ къ Лаптеву и поздравилъ его почтительно, вполголоса:

— Честь имѣю-съ... Господь услышалъ молитвы вашего родителя-съ. Слава Богу-съ.

Затѣмъ стали подходить другіе приказчики и поздравлять съ законнымъ бракомъ. Всѣ они были одѣты по модѣ и имѣли видъ вполнѣ порядочныхъ, воспитанныхъ людей. Говорили они на *о*, и произносили какъ латинское *g*; оттого, что почти черезъ каждыя два слова они употребляли *съ*, ихъ поздравленія, произносимыя скороговоркой, напримѣръ, фраза: «желаю вамъ-съ всего хорошаго-съ» слышалась такъ, будто кто хлыстомъ билъ по воздуху — «жвыссеть».

Лаптеву все это скоро наскучило и захотѣлось домой, но уйти было неловко. Изъ приличія нужно было пробыть въ амбарѣ, по крайней мѣрѣ, два часа. Онъ отошелъ въ сторону отъ прилавка и сталъ разспрашивать Макѣичева, благополучно ли прошло лѣто и нѣтъ ли чего новаго, и тотъ отвѣчалъ почтительно, не глядя ему въ глаза. Мальчикъ, стриженный, въ сѣрой блузѣ, подалъ Лаптеву стаканъ чаю безъ блюдечка; немного погодя другой мальчикъ, проходя мимо, спотыкнулся о ящикъ и едва не упалъ, и солидный Макѣичевъ вдругъ сдѣлалъ страшное, злое лицо, лицо изверга, и крикнулъ на него:

— Ходи ногами!

Приказчики были рады, что молодой хозяинъ женился и, наконецъ, пріѣхалъ; они поглядывали на него съ любопытствомъ и привѣтливо, и каждый, проходя мимо, считалъ долгомъ сказать ему почтительно что-нибудь пріятное. Но Лаптевъ былъ убѣжденъ, что все это неискренно и что ему лгастятъ потому, что боятся его. Онъ никакъ не могъ забыть, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ одинъ приказчикъ, заболѣвшій психически, выбѣжалъ на улицу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и, грозя на хозяйскія окна кулакомъ,

кричалъ, что его замучили; и надъ бѣднягой, когда онъ потомъ выздоровѣлъ, долго смѣялись и припоминали ему, какъ онъ кричалъ на хозяевъ: «плантаторы!»— вмѣсто «эксплуататоры». Вообще служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо и объ этомъ давно уже говорили всѣ ряды. Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Ѳедоръ Степанычъ держался какой-то азіатской политики. Такъ, никому не было извѣстно, сколько жалованья получали его любимцы Початкинъ и Макѣичевъ; получали они по три тысячи въ годъ вмѣстѣ съ наградами, не больше, онъ же дѣлалъ видъ, что платить имъ по семи; награды выдавались каждый годъ всѣмъ приказчикамъ, но тайно, такъ что получившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получилъ много; ни одинъ мальчикъ не зналъ, когда его произведутъ въ приказчики; ни одинъ служащій не зналъ, доволенъ имъ хозяинъ или нѣтъ. Ничто не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что — нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своею женитьбой хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и испытывалъ, не пахнетъ ли отъ кого водкой: «А ну-ка, дыхни!»

Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣдѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, напримѣръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, приказчики должны были по подпискѣ подносить сладкій пирогъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Мятницкой и во флигелѣ, помѣщаясь по трое и четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдомъ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали.

Лаптевъ сознавалъ, что изъ нихъ развѣ одни только испорченные стариковскимъ воспитаніемъ серьезно могли считать его благодѣтелемъ, остальные же видѣли въ немъ врага и «плантатора». Теперь послѣ полугодового отсутствія онъ не видѣлъ переменъ къ лучшему; и было даже еще что-то новое, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Братъ Ѳе-

дорь, бывшій раньше тихимъ, вдумчивымъ и чрезвычайно деликатнымъ, теперь съ видомъ очень занятого и дѣловаго человѣка, съ карандашомъ за ухомъ, бѣгалъ по амбару, похлопывалъ покупателей по плечу и кричалъ на приказчиковъ: «Друзья!» Повидимому, онъ игралъ какую-то роль, и въ этой новой роли Алексѣй не узнавалъ его.

Голосъ старика гудѣлъ непрерывно. Отъ нечего дѣлать, старикъ наставлялъ покупателя, какъ надо жить и какъ вести свои дѣла, и при этомъ все ставилъ въ примѣръ самого себя. Это хвастовство, этотъ авторитетный подавляющій тонъ Лаптевъ слышалъ и 10, и 15, и 20 лѣтъ назадъ. Старикъ обожалъ себя; изъ его словъ всегда выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, приказчиковъ и служащихъ облагодѣлствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ заставилъ за себя вѣчно Бога молить; что онъ ни дѣлалъ, все это было очень хорошо, а если у людей плохо идутъ дѣла, то потому только, что они не хотятъ посоветоваться съ нимъ; безъ его совѣта не можетъ удался никакое дѣло. Въ церкви онъ всегда становился впереди всѣхъ и даже дѣлалъ замѣчанія священникамъ, когда они, по его мнѣнью, не такъ служили, и думалъ, что это угодно Богу, такъ какъ Богъ его любитъ.

Къ двумъ часамъ въ амбарѣ всѣ уже были заняты дѣломъ, кромѣ старика, который продолжалъ гудѣть. Лаптевъ, чтобы не стоять безъ дѣла, принялъ у одной мастерицы аграмантъ и отпустилъ ее, потомъ выслушалъ покупателя, вологодскаго кушца, и приказалъ приказчику заняться.

— Твердо, вѣди, азы!—слышалось со всѣхъ сторонъ (буквами въ амбарѣ означались цѣны и номера товаровъ). — Рцы, иже, твердо!

Уходя, Лаптевъ простился съ однимъ только Федоромъ.

— Я завтра приѣду съ женой на Пятницкую,—сказалъ онъ:—но, предупреждаю, если отецъ скажетъ ей хоть одно грубое слово, то я минуты тамъ не останусь.

— А ты все такой же,—вздыхнулъ Федоръ.—Женился, не перемѣнился. Надо, братъ, снисходить къ старику. Итакъ, значить, завтра часамъ къ одиннадцати. Будемъ съ потерпѣнiемъ ждать. Такъ приѣзжай прямо съ обѣди.

— Я въ обѣднѣ не бываю.

— Ну, это все равно. Главное, чтобы не позже одиннадцати, чтобы успеть и Богу помолиться, и позавтракать вместе. Кланяйся сестреночкѣ и поцѣлуй ручку. У меня предчувствіе, что я ее полюблю, — добавилъ Ѳедоръ вполне искренно. — Завидую, братъ! — крикнулъ онъ, когда уже Алексѣй спустился внизъ.

«И почему это онъ все жметъ какъ-то застѣчиво, будто кажется ему, что онъ голый? — думалъ Лаптевъ, идя по Никольской и стараясь понять переѣзду, какая произошла въ Ѳедорѣ. — И языкъ какой-то новый у него: братъ, милый братъ, Богъ милости прислалъ, Богу помолимся, — точно щедринскій Гудунка».

VI.

На другой день, въ воскресенье, въ 11 часовъ, онъ уже ѣхалъ съ женой по Пятницкой, въ легкой коляскѣ, на одной лошади. Онъ боялся со стороны Ѳедора Степаныча какой-нибудь выходки и уже заранѣе ему было неприятно. После двухъ ночей, проведенныхъ въ домѣ мужа, Юлія Сергѣевна уже считала свое замужество ошибкой, несчастіемъ и если бы ей пришлось жить съ мужемъ не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, то, казалось ей, она не перенесла бы этого ужаса. Москва же развлекала ее; улицы, дома и церкви нравились ей очень, и если бы можно было ѣздить по Москвѣ въ этихъ прекрасныхъ саняхъ, на дорогихъ лошадяхъ, ѣздить цѣлый день, отъ утра до вечера, и при очень быстрой ѣздѣ дышать прохладнымъ осеннимъ воздухомъ, то, пожалуй, она не чувствовала бы себя такой несчастной.

Около бѣлаго, недавно оштукатуреннаго двухъэтажнаго дома кучеръ сдержалъ лошадь и сталъ поворачивать вправо. Тутъ уже ждали. Около воротъ стояли дворникъ въ новомъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ и калошахъ, и двое городскихъ; все пространство съ середины улицы до воротъ и потомъ по двору до крыльца было посыпано свѣжимъ пескомъ. Дворникъ снялъ шапку, городовые сдѣлали подъ козырекъ. Около крыльца встрѣтилъ Ѳедоръ съ очень серьезнымъ лицомъ.

— Очень радъ познакомиться, сестреночка, — сказалъ онъ, цѣлуя Юлію руку. — Добро пожаловать.

Онъ повелъ ее подъ руку вверхъ по лѣстницѣ, потомъ

по коридору сквозь толпу какихъ-то мужчинъ и женщинъ. Въ передней тоже было тѣсно, нахло ладаномъ.

— Я представлю васъ сейчасъ нашему батюшкѣ,—прошепталъ Ѳеодоръ среди гробовой торжественной тишины.— Почтенный старичокъ, *pater familias*.

Въ большой залѣ около стола, приготовленнаго для молебна, стояли, очевидно, въ ожиданіи, Ѳеодоръ Степанычъ, священникъ въ камлавкѣ и дьяконъ. Старикъ подавъ Юліи руку и не сказавъ ни слова. Всѣ молчали. Юлія сконфузилась.

Священникъ и дьяконъ начали облачаться. Принесли кадило, изъ котораго сыпались искры и шелъ запахъ ладана и угля. Зажгли свѣчи. Приказчики вошли въ залу на пыпочкахъ и стали у стѣны въ два ряда. Было тихо, даже никто не кашлянулъ.

— Благослови владыко, — началъ дьяконъ.

Молебенъ служили торжественно, ничего не пропуская, и читали два акаѳиста: Иисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородицѣ. Пѣвчіе пѣли только нотное, очень долго. Лаптевъ замѣтилъ, какъ давеча сконфузилась его жена; пока читались акаѳисты и пѣвчіе на разные лады выводили тройное «Господи помилуй», онъ съ душевнымъ напряженіемъ ожидалъ, что вотъ-вотъ старикъ оглянется и сдѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе, въ родѣ «вы не умѣете креститься»; и ему было досадно: къ чему эта толпа, къ чему вся эта церемонія съ попами и пѣвчими. Это было слишкомъ по-купечески. Но когда она вмѣстѣ со старикомъ подставила голову подъ евангеліе и потомъ пѣсколько разъ опускалась на колѣни, онъ понялъ, что ей все это нравится, и успокоился.

Въ концѣ молебна, во время многолѣтія, священникъ далъ приложиться къ кресту старику и Алексію, но когда подошла Юлія Сергѣевна, онъ прикрылъ крестъ рукой и сдѣлалъ видъ, что желаетъ говорить. Замахали пѣвчимъ, чтобы тѣ замолчали.

— Пророкъ Самуиль, — началъ священникъ: — пришелъ въ Виѳлеемъ по повелѣнію Господню, и тутъ городскіе старѣйшины вопрошали его съ трепетомъ: «миръ ли входъ твой, о прозорливче?» И рече пророкъ: «миръ, пожрети бо Господу приидохъ, освятитесь и возвеселитесь днесь со мною». Станемъ ли и мы, раба Божія Юлія, вопрошать тебя о миръ твоего пришествія въ домъ сей?..

Юлія покраснѣлась отъ волненія. Кончивъ, священникъ далъ ей приложиться ко кресту и сказалъ уже совѣтъ другимъ тономъ:

— Теперь Ѳедора Ѳедорыча надо женить. Пора.

Опять зашѣли пѣвчіе, народъ задвигался и стало шумно. Растроганный старикъ съ глазами, полными слезъ, три раза поцѣловалъ Юлію, перекрестилъ ей лицо и сказалъ:

— Это вашъ домъ. Мнѣ старику ничего не нужно.

Приказчики поздравляли и говорили что-то, но пѣвчіе пѣли такъ громко, что ничего нельзя было слышать. Потомъ завтракали и пили шампанское. Она сидѣла рядомъ со старикомъ, и онъ говорилъ ей о томъ, что нехорошо жить врозь, надо жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, а раздѣлы и несогласія ведутъ къ разоренію.

— Я наживалъ, а дѣти только проживаютъ, — говорилъ онъ. — Теперь вы живите со мной въ одномъ домѣ и наживайте. Мнѣ старику пора и отдохнуть.

Передъ глазами у Юліи все время мелькалъ Ѳедоръ, очень похожій на мужа, но болѣе подвижной и болѣе застѣчивый; онъ суетился возлѣ и часто цѣловалъ ей руку.

— Мы, сестреночка, люди простые, — говорилъ онъ, и при этомъ красныя пятна выступали у него на лицѣ. — Мы живемъ просто, по-русски, по-христіански, сестреночка.

Когда возвращались домой, Лаптевъ, очень довольный, что все обошлось благополучно и сверхъ ожиданія не произошло ничего особеннаго, говорилъ женѣ:

— Ты удивляешься, что у круинаго, широкоплечаго отца такія малорослыя, слабогрудыя дѣти, какъ я и Ѳедоръ. Да, но это такъ понятно! Отецъ женился на моей матери, когда ему было 45 лѣтъ, а ей только 17. Она блѣднѣла и дрожала въ его присутствіи. Нина родилась первая, родилась отъ сравнительно здоровой матери, и потому вышла крѣпче и лучше насъ; я же и Ѳедоръ были зачаты и рождены, когда мать была уже истощена постояннымъ страхомъ. Я помню, отецъ началъ учить меня или, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще пяти лѣтъ. Онъ сѣкъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и я, просыпаясь, каждое утро думалъ прежде всего: будутъ ли сегодня драть меня? Играть и шалить мнѣ и Ѳедору запрещалось; мы должны были ходить къ утренѣ и къ ранней обѣднѣ, цѣловать понамъ и монахамъ руки, чптать дома акаѳисты. Ты вотъ религіозна

и все это любишь, а я боюсь религии, и когда прохожу мимо церкви, то мнѣ припоминается мое дѣтство и становится жутко. Когда мнѣ было восемь лѣтъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня тутъ били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока я не познакомился въ университетѣ съ Ярцевымъ, который убѣдилъ меня уйти изъ отцовскаго дома. Этотъ Ярцевъ сдѣлалъ мнѣ много добра. Знаешь что,—сказалъ Лаптевъ и засмѣялся отъ удовольствія:—давай поѣдемъ сейчасъ съ визитомъ къ Ярцеву. Это благороднѣйшій человекъ! Какъ онъ будетъ тронуть!

VII.

Въ одну изъ полярскихъ субботъ въ симфоническомъ дирижировалъ Антонъ Рубинштейнъ. Было очень тѣсно и жарко. Лаптевъ стоялъ за колоннами, а его жена и Костя Кочевой сидѣли далеко впереди, въ третьемъ или четвертомъ ряду. Въ самомъ началѣ антракта мимо него совершенно неожиданно прошла «особа», Полина Николаевна Разуудина. Послѣ свадьбы онъ часто съ тревогою помышлялъ о возможной встрѣчѣ съ ней. Когда она теперь взглянула на него открыто и прямо, онъ вспомнилъ, что до сихъ поръ еще не собрался объясниться съ ней или написать по-дружески хотя двѣ-три строчки, точно прятался отъ нея; ему стало стыдно, и онъ покраснѣлъ. Она крѣпко и порывисто пожала ему руку и спросила:

— Вы Ярцева видѣли?

И не дожидаясь отвѣта, пошла дальше стремительно, широко шагая, будто кто толкалъ ее сзади.

Она была очень худа и некрасива, съ длиннымъ носомъ, и лицо у нея всегда было утомленное, замученное и казалось, что ей стоило большихъ усилій, чтобы держать глаза открытыми и не упасть. У нея были прекрасные темные глаза и умное, доброе, искреннее выраженіе, но движенія угловатыя, рѣзкія. Говорить съ ней было не легко, такъ какъ она не умѣла слушать и говорить покойно. Любить же ее было тяжело. Бывало, оставаясь съ Лаптевымъ, она долго хохотала, закрывъ лицо руками, и увѣряла, что любовь для нея не составляетъ главнаго въ жизни, жеманлась, какъ

семнадцатилѣтняя дѣвушка, и, прежде чѣмъ поцѣловаться съ ней, нужно было тушить всѣ свѣчи. Ей было уже 30 лѣтъ. Она была замужемъ за педагогомъ, но давно уже не жила съ мужемъ. Средства къ жизни добывала уроками музыки и участіемъ въ квартетахъ.

Во время девятой симфоніи она опять прошла мимо, какъ бы нечаянно, но толпа мужчинъ, стоявшая густою стѣной за колоннами, не пустила ее дальше, и она остановилась. Лаптевъ увидѣлъ на ней ту же самую бархатную кофточку, въ которой она ходила на концерты въ прошломъ и третьемъ году. Перчатки у нея были новыя, вѣрѣ тоже новый, но дешевый. Она любила наряжаться, но не умѣла и жалѣла на это деньги, и одѣвалась дурно и неряшливо, такъ что на улицѣ обыкновенно, когда она, торопливо и широко шагая, шла на урокъ, ее легко можно было принять за молодого послушника.

Публика аплодировала и кричала bis.

— Вы проведете сегодня вечеръ со мной,—сказала Полина Николаевна, подходя къ Лаптеву и глядя на него сурово.—Мы отсюда поѣдемъ вмѣстѣ чай пить. Слышите? И этого требую. Вы мнѣ многимъ обязаны и не имѣете нравственного права отказать мнѣ въ этомъ пустякѣ.

— Хорошо, поѣдемте,—согласился Лаптевъ.

Послѣ симфоніи начались нескончаемые вызовы. Публика вставала съ мѣстъ и выходила чрезвычайно медленно, а Лаптевъ не могъ уѣхать, не сказавшись жепѣ. Надо было стоять у двери и ждать.

— Мучительно хочу чаю, — пожаловалась Разсудина.— Душа горить.

— Здѣсь можно напиться, — сказалъ Лаптевъ.— Пойдемте въ буфетъ.

— Ну, у меня нѣтъ денегъ, чтобы бросать буфетчику. Я не купчихка.

Онъ предложилъ ей руку, она отказалась, проговоривъ длинную, утомительную фразу, которую онъ слышалъ отъ нея уже много разъ, именно, что она не причисляетъ себя къ слабому прекрасному полу и не нуждается въ услугахъ господъ мужчинъ.

Разговаривая съ нимъ, она оглядывала публику и часто здоровалась со знакомыми; это были ея товарки по курсамъ Герье и по консерваторіи, и ученики, и ученицы. Она по-

жимала имъ руки крѣпко и порывисто, будто дергала. Но вотъ она стала поводить плечами, какъ въ лихорадкѣ, и дрожать и, наконецъ, проговорила тихо, глядя на Лаптева съ ужасомъ:

— На комъ вы женились? Гдѣ у васъ были глаза, сумасшедшій вы человекъ? Что вы нашли въ этой глупой, ничтожной дѣвчонкѣ? Вѣдь я васъ любила за умъ, за душу, а этой фарфоровой куклѣ нужны только ваши деньги!

— Оставимъ это, Полина, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Все, что вы можете сказать мнѣ по поводу моей женитьбы, я самъ уже говорилъ себѣ много разъ... Не причиняйте мнѣ лишней боли.

Показалась Юлія Сергѣевна въ черномъ платьѣ и съ большою брильянтовой брошью, которую прислалъ ей свекоръ послѣ молебна; за нею шла ея свита: Кочевой, два знакомыхъ доктора, офицеръ и полный молодой человекъ въ студенческой формѣ, по фамилии Кингъ.

— Поѣзжай съ Костей, — сказалъ Лаптевъ женѣ. — Я пріѣду послѣ.

Юлія кивнула головой и прошла дальше. Полина Николаевна проводила ее взглядомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и перво пожимаясь, и этотъ взглядъ ея былъ полонъ отвращенія, ненависти и боли.

Лаптевъ боялся ѣхать къ ней, предчувствуя непріятное объясненіе, рѣзкости и слезы, и предложилъ отправиться пить чай въ какой-нибудь ресторанъ. Но она сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемте ко мнѣ. Не смѣйте говорить мнѣ о ресторанахъ.

Она не любила бывать въ ресторанахъ, потому что ресторанный воздухъ казался ей отравленнымъ табакомъ и дыханіемъ мужчинъ. Ко всѣмъ незнакомымъ мужчинамъ она относилась съ страннымъ предубѣжденіемъ, считала ихъ всѣхъ развратниками, способными броситься на нее каждую минуту. Кромѣ того, ее раздражала до головной боли трактирная музыка.

Выйдя изъ Благороднаго Собранія, наняли извозчика на Остоженку, въ Савеловскій переулокъ, гдѣ жила Разсудина. Лаптевъ всю дорогу думалъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ ей многимъ обязанъ. Познакомился онъ съ нею у своего друга Ярцева, которому она преподавала теорію музыки. Она полюбила его сильно, совершенно безкорыстно

и, сойдясь съ нимъ, продолжала ходить на уроки и трудиться попрежнему до изнеможенія. Благодаря ей, онъ сталъ понимать и любить музыку, къ которой раньше былъ почти равнодушенъ.

— Полцарства за стаканъ чаю!—проговорила она глухимъ голосомъ, закрывая ротъ муфтой, чтобы не проесту-диться.—Я была на пяти урокахъ, чтобъ ихъ чортъ взялъ! Ученики такіе туицы, такіе толкачи, я чуть не умерла отъ злости. И не знаю, когда кончится эта каторга. Замучилась. Какъ только скоплю триста рублей, брошу все и поѣду въ Крымъ. Лягу на берегу и буду глотать кислородъ. Какъ я люблю море, ахъ, какъ я люблю море!

— Никуда вы не поѣдете,—сказалъ Лаптевъ.—Во-первыхъ, вы ничего не сконите, и, во-вторыхъ, вы скуны. Простите, я опять повторю: неужели собрать эти триста рублей по грошамъ у праздныхъ людей, которые учатся у васъ музыкѣ отъ нечего дѣлать, менѣе унижительно, чѣмъ взять ихъ взаймы у вашихъ друзей?

— У меня нѣтъ друзей!—сказала она раздраженно.—И прошу васъ не говорить глупостей. У рабочаго класса, къ которому я принадлежу, есть одна привилегія: сознаніе своей неподкупности, право не одождаться у кунчишекъ и презирать. Нѣтъ-съ, меня не купите! Я не Юличка!

Лаптевъ не сталъ платить извозчику, зная, что это вызоветъ цѣлый потокъ словъ, много разъ уже слышанныхъ раньше. Заплатила она сама.

Она нанимала маленькую комнату съ мебелью и со столомъ въ квартирѣ одинокой дамы. Ея большой беккеровскій рояль стоялъ пока у Ярцева, на Большой Никитской, и она каждый день ходила туда играть. Въ ея комнатѣ были кресла въ чехлахъ, кровать съ бѣлымъ лѣтнимъ одѣяломъ и хозяйскіе цвѣты, на стѣнахъ висѣли олеографіи, и не было ничего, что напоминало бы о томъ, что здѣсь живетъ женщина и бывшая курсистка. Не было ни туалета, ни книгъ, ни даже письменнаго стола. Видно было, что она ложилась спать, какъ только приходила домой, и, вставая утромъ, тотчасъ же уходила изъ дому.

Кухарка принесла самоваръ. Полина Николаевна заварила чай и, все еще дрожа,—въ комнатѣ было холодно,—стала бранить пѣвцовъ, которые пѣли въ девятой симфоніи.

У нея закрывались глаза отъ утомленія. Она вышла одинъ стаканъ, потомъ другой, потомъ третій.

— Итакъ, вы женаты,—сказала она.— Но не безпокойтесь, я киснуть не буду, я сумѣю вырвать васъ изъ своего сердца. Досадно только и горько, что вы такая же дрянь, какъ всѣ, что вамъ въ женщинѣ нужны не умъ, не интеллектъ, а тѣло, красота, молодость... Молодость! — проговорила она въ носъ, какъ будто передразнивая кого-то, и засмѣялась. — Молодость! Вамъ нужна чистота, Reinheit! Reinheit! — захохотала она, откидываясь на спинку кресла,— Reinheit!

Когда она кончила хохотать, глаза у нея были заплаканные.

— Вы счастливы, по крайней мѣрѣ?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Она васъ любитъ?

— Нѣтъ.

Лаптевъ, взволнованный, чувствуя себя несчастнымъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ. — Я, Полина, если хотите знать, очень несчастливъ. Что дѣлать? Сдѣлалъ глушость, теперь уже не поправишь. Надо философски относиться. Она вышла безъ любви, глупо, быть-можетъ, и по расчету, но не разсуждая, и теперь, очевидно, сознаетъ свою ошибку и страдаетъ. Я вижу. Ночью мы спимъ, но днемъ она боится остаться со мной наединѣ хотя бы пять минутъ и ищетъ развлеченій, общества. Ей со мной стыдно и страшно.

— А деньги, все-таки, беретъ у васъ?

— Глупо, Полина!—крикнулъ Лаптевъ. — Она беретъ у меня деньги потому, что для нея рѣшительно все равно, есть онѣ у нея или нѣтъ. Она честный, чистый человекъ. Вышла она за меня просто потому, что ей хотѣлось уйти отъ отца, вотъ и все.

— А вы увѣрены, что она вышла бы за васъ, если бы вы не были богаты?—спросила Разсудина.

— Ни въ чемъ я не увѣренъ,—сказалъ съ тоской Лаптевъ.— Ни въ чемъ. Я ничего не понимаю. Ради Бога, Полина, не будемъ говорить объ этомъ.

— Вы ее любите?

— Безумно.

Затѣмъ наступило молчаніе. Она пила четвертый стаканъ,

а онъ ходилъ и думалъ о томъ, что жена теперь, вѣроятно, въ докторскомъ клубѣ, ужинаетъ.

— Но развѣ можно любить, не зная, за что?—спросила Разсудина и пожала плечами.—Нѣтъ, въ васъ говоритъ животная страсть! Вы опьянены! Вы отравлены этимъ красивымъ тѣломъ, этой Reinheit! Уйдите отъ меня, вы грязны! Ступайте къ ней!

Она махнула ему рукой, потомъ взяла его шапку и швырнула въ него. Онъ молча надѣлъ шубу и вышелъ, но она побѣжала въ сѣни и судорожно вцѣпилась ему въ руку около плеча и зарыдала.

— Перестаньте, Полина! Полно! — говорилъ онъ и никакъ не могъ разжать ея пальцевъ.—Успокойтесь, прошу васъ!

Она закрыла глаза и поблѣднѣла, и длинный носъ ея сталъ непріятнаго воскового цвѣта, какъ у мертвой, и Лаптевъ все еще не могъ разжать ея пальцевъ. Она была въ обморокѣ. Онъ осторожно поднялъ ее и положилъ на постель и просидѣлъ возлѣ нея минутъ десять, пока она очнулась. Руки у нея были холодныя, пульсъ слабый, съ перебоемъ.

— Уходите домой,—сказала она, открывая глаза.—Уходите, а то я опять зареву. Надо взять себя въ руки.

Выйдя отъ нея, онъ отправился не въ докторскій клубъ, гдѣ ожидала его компанія, а домой. Всю дорогу онъ спрашивалъ себя съ упрекомъ: почему онъ устроилъ себѣ семью не съ этою женщиной, которая его такъ любить и была уже на самомъ дѣлѣ его женой и подругой? Это былъ единственный человѣкъ, который былъ къ нему привязанъ, и развѣ, кромѣ того, не было бы благодарною, достойною задачей дать счастье, пріютъ и покой этому умному, гордому и замученному трудомъ существу? Къ лицу ли ему,—спрашивалъ онъ себя,—эти претензіи на красоту, молодость, на то самое счастье, котораго не можетъ быть и которое, точно въ наказаніе или насмѣшку, вотъ уже три мѣсяца держитъ его въ мрачномъ, угнетенномъ состояніи? Медовый мѣсяць давно прошелъ, а онъ, смѣшно сказать, еще не знаетъ, что за человѣкъ его жена. Своимъ институтскимъ подругамъ и отцу она пишетъ длинныя письма на пяти листахъ, и находитъ же, о чемъ писать, а съ нимъ говоритъ только о погодѣ и о томъ, что пора обѣдать или ужинать.

Когда она передъ сномъ долго молится Богу и потомъ цѣлуетъ свои крестики и образки, онъ, глядя на нее, думаетъ съ ненавистью: «Вотъ она молится, но о чемъ молится? О чемъ?» Онъ въ мысляхъ оскорблялъ ее и себя, говоря, что, ложась съ ней спать и принимая ее въ свои объятія, онъ беретъ то, за что платить, но это выходило ужасно; будь это здоровая, смѣлая, грѣшная женщина, но, вѣдь, тутъ молодость, религіозность, кротость, невинные, чистые глаза... Когда она была его невѣстой, ея религіозность трогала его, теперь же эта условная опредѣленность взглядовъ и убѣжденій представлялась ему заставой, изъ-за которой не видно было настоящей правды. Въ его семейной жизни уже все было мучительно. Когда жена, сидя съ нимъ рядомъ въ театрѣ, вздыхала или искренно хохотала, ему было горько, что она наслаждается одна и не хочетъ подѣлиться съ нимъ своимъ восторгомъ. И замѣчательно, она подружилась со всѣми его пріятелями, и всѣ они уже знали, что она за человѣкъ, а онъ ничего не зналъ, а только хандрилъ и молча ревновалъ.

Придя домой, Лаптевъ надѣлъ халатъ и туфли и сѣлъ у себя въ кабинетѣ читать романъ. Жены дома не было. Но прошло не больше получаса, какъ въ передней позвонили и глухо раздались шаги Петра, побѣждавшаго отворять. Это была Юлія. Она вошла въ кабинетъ въ шубкѣ, съ красными отъ мороза щеками.

— На Прѣсиѣ большой пожаръ, — проговорила она, захватившись. — Громадное зарево. Я поѣду туда съ Константиномъ Иванычемъ.

— Съ Богомъ!

Видъ здоровья, свѣжести и дѣтскаго страха въ глазахъ успокоилъ Лаптева. Онъ почиталъ еще съ полчаса и пошелъ спать.

На другой день Полина Николаевна прислала ему въ амбаръ двѣ книги, которыя когда-то брала у него, всѣ его письма и его фотографіи; при этомъ была записка, состоявшая только изъ одного слова: «Баста!»

VIII.

Уже въ концѣ октября у Нины Ѳедоровны ясно опредѣлился рецидивъ. Она быстро худѣла и измѣнялась въ лицѣ. Несмотря на сильныя боли, она воображала, что уже

выздоровливаетъ, и каждое утро одѣвалась, какъ здоровая, и потомъ цѣлый день лежала въ постели одѣтая. И подь конецъ она стала очень разговорчива. Лежитъ на спинѣ и рассказываетъ что-нибудь тихо, черезъ силу, тяжело дыща. Умерла она внезапно и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Былъ лунный, ясный вечеръ, на улицѣ катались по свѣ-
жему снѣгу и въ комнату съ улицы доносился шумъ. Нина
Федоровна лежала въ постели на спинѣ, а Саша, которую
уже некому было смѣнить, сидѣла возлѣ и дремала.

— Отчества его не помню,—разсказывала Нина Фео-
доровна тихо:—а звали его Иванъ, по фамилиі Кочевой, бѣд-
ный чиновникъ. Пьяница былъ горькій, царство небесное.
Ходилъ онъ къ намъ и каждый мѣсяць мы выдавали ему
по фунту сахару и по осмущкѣ чаю. Ну, случалось и день-
гами, конечно. Да... Затѣмъ такое происшествіе: запыль
шибко нашъ Кочевой и померъ, отъ водки сторѣлъ. Остался
послѣ него сынишка, мальчоночекъ лѣтъ семи. Сироточка...
Взяли мы его и спрятали у приказчиковъ, и жилъ онъ
такъ цѣлый годъ, и папаша не зналъ. А какъ увидѣлъ
папаша, только рукой махнулъ и ничего не сказалъ. Когда
Костѣ, сироткѣ-то, пошелъ девятый годокъ,—а я въ ту пору
уже невѣстой была,—повезла я его по всѣмъ гимназіямъ.
Туда-сюда, нигдѣ не принимаютъ. А онъ плачетъ... «Что
же ты,—говорю,—дурачокъ, плачешь?» Повезла я его на
Разгуляй во вторую гимназію и тамъ, дай Богъ здоровья,
приняли... И сталъ мальчишечка ходить каждый день пѣш-
комъ съ Пятницкой на Разгуляй, да съ Разгуляя на Пят-
ницкую... Алеша за него платилъ... Милости Господни, сталъ
мальчикъ хорошо учиться, вникать и вышелъ изъ него
толкъ... Адвокатомъ теперь въ Москвѣ, Алешинъ другъ, та-
кой же высокой науки. Вотъ не пренебрегли человѣкомъ,
приняли его въ домъ, и теперь онъ за насъ, небось, Бога
молить... Да...

Нина Федоровна стала говорить все тише, съ долгими
паузами, потомъ, помолчавъ немного, вдругъ поднялась и
сѣла.

— А мнѣ не того... нехорошо какъ будто, — сказала
она.—Господи помилуй. Ой, дышать не могу!

Саша знала, что мать должна скоро умереть; увидѣвъ те-
перь, какъ вдругъ осунулось ея лицо, она угадала, что это
конецъ, и испугалась.

— Мамочка, это не надо!— зарыдала она.— Это не надо!

— Сбѣгай въ кухню, пусть за отцомъ сходятъ. Мнѣ очень даже нехорошо.

Саша бѣгала по всѣмъ комнатамъ и звала, но во всемъ домѣ не было никого изъ прислуги, и только въ столовой на сундукѣ спала Лида въ одежѣ и безъ подушки. Саша, какъ была, безъ калошъ выбѣжала на дворъ, потомъ на улицу. За воротами на лавочкѣ сидѣла няня и смотрѣла на катанье. Съ рѣчки, гдѣ былъ катокъ, доносились звуки военной музыки.

— Няня, мама умираетъ!— сказала Саша, рыдая.— Надо сходить за папой!..

Няня пошла наверхъ въ спальню и, взглянувъ на больную, сунула ей въ руки зажженую восковую свѣчу. Саша въ ужасѣ суетилась и умоляла, сама не зная кого, сходить за папой, потомъ надѣла пальто и платокъ и выбѣжала на улицу. Отъ прислуги она знала, что у отца есть еще другая жена и двѣ дѣвочки, съ которыми онъ живетъ на Базарной. Она побѣжала влѣво отъ воротъ, плача и боясь чужихъ людей, и скоро стала грузнуть въ снѣгу и зябнуть.

Встрѣтился ей извозчикъ порожнемъ, но она не наняла его: пожалуй, завезетъ ее за городъ, ограбитъ и броситъ на кладбищѣ (за чаемъ рассказывала прислуга: былъ такой случай). Она все шла и шла, задыхаясь отъ утомленія и рыдая. Выйдя на Базарную, она спросила, гдѣ здѣсь живетъ господинъ Панауровъ. Какая-то незнакомая женщина долго объясняла ей и, видя, что она ничего не понимаетъ, привела ее за руку къ одноэтажному дому съ подъездомъ. Дверь была не заперта. Саша пробѣжала черезъ сѣни, потомъ коридоръ и, наконецъ, очутилась въ свѣтлой, теплой комнатѣ, гдѣ за самоваромъ сидѣлъ отецъ и съ нимъ дама и двѣ дѣвочки. Но ужъ она не могла выговорить ни одного слова и только рыдала. Панауровъ понять.

— Вѣроятно, мамѣ нехорошо?— спросилъ онъ.— Скажи, дѣвочка: мамѣ нехорошо?

Онъ встревожился и послать за извозчикомъ.

Когда прѣехали домой, Нина Федоровна сидѣла обложенная подушками, со свѣчой въ рукѣ. Лицо потемнѣло и глаза были уже закрыты. Въ спальнѣ стояли, столпившись у двери, няня, кухарка, горничная, мужикъ Прокофій и еще

какіе-то незнакомые простые люди. Няня что-то приказывала шопотомъ и ее не понимали. Въ глубинѣ комнаты у окна стояла Лида, блѣдная, заспанная, и сурово глядѣла отсюда на мать.

Панауровъ взялъ у Нины Ѳедоровны изъ рукъ свѣчу и, брезгливо морщась, швырнулъ на комодъ.

— Это ужасно!—проговорилъ онъ и плечи у него вздрогнули.—Нина, тебѣ лечь нужно, — сказалъ онъ ласково. — Ложись, милая.

Она взглянула и не узнала его... Ее положили на спину.

Когда пришли священникъ и докторъ Сергѣй Борисычъ, цѣлсуга уже набожно крестилась и поминала ее.

— Вотъ она какова исторія! — сказалъ докторъ въ раздумь, выходя въ гостиную.—А, вѣдь, еще молода, ей и сорока не было.

Слышались громкія рыданія дѣвочекъ. Панауровъ, блѣдный, съ влажными глазами, подошелъ къ доктору и сказалъ слабымъ, томнымъ голосомъ:

— Дорогой мой, окажите услугу, пошлите въ Москву телеграмму. Я рѣшительно не въ силахъ.

Докторъ добылъ чернилъ и написалъ дочери такую телеграмму: «Панаурова скончалась восемь вечера. Скажи мужу: на Дворянской продается домъ переводомъ долга, доплатить девять. Торги двѣнадцатаго. Совѣтую не упустить».

IX.

Лантевъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ Малой Дмитровки, не далеко отъ Старого Пимена. Кромѣ большого дома на улицу, онъ нанималъ также еще двухъэтажный флигель во дворѣ для своего друга Кочегова, помощника присяжнаго повѣреннаго, котораго всѣ Лантевы звали просто Костей, такъ какъ онъ выросъ на ихъ глазахъ. Противъ этого флигеля стоялъ другой, тоже двухъэтажный, въ которомъ жило какое-то французское семейство, состоявшее изъ мужа, жены и пяти дочерей.

Былъ морозъ градусовъ въ двадцать. Окна заиндѣвели. Проснувшись утромъ, Костя съ озабоченнымъ лицомъ принялъ пятнадцать капель какого-то лѣкарства, потомъ, доставши изъ книжнаго шкапа двѣ гири, занялся гимнастикой. Онъ былъ высокъ, очень худъ, съ большими рыжева-

тыми усамн; но самое замѣтное въ его наружности — это были его необыкновенно длинныя ноги.

Петръ, мужикъ среднихъ лѣтъ, въ пиджакѣ и въ ситцевыхъ брюкахъ, засунутыхъ въ высокіе сапоги, принесъ самоваръ, и заварилъ чай.

— Очень нынче хорошая погода, Константинъ Ивановичъ, — сказалъ онъ.

— Да, хорошая, только вотъ, братъ, жаль, живется намъ съ тобой не ахти какъ.

Петръ вздохнулъ изъ вѣжливости.

— Что дѣвочки? — спросилъ Кочевой.

— Батюшка не пришли, Алексѣй Ѳеодорычъ сами съ ними занимаются.

Костя нашелъ на окнѣ необледенное мѣстечко и сталъ смотрѣть въ бинокль, направляя его на окна, гдѣ жило французское семейство.

— Не видать. — сказалъ онъ.

Въ это время внизу Алексѣй Ѳеодорычъ занимался по закону Божию съ Сашей и Лидой. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ онѣ жили въ Москвѣ, въ нижнемъ этажѣ флигеля, вмѣстѣ со своею гувернанткой, и къ нимъ приходили три раза въ недѣлю учитель городского училища и священникъ. Саша проходила Новый завѣтъ, а Лида недавно начала Ветхий. Въ послѣдній разъ Лидѣ было задано повторить до Авраама.

— Итакъ, у Адама и Евы было два сына, — сказалъ Лаптевъ. — Прекрасно. Но какъ ихъ звали? Припомни-ка!

Лида, попрежнему суровая, молчала, глядя на столъ, и только шевелила губами: а старшая Саша смотрѣла ей въ лицо и мучилась.

— Ты прекрасно знаешь, не нужно только волноваться, — сказалъ Лаптевъ. — Ну, какъ же звать сыновей Адама?

— Авель и Кавель, — прошептала Лида.

— Каинъ и Авель, — поправилъ Лаптевъ.

Но щекѣ у Лиды поползла крупная слеза и капнула на книжку. Саша тоже опустила глаза и покраснѣла, готовая заплакать. Лаптевъ отъ жалости не могъ уже говорить. слезы подступили у него къ горлу: онъ всталъ изъ-за стола и закурилъ папирску. Въ это время сошелъ сверху Кочевой съ газетой въ рукахъ. Дѣвочки поднялись и, не глядя на него, сдѣлали реверансъ.

— Бога ради, Костя, займитесь вы съ ними. — обратился къ нему Лаптевъ. — Я боюсь, что самъ заплачу, и мнѣ нужно до обѣда въ амбаръ съѣздить.

— Ладно.

Алексѣй Федорычъ ушелъ. Костя съ очень серьезнымъ лицомъ, нахмурясь, сѣлъ за столъ и потянулъ къ себѣ священную исторію.

— Ну-съ?—спросилъ онъ. — О чемъ вы тутъ?

— Она знаетъ о потопѣ,—сказала Саша.

— О потопѣ? Ладно, будемъ жарить о потопѣ. Валяй о потопѣ. — Костя пробѣжалъ въ книжкѣ краткое описаніе потопа и сказалъ:— Долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на самомъ дѣлѣ не было. И никакого Ноя не было. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова было на землѣ необыкновенное наводненіе, и объ этомъ упоминается не въ одной еврейской Библии, но также въ книгахъ другихъ древнихъ народовъ, какъ-то: грековъ, халдеевъ, индусовъ. Но какое бы ни было наводненіе, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то небось остались. Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.

У Лиды опять потекли слезы, она отвернулась и вдругъ зарыдала такъ громко, что Костя вздрогнулъ и поднялся съ мѣста въ сильномъ смущеніи.

— Я хочу домой, — проговорила она. — Къ папѣ и къ нянѣ.

Саша тоже заплакала. Костя ушелъ къ себѣ наверхъ и сказалъ въ телефонъ Юліи Сергѣевнѣ:

— Голубушка, дѣвочки опять плачутъ. Нѣтъ никакой возможности.

Юлія Сергѣевна прибѣжала изъ большого дома въ одномъ платьѣ и вязаномъ платкѣ, прохваченная морозомъ, и начала утѣшать дѣвочекъ.

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, — говорила она умоляющимъ голосомъ, прижимая къ себѣ то одну, то другую:—вашъ папа пріѣдетъ сегодня, онъ прислалъ телеграмму. Жаль мамы, и мнѣ жаль, сердце разрывается, но что же дѣлать? Вѣдь, не пойдешь противъ Бога!

Когда онѣ перестали плакать, она окутала ихъ и повезла кататься. Сначала проѣхали по Малой Дмитровкѣ, потомъ мимо Страстного на Тверскую; около Иверской остановились,

поставили по свѣчѣ и помолились, стоя на колѣняхъ. На обратномъ пути заѣхали къ Филиппову и взяли постныхъ баранокъ съ макомъ.

Обѣдали Лаптевы въ третьемъ часу. Кушанья подавалъ Петръ. Этотъ Петръ днемъ бѣгалъ то въ почтамтъ, то въ амбаръ, то въ окружной судъ для Кости, прислуживалъ: по вечерамъ онъ набивалъ папиросы, ночью бѣгалъ отворять дверь и въ пятомъ часу утра уже топилъ печи, и никто не зналъ, когда онъ спитъ. Онъ очень любилъ откупоривать сельтерскую воду, и дѣлалъ это легко, безшумно, не проливъ ни одной капли.

— Дай Богъ! — сказалъ Костя, выпивая передъ супомъ рюмку водки.

Въ первое время Костя не нравился Юліи Сергѣевнѣ: его басъ, его словечки въ родѣ выставилъ, заѣхалъ въ харю, мразь, изобрази самоварчикъ, его привычка чокаться и причитывать за рюмкой, казались ей тривиальными. Но, узнавши его покороче, она стала чувствовать себя въ его присутствіи очень легко. Онъ былъ съ нею откровененъ, любилъ по вечерамъ поговорить съ нею вполголоса о чемъ-нибудь, и даже давалъ ей читать романы своего сочиненія, которые до сихъ поръ составляли тайну даже для такихъ его друзей, какъ Лаптевъ и Ярцевъ. Она читала эти романы и, чтобы не огорчить его, хвалила, и онъ былъ радъ, такъ какъ надѣялся стать рано или поздно извѣстнымъ писателемъ. Въ своихъ романахъ онъ описывалъ только деревню и помѣщичьи усадьбы, хотя деревню видѣлъ очень рѣдко, только когда бывалъ у знакомыхъ на дачѣ, а въ помѣщичьей усадьбѣ былъ разъ въ жизни, когда ѣздилъ въ Волоколамскъ по судебному дѣлу. Любовнаго элемента онъ избѣгалъ, будто стыдился, природу описывалъ часто и при этомъ любилъ употреблять такія выраженія, какъ прихотливыя очертанія горъ, причудливыя формы облаковъ или аккордъ таинственныхъ созвучій... Романы его нигдѣ не печатали, и это объяснял онъ цензурными условіями.

Адвокатская дѣятельность нравилась ему, но все же главнымъ своимъ занятіемъ считалъ онъ не адвокатуру, а эти романы. Ему казалось, что у него тонкая, артистическая организація, и его всегда тянуло къ искусству. Самъ онъ не пѣлъ и не игралъ ни на какомъ инструментѣ и совершенно былъ лишень музыкальнаго слуха, но посвѣщалъ все

симфоническія и филармоническія собранія, устраивалъ концерты съ благотворительною цѣлью, знакомился съ пѣвцами...

Во время обѣда разговаривали.

— Удивительное дѣло, — сказалъ Лантевъ: — опять меня поставилъ втупикъ мой Ѳедоръ! Надо, говорить, узнать, когда исполнится столѣтіе нашей фирмы, чтобы хлопотать о дворянствѣ, и говорить это самымъ серьезнымъ образомъ. Что съ нимъ подѣлалось? Откровенно говоря, я начинаю беспокоиться.

Говорили о Ѳедорѣ, о томъ, что теперь мода напускать на себя что-нибудь. Напримѣръ, Ѳедоръ старается казаться простымъ купцомъ, хотя онъ уже не купецъ, и когда приходитъ къ нему за жалованьемъ учитель изъ школы, гдѣ старикъ Лантевъ попечителемъ, то онъ даже мѣняетъ голосъ и походку и держится съ учителемъ какъ начальникъ.

Послѣ обѣда нечего было дѣлать, пошли въ кабинетъ. Говорили о декадентахъ, объ *Орлеанской дѣвѣ*, и Костя прочелъ цѣлый монологъ: ему казалось, что онъ очень удачно подражаетъ Ермоловой. Потомъ сѣли играть въ винтъ. Дѣвочки не уходили къ себѣ во флигель, а блѣдныя, печальныя сидѣли, обѣ въ одномъ креслѣ, и прислушивались къ шуму на улицѣ: не отецъ ли ѣдетъ? По вечерамъ, въ темнотѣ и при свѣчахъ, онѣ испытывали тоску. Разговоръ за винтомъ, шаги Петра, трескъ въ каминѣ раздражали ихъ и не хотѣлось смотрѣть на огонь; по вечерамъ и плакать уже не хотѣлось, но было жутко и давило подъ сердцемъ. И было не понятно, какъ это можно говорить о чемъ-нибудь и смѣяться, когда умерла мама.

— Что вы сегодня видѣли въ бинокль? — спросила Юлія Сергѣевна у Кости.

— Сегодня ничего, а вчера самъ старикъ французъ ванну принималъ.

Въ семь часовъ Юлія Сергѣевна и Костя уѣхали въ Малый театръ. Лантевъ остался съ дѣвочками.

— А пора бы уже вашему палѣ пріѣхать, — говорили онѣ, поглядывая на часы. — Должно-быть, поѣздъ опоздалъ.

Дѣвочки сидѣли въ креслѣ, молча, прижавшись другъ къ другу, какъ звѣрки, которымъ холодно, а онѣ все ходили по комнатамъ и съ нетерпѣніемъ поглядывали на часы. Въ домѣ было тихо. Но вотъ уже въ концѣ девятого часа кто-то позвонилъ. Петръ пошелъ открывать.

Услышавъ знакомый голосъ, дѣвочки вскрикнули, зарыдали и бросились въ переднюю. Панауровъ былъ въ роскошной дохѣ, и борода и усы у него побѣлѣли отъ мороза.

— Сейчасъ, сейчасъ, — бормоталъ онъ, а Саша и Лида, рыдая и смѣясь, цѣловали ему холодныя руки, шанку, доху. Красивый, томный, избалованный любовью, онъ, не сгибша, приласкалъ дѣвочекъ, потомъ вошелъ въ кабинетъ и сказалъ, потирая руки:

— А я къ вамъ не надолго, друзья мои. Завтра уѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ обѣщаютъ переводъ въ другой городъ.

Остановился онъ въ «Дрезденѣ».

X.

У Лаптевыхъ часто бывалъ Ярцевъ, Иванъ Гаврилычъ. Это былъ здоровый, крѣпкій человекъ, черноволосый, съ умнымъ, приятнымъ лицомъ; его считали красивымъ, но въ послѣднее время онъ сталъ полнѣть, и это портило его лицо и фигуру; портило его и то, что онъ стригъ волосы низко, почти до-гола. Въ университетѣ когда-то, благодаря его хорошему росту и силѣ, студенты называли его вышибалой.

Онъ вмѣстѣ съ братьями Лаптевыми кончилъ на филологическомъ факультетѣ, потомъ поступилъ на естественный, и теперь былъ магистромъ химіи. На кафедре онъ не считывалъ и нигдѣ не былъ даже лаборантомъ, а преподавалъ физику и естественную исторію въ реальномъ училищѣ и въ двухъ женскихъ гимназіяхъ. Отъ своихъ учениковъ, а особенно ученицъ онъ былъ въ восторгѣ и говорилъ, что подрастаетъ теперь замѣчательное поколѣніе. Кромѣ химіи, онъ занимался еще у себя дома социологіей и русскою исторіей, и свои небольшія замѣтки иногда печаталъ въ газетахъ и журналахъ, подписываясь буквой Я. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь изъ ботаники или зоологіи, то походилъ на историка, когда же рѣшалъ какой-нибудь историческій вопросъ, то походилъ на естественника.

Своимъ человекомъ у Лаптевыхъ былъ также Кишъ, прозванный вѣчнымъ студентомъ. Онъ три года былъ на медицинскомъ факультетѣ, потомъ перешелъ на математическій и сидѣлъ здѣсь на каждомъ курсѣ по два года. Отецъ его, провинціальный аптекарь, присылалъ ему по сорока рублей въ мѣсяцъ, и еще мать, тайно отъ отца, по десяти, и этихъ денегъ ему хватало на прожитіе и даже на такую

роскошь, какъ шинель съ польскимъ бобрѣмъ, перчатки, духи и фотографія (онъ часто снимался, и раздавалъ свои портреты знакомымъ). Чистенькій, немножко плѣшивый, съ золотистыми бачками около ушей, скромный, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, готоваго служить. Онъ все хлопоталъ по чужимъ дѣламъ: то посылалъ съ подписнымъ листомъ, то съ раннего утра мерзъ около театральной кассы, чтобы купить для знакомой дамы билетъ, то по чьему-нибудь порученію шелъ заказывать вѣнокъ или букетъ. Про него только и говорили: Кишъ сходить, Кишъ сдѣлаетъ, Кишъ купить. Порученія исполнялъ онъ большею частью дурно. На него сыпались попреки, часто забывали заплатить ему за покупки, но онъ всегда молчалъ и въ затруднительныхъ случаяхъ только вздыхалъ. Онъ никогда особенно не радовался, не огорчался, рассказывалъ всегда дашно и скучно, и остроты его всякій разъ вызывали смѣхъ потому только, что не были смѣшны. Такъ, однажды, съ намѣреніемъ пошутить, онъ сказалъ Петру: «Петръ, ты не осетръ», и это вызвало общій смѣхъ, и самъ онъ долго смѣялся, довольный, что такъ удачно сострилъ. Когда хоронили какого-нибудь профессора, то онъ шелъ впереди вмѣстѣ съ факельщиками.

Ярцевъ и Кишъ обыкновенно приходили вечеромъ къ чаю. Если хозяева не уѣзжали въ театръ или на концертъ, то вечерній чай затягивался до ужина. Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ въ столовой происходилъ такой разговоръ:

— Художественное произведеніе тогда лишь значительно и полезно, когда оно въ своей идеѣ содержитъ какую-нибудь серьезную общественную задачу,—говорилъ Костя, сердито глядя на Ярцева.—Если въ произведеніи протестъ противъ крѣпостнаго права, или авторъ вооружается противъ высшаго свѣта съ его пошлостями, то такое произведеніе значительно и полезно. Тѣ же романы и повѣсти, гдѣ ахъ да охъ, да она его полюбила, а онъ ее разлюбилъ,—такія произведенія, говорю я, ничтожны и чортъ ихъ поberi.

— Я съ вами согласна, Константина Ивановичъ, — сказала Юлія Сергѣевна.—Одинъ описываетъ любовное свиданіе, другой—измѣну, третій—встрѣчу послѣ разлуки. Неужели нѣтъ другихъ сюжетовъ? Вѣдь, очень много людей, больныхъ, несчастныхъ, замученныхъ нуждой, которымъ, должно быть, противно все это читать.

Маштеву было неприятно, что его жена, молодая женщина, которой нѣтъ еще и 22 лѣтъ, такъ серьезно и холодно рассуждаетъ о любви. Онъ догадывался, почему это такъ.

— Если поэзія не рѣшаетъ вопросовъ, которые кажутся вамъ важными,—сказала Ярцева:—то обратитесь къ сочиненіямъ по техникѣ, полицейскому и финансовому праву, читайте научные фельетоны. Къ чему это нужно, чтобы въ *Ромео и Джульеттѣ*, вмѣсто любви, шла рѣчь, положимъ, о свободѣ преподаванія или о дезинфекціи тюремъ, если объ этомъ вы найдете въ специальныхъ статьяхъ и руководствахъ?

— Дядя, это крайности! — перебилъ Костя. — Мы говоримъ не о такихъ гигантахъ, какъ Шекспиръ или Гете, мы говоримъ о сотнѣ талантливыхъ и посредственныхъ писателей, которые принесли бы гораздо больше пользы, если бы оставили любовь и занялись проведеніемъ въ массу знаній и гуманныхъ идей.

Кишъ, каргая и немножко въ носъ, сталъ рассказывать содержаніе повѣсти, которую онъ недавно прочелъ. Рассказывалъ онъ обстоятельно, не спѣша; прошло три минуты, потомъ пять, десять, а онъ все продолжалъ, и никто не могъ понять, о чемъ это онъ рассказываетъ, и лицо его становилось все болѣе равнодушнымъ и глаза потускнѣли.

— Кишъ, рассказывайте поскорѣе.—не выдержала Юлія Сергѣевна:—а то вѣдь это мучительно!

— Перестаньте, Кишъ!—крикнулъ на него Костя.

Засмѣялись всѣ, и самъ Кишъ.

Пришелъ Ѳедоръ. Съ красными пятнами на лицѣ, торопясь, онъ поздоровался и увелъ брата въ кабинетъ. Въ послѣднее время онъ избѣгалъ многочленныхъ собраний и предпочиталъ общество одного человѣка.

— Пускай молодежь тамъ хохочетъ, а мы съ тобой тутъ поговоримъ по душамъ.—сказалъ онъ, садясь въ глубокое кресло, подальше отъ лампы.—Давненько, братуха, не видались. Сколько времени ты въ амбарѣ не былъ? Пожалуй, съ недѣлю.

— Да. Нечего мнѣ у васъ тамъ дѣлать. Да и старикъ надоѣлъ, признаться.

— Конечно, безъ насъ съ тобой могутъ обойтись въ амбарѣ, но надо же имѣть какое-нибудь занятіе. Въ потѣ лица будешь ѣсть свой хлѣбъ, какъ говорится. Богъ труда любитъ.

Петръ принесъ на подносѣ стаканъ чаю. Федоръ выпилъ безъ сахару и еще попросилъ. Онъ пилъ много чаю и въ одинъ вечеръ могъ выпить стакановъ десять.

— Знаешь, что, братъ?—сказалъ онъ, вставая и подходя къ брату. — Не мудрствуя лукаво, баллотируйся-ка ты въ гласные, а мы помаленьку да полегоньку проведемъ тебя въ члены управы, а потомъ въ товарищи головы. Дальше-больше, человекъ ты умный, образованный, тебя замѣтятъ и пригласятъ въ Петербургъ,— земскіе и городскіе дѣятели теперь тамъ въ модѣ, братъ, и, гляди, пятидесяти лѣтъ тебѣ еще не будетъ, а ты ужъ тайный совѣтникъ и лента черезъ плечо.

Лаптевъ ничего не отвѣтилъ; онъ понялъ, что всего этого—и тайнаго совѣтника, и ленты хочется самому Федору, и онъ не зналъ, что отвѣтить.

Братья сидѣли и молчали. Федоръ открылъ свои часы и долго, очень долго глядѣлъ въ нихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто хотѣлъ подмѣтить движеніе стрѣлки, и выраженіе его лица казалось Лаптеву страннымъ.

Позвали ужинать. Лаптевъ пошелъ въ столовую, а Федоръ остался въ кабинетѣ. Спора уже не было, а Ярцевъ говорилъ тономъ профессора, читающаго лекцію:

— Вслѣдствіе разности климатовъ, энергій, вкусовъ, возрастовъ, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человекъ можетъ сдѣлать это неравенство безвреднымъ такъ же, какъ онъ уже сдѣлалъ это съ болотами и медвѣдями. Достигъ же одинъ ученый того, что у него кошка, мышь, кобчикъ и воробей ѣли изъ одной тарелки, и воспитаніе, надо надѣяться, будетъ дѣлать то же самое съ людьми. Жизнь идетъ все впередъ и впередъ, культура дѣлаетъ громадныя усилія на нашихъ глазахъ, и, очевидно, настанетъ время, когда, напримѣръ, нынѣшнее положеніе фабричныхъ рабочихъ будетъ представляться такимъ же абсурдомъ, какъ намъ теперь крѣпостное право, когда мѣняли дѣвокъ на собакъ.

— Это будетъ не скоро, очень не скоро,—сказалъ Костя и усмѣхнулся:—очень не скоро, когда Ротшильду покажутся абсурдомъ его подвалы съ золотомъ, а до тѣхъ поръ рабочейи пусть гнетъ спину и пухнетъ съ голоду. Ну, нѣтъ-съ дядя. Не ждать нужно, а бороться. Если кошка ѣсть съ

мышью изъ одной тарелки, то вы думаете, она проникнута сознаниемъ? Какъ бы не такъ. Ее заставили силой.

— Я и Федоръ богаты, нашъ отецъ капиталистъ, миллионеръ, съ нами нужно бороться! — проговорилъ Лаптевъ и потеръ ладонью лобъ. — Бороться со мной — какъ это не укладывается въ моемъ сознаниі! Я богатъ, но что мнѣ дали до сихъ поръ деньги, что дала мнѣ эта сила? Чѣмъ я счастливѣе васъ? Дѣтство было у меня каторжное, и деньги не спасали меня отъ розогъ. Когда Нина болѣла и умирала, ей не помогли мои деньги. Когда меня не любятъ, то я не могу заставить полюбить себя, хотя бы потратилъ сто миллионѡвъ.

— Зато вы можете много добра сдѣлать, — сказалъ Кишъ.

— Какое тамъ добро! Вы вчера просили меня за какого-то математика, который ищетъ должности. Вѣрьте, я могу сдѣлать для него такъ же мало, какъ и вы. Я могу дать денегъ, но вѣдь это не то, что онъ хочетъ. Какъ-то у одного извѣстнаго музыканта я просилъ мѣста для бѣдняка-скрипача, а онъ отвѣтилъ такъ: «Вы обратились именно ко мнѣ потому, что вы не музыкантъ». Такъ и я вамъ отвѣчу: вы обращаетесь ко мнѣ за помощью такъ увѣренно потому, что сами ни разу еще не были въ положеніи богатаго человѣка.

— Для чего тутъ сравненіе съ извѣстнымъ музыкантомъ, не понимаю! — проговорила Юлія Сергѣевна и покраснѣла. — Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ!

Лицо ея задрожало отъ ненависти, и она опустила глаза, чтобы скрыть это чувство. И выраженіе ея лица понялъ не одинъ только мужъ, но и всѣ, сидѣвшіе за столомъ.

— Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ! — повторила она тихо. — Нѣтъ ничего легче, какъ помочь бѣдному человѣку.

Наступило молчаніе. Петръ подаль рябчиковъ, но никто не сталъ ѣсть ихъ, и всѣ ѣли одинъ салатъ. Лаптевъ уже не помнилъ, что онъ сказалъ, но для него было ясно, что ненавистны были не слова его, а ужъ одно то, что онъ вмѣшался въ разговоръ.

Послѣ ужина онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ; напряженно, съ біеніемъ сердца, ожидая еще новыхъ удивленій. Онъ прислушивался къ тому, что происходило въ залъ. Тамъ опять начался споръ: потомъ Ярцевъ сѣлъ за рояль

и спѣлъ чувствительный романсъ. Это былъ мастеръ на всѣ руки: онъ и пѣлъ, и игралъ, и даже умѣлъ показывать фокусы.

— Какъ вамъ угодно, господа, а я не желаю сидѣть дома, — сказала Юлія. — Надо поѣхать куда-нибудь.

Рѣшили ѣхать за городъ и послали Киша къ купеческому клубу за тройкой. Лаптева не приглашали съ собой, потому что обыкновенно онъ не ѣздилъ за городъ и потому что у него сидѣть теперь брать, но онъ понялъ это такъ, что его общество скучно для нихъ, что онъ въ этой веселой, молодой компаніи совѣтъ лишній. И его досада, его горькое чувство были такъ сильны, что онъ едва не плакалъ; онъ даже былъ радъ, что съ нимъ поступаютъ такъ, не любезно, что имъ пренебрегаютъ, что онъ груный, скучный мужъ, золотой мѣшокъ, и ему казалось, что онъ былъ бы еще больше радъ, если бы его жена измѣнила ему въ эту ночь съ лучшимъ другомъ и потомъ созналась бы въ этомъ, глядя на него съ ненавистью... Онъ ревновалъ ее къ знакомымъ студентамъ, къ актерамъ, пѣвцамъ, къ Ярцеву, даже къ встрѣчнымъ, и теперь ему страстно хотѣлось, чтобы она въ самомъ дѣлѣ была невѣрна ему, хотѣлось застать ее съ кѣмъ-нибудь, потомъ отравиться, отдѣлаться разъ навсегда отъ этого кошмара. Федоръ пилъ чай и громко глоталъ. Но вотъ и онъ собрался уходить.

— А у нашего старичка, должно-быть, темная вода, — сказалъ онъ, надѣвая шубу. — Совѣтъ сталъ плохо видѣть.

Лаптевъ тоже надѣлъ шубу и вышелъ. Проводивъ брата до Страстного, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Яру.

«И это называется семейнымъ счастьемъ! смѣялся онъ надъ собой. — Это любовь!»

У него стучали зубы и онъ не зналъ, ревность это, или что другое. У Яра онъ прошелся около столовъ, послушалъ въ залѣ куплетиста: на случай встрѣчи со своими у него не было ни одной готовой фразы, и онъ заранѣе былъ увѣренъ, что при встрѣчѣ съ женой онъ только улыбнется жалко и не умно, и всѣ поймутъ, какое чувство заставило его пріѣхать сюда. Отъ электрическаго свѣта, громкой музыки, запаха пудры и отъ того, что встрѣчные дамы смотрѣли на него, его мучило. Онъ останавливался

у дверей, старался подсмотрѣть и подслушать, что дѣлается въ отдѣльных кабинетахъ, и ему казалось, что онъ играетъ заодно съ куплетистомъ и этими дамами какую-то низкую, презрѣнную роль. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Стрѣльну, но и тамъ не встрѣтилъ никого изъ своихъ, и только когда, возвращаясь назадъ, опять подъѣзжалъ къ Яру, его съ шумомъ обогнала тройка; пьяный ящикъ кричалъ и слышно было, какъ хохоталъ Ярцевъ: «га-га-га!»

Вернулся Лаптевъ домой въ четвертомъ часу. Юлія Сергѣевна была уже въ постели. Замѣтивъ, что она не спитъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ рѣзко:

— Я понимаю ваше отвращеніе, вашу ненависть, но вы могли бы пощадить меня при постороннихъ, могли бы скрыть свое чувство.

Она сѣла на постели, спустивъ ноги. При свѣтѣ лампы глаза у нея казались большими, черными.

— Я прошу извиненія,—проговорила она.

Отъ волненія и дрожи во всемъ тѣлѣ онъ уже не могъ выговорить ни одного слова, а стоялъ передъ ней и молчалъ. Она тоже дрожала и сидѣла съ видомъ преступницы, ожидая объясненія.

— Какъ я страдаю! — сказалъ онъ, наконецъ, и взялъ себя за голову.—Я какъ въ аду, я съ ума сошелъ!

— А мнѣ развѣ легко?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.—Одинъ Богъ знаетъ, каково мнѣ.

— Ты моя жена уже полгода, но въ твоей душѣ ни даже искры любви, нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта! Зачѣмъ ты вышла за меня? — продолжалъ Лаптевъ съ отчаяніемъ. — Зачѣмъ? Какой демонъ толкалъ тебя въ мои объятія? На что ты надѣялась? Чего ты хотѣла?

А она смотрѣла на него съ ужасомъ, точно боясь, что онъ убьетъ ее.

— Я тебѣ нравился? Ты любила меня? — продолжалъ онъ, задыхаясь. — Нѣтъ! Такъ что же? Что? Говори: что? — крикнулъ онъ. — О, проклятыя деньги! Проклятыя деньги!

— Клянусь Богомъ, нѣтъ! — вскрикнула она и перекрестилась; она вся скалась отъ оскорбленія, и онъ въ первый разъ услышалъ, какъ она плачетъ.—Клянусь Богомъ, нѣтъ!—повторила она.—Я не думала о деньгахъ, онъ мнѣ не нужны, мнѣ просто казалось, что если я откажу тебѣ,

то поступлю дурно. Я боялась испортить жизнь тебѣ и себѣ. И теперь страдаю за свою ошибку, невыносимо страдаю!

Она горько зарыдала, и онъ понялъ, какъ ей больно, и, не зная, что сказать, онъ опустил ся передъ ней на коверъ.

— Довольно, довольно, — бормоталъ онъ. — Оскорбилъ я тебя, потому что люблю безумно, — онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ ногу и страстно обнялъ. — Хоть искру любви! — бормоталъ онъ. — Ну, солги мнѣ! Солги! Не говори, что это ошибка!..

Но она продолжала плакать, и онъ чувствовалъ, что его ласки она переноситъ только какъ неизбежное послѣдствіе своей ошибки. И ногу, которую онъ поцѣловалъ, она поджала подъ себя, какъ птица. Ему стало жаль ея.

Она легла и укрылась съ головой, онъ раздѣлся и тоже легъ. Утромъ оба они чувствовали смущеніе и не знали, о чемъ говорить, и ему даже казалось, что она нетвердо ступаетъ на ту ногу, которую онъ поцѣловалъ.

Передъ обѣдомъ пріѣзжалъ прощаться Панауровъ. Юліи неудержимо захотѣлось домой на родню; хорошо бы уѣхать, думала она, и отдохнуть отъ семейной жизни, отъ этого смущенія и постоянного сознанія, что она поступила дурно. Рѣшено было за обѣдомъ, что она уѣдетъ съ Панауровымъ и погоститъ у отца недѣли двѣ-три, пока не соскучится.

XI.

Она и Панауровъ ѣхали въ отдѣльномъ купѣ; на головѣ у него былъ картузь изъ баранковаго мѣха какой-то странной формы.

— Да, не удовлетворилъ меня Петербургъ, — говорилъ онъ съ разстановкою, вздыхая. — Обѣщаютъ много, но ничего опредѣленнаго. Да, дорогая моя. Былъ я мировымъ судьей, непремѣннымъ членомъ, предсѣдателемъ мирового съѣзда, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія; кажется, послужилъ отечеству и имѣю право на вниманіе, но вотъ вамъ: никакъ не могу добиться, чтобы меня перевели въ другой городъ...

Панауровъ закрылъ глаза и покачалъ головой.

— Меня не признаютъ, — продолжалъ онъ, какъ бы за-

сыная.— Конечно, я не гениальный администраторъ, но зато я порядочный, честный человекъ, а по нынѣшнимъ временамъ и это рѣдкость. Каюсь, иногда женщинъ я обманывалъ слегка, но по отношенію къ русскому правительству я всегда былъ джентльменомъ. Но довольно объ этомъ,— сказалъ онъ, открывая глаза:— будемъ говорить о васъ. Что это вамъ вздумалось вдругъ ѣхать къ папашѣ?

— Такъ, съ мужемъ немножко не поладила; — сказала Юлія, глядя на его картузь.

— Да, какой-то онъ у васъ странный. Всѣ Лаптевы странные. Мужъ вашъ еще ничего, туда-сюда, но братъ его Федоръ совсѣмъ дуракъ.

Панауровъ вздохнулъ и спросилъ серьезно:

— А любовникъ у васъ уже есть?

Юлія посмотрѣла на него съ удивленіемъ и улыбнулась.

— Богъ знаетъ, что вы говорите.

На большой станціи, часу въ одиннадцатомъ, оба вышли и поужинали. Когда поѣздъ пошелъ дальше, Панауровъ снялъ пальто и свой картузикъ и сѣлъ рядомъ съ Юліей.

— А вы очень милы, надо вамъ сказать,— началъ онъ.— Извините за трактирное сравненіе, вы напоминаете мнѣ свѣже-просоленный огурчикъ; онъ, такъ сказать, еще пахнетъ парникомъ, но уже содержитъ въ себѣ немножко соли и запахъ укропа. Изъ васъ мало-по-малу формируется великолѣпная женщина, чудесная, изящная женщина. Если бы эта наша поѣздка происходила лѣтъ пять назадъ,— вздохнулъ онъ:— то я почелъ бы пріятнымъ долгомъ поступить въ ряды вашихъ поклонниковъ, но теперь — увы! — я инвалидъ.

Онъ грустно и, въ то же время, милостиво улыбнулся, и обнялъ ее за талію.

— Вы съ ума сошли! — сказала она, покраснѣла и испугалась такъ, что у нея похолодѣли руки и ноги.— Оставьте, Григорій Николаичъ!

— Что же вы боитесь, милая? — спросилъ онъ мягко.— Что тутъ ужаснаго? Вы просто не привыкли.

Если женщина протестовала, то для него это только значило, что онъ произвелъ впечатлѣніе и нравится. Держа Юлію за талію, онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ щеку, потомъ въ губы, въ полной увѣренности, что доставляетъ ей большое удовольствіе. Юлія оправилась отъ страха и сму-

пенія, и стала смѣяться. Онъ поцѣловаль ее еще разъ и сказалъ, надѣвая свой смѣшной картузь:

— Вотъ и все, что можетъ дать вамъ инвалидъ. Одинъ турецкій паша, добрый старичокъ, получилъ отъ кого-то въ подарокъ, или, кажется, въ наслѣдство цѣлый гаремъ. Когда его молодыя, красивыя жены выстроились передъ нимъ въ шеренгу, онъ обошелъ ихъ, поцѣловаль каждую и сказалъ: «Вотъ и все, что я теперь въ состояніи дать вамъ». То же самое говорю и я.

Все это казалось ей глупымъ, необыкновеннымъ и веселило ее. Хотѣлось шалить. Ставши на диванъ и напѣвая, она достала съ полки коробку съ конфетами и крикнула, бросивъ кусочекъ шokolода:

— Ловите!

Онъ поймалъ: она бросила ему другую конфетку съ громкимъ смѣхомъ, потомъ третью, а онъ все ловилъ и клалъ себѣ въ ротъ, глядя на нее умоляющими глазами, и ей казалось, что въ его лицѣ, въ чертахъ и въ выраженіи много женскаго и дѣтскаго. И когда она, запыхавшись, сѣла на диванъ и продолжала смотрѣть на него со смѣхомъ, онъ двумя пальцами дотронулся до ея щеки и проговорилъ какъ бы съ досадою:

— Подлая дѣвчонка!

— Возьмите, — сказала она, подавая ему коробку. — Я не люблю сладкаго.

Онъ съѣлъ конфеты, всѣ до одной, и пустую коробку завернулъ къ себѣ въ чемоданъ; онъ любилъ коробки съ картинками.

— Однако, довольно шалить, — сказалъ онъ. — Инвалиду пора бай-бай.

Онъ досталъ изъ портъ-пледа свой бухарскій халатъ и подушку, легъ и укрылся халатомъ.

— Спокойной ночи, голубка! — тихо проговорилъ онъ и вздохнулъ такъ, какъ будто у него болѣло все тѣло.

И скоро послышался храпъ. Не чувствуя никакого стѣсненія, она тоже легла и скоро уснула.

Когда на другой день утромъ она въ своемъ родномъ городѣ ѣхала съ вокзала домой, то улицы казались ей пустынными, безлюдными, снѣгъ сѣрымъ, а дома маленькими, точно кто приплюснулъ ихъ. Встрѣтилась ей процессія: несли покойника въ открытомъ гробѣ, съ хоругвями.

«Покойника встрѣтить, говорить, къ счастью», — подумала она.

На окнахъ того дома, въ которомъ жила когда-то Нина Федоровна, теперь были приклеены бѣлые билетки.

Съ зампраніемъ сердца она вѣхала въ свой дворъ и позвонила у двери. Ей отворила незнакомая горничная, полная, заспанная, въ теплой ватной кофть. Идя по лѣстницѣ, Юлія вспомнила, какъ здѣсь объяснялся ей въ любви Лаптевъ, но теперь лѣстница была немытая, вся въ слѣдахъ. Наверху, въ холодномъ коридорѣ, ожидали больные въ шубахъ. И почему-то сердце у нея сильно билось и она едва шла отъ волненія.

Докторъ, еще больше пополнившій, красный, какъ кирпичъ, и съ взерошенными волосами, пилъ чай. Увидѣвъ дочь, онъ очень обрадовался и даже прослезился; она подумала, что въ жизни этого старика она — единственная радость, и, растроганная, крѣпко обняла его и сказала, что будетъ жить у него долго, до Пасхи. Переодѣвшись у себя въ комнатѣ, она пришла въ столовую, чтобы вмѣстѣ пить чай, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы, и пѣлъ: «ру-ру-ру», — значить, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Тебѣ въ Москвѣ живется очень весело, — сказалъ онъ. — Я за тебя очень радъ... Мнѣ же, старику, ничего не нужно. Я скоро издохну и освобожу васъ всѣхъ. И надо удивляться, что у меня такая крѣпкая шкура, что я еще живъ! Изумительно!

Онъ сказалъ, что онъ старикъ, двужилый оселъ, на которомъ ѣздятъ всѣ. На него взвалили лѣченіе Нины Федоровны, заботы объ ея дѣтяхъ, ея похороны; а этотъ хлыщъ Панауровъ ничего знать не хотѣлъ и даже взялъ у него сто рублей займа и до сихъ поръ не отдаетъ.

— Возьми меня въ Москву и посади тамъ въ сумасшедшій домъ! — сказалъ докторъ. — Я сумасшедшій, я паничный ребенокъ, такъ какъ все еще вѣрю въ правду и справедливость!

Затѣмъ онъ упрекалъ ея мужа въ недалковидности: не покупаетъ домовъ, которые продаются такъ выгодно. И теперь уже Юліи казалось, что въ жизни этого старика она — не единственная радость. Когда онъ принималъ больныхъ и потомъ уѣхалъ на практику, она ходила по всѣмъ

комнатамъ, не зная, что дѣлать и о чемъ думать. Она уже отвыкла отъ родного города и родного дома; ее не тянуло теперь ни на улицу, ни къ знакомымъ, и при воспомина- нии о прежнихъ подружкахъ и о дѣвичьей жизни не стано- вилось грустно и не было жаль проплаго.

Вечеромъ она одѣлась понаряднѣе и пошла ко всенощной. Но въ церкви были только простые люди и ея велико- дѣльная шуба и шляпка не произвели никакого впечатлѣ- ния. И казалось ей, будто произошла какая-то перемѣна и въ церкви, и въ ней самой. Прежде она любила, когда во всенощной читали канонъ и пѣвчіе пѣли прмосы, на- примѣръ, «Отверзу уста моя», любила медленно подви- гаться въ толпѣ къ священнику, стоящему среди церкви, и потомъ оцущать на своемъ лбу святой елей, теперь же она ждала только, когда кончится служба. И, выходя изъ церкви, она уже боялась, чтобы у нея не попросили ни- шіе; было бы скучно останавливаться и искать карманы, да и въ карманахъ у нея уже не было мѣдныхъ денегъ, а были только рубли.

Легла она въ постель рано, а уснула поздно. Снились ей все какіе-то портреты и похоронная процессія, которую она видѣла утромъ; открытый гробъ съ мертвецомъ внесли во дворъ и остановились у двери, потомъ долго раскочи- вали гробъ на полотенцахъ и со всего размаха ударили имъ въ дверь. Юлія проснулась и вскопчила въ ужасъ. Въ самомъ дѣлѣ, внизу стучали въ дверь и проволока отъ звонка шуршала по стѣнѣ, но звонка не было слышно.

Закашлялъ докторъ. Вотъ, слышно, горничная сошла внизъ, потомъ вернулась.

— Барыня!—сказала она и постучала въ дверь. — Бар- риня!

— Что такое?—спросила Юлія.

— Вамъ телеграмма!

Юлія со свѣчой вышла къ ней. Позади горничной стоялъ докторъ, въ нижнемъ бѣльѣ и пальто, и тоже со свѣчой.

— Звонокъ у насъ испортился, — говорилъ онъ, зѣвая спросонокъ. — Давно бы починить надо.

Юлія распечатала телеграмму и прочла: «Пьемъ ваше здоровье. Ярцевъ, Кочевой»

— Ахъ, какіе дураки! — сказала она и захохотала; на душѣ у нея стало легко и весело.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, она тихо умылась, одѣлась, потомъ долго укладывала свои вещи. пока не разсвѣло, а въ полдень уѣхала въ Москву.

XII.

На святой недѣлѣ Лаптевы были въ училищѣ живописи на картинной выставкѣ. Отправились они туда всѣмъ домомъ, по-московски, взявши съ собою обѣихъ дѣвочекъ, гувернантку и Костю.

Лаптевъ зналъ фамилии всѣхъ извѣстныхъ художниковъ и не пропускалъ ни одной выставки. Иногда лѣтомъ на дачѣ онъ самъ писалъ красками пейзажи и ему казалось, что у него много вкуса и что если бѣ онъ учился, то изъ него, пожалуй, вышелъ бы хорошій художникъ. За границей онъ заходилъ иногда къ антикваріямъ и съ видомъ знатока осматривалъ древности и высказывалъ свое мнѣніе, покупать какую-нибудь вещь, антикваріи бралъ съ него, сколько хотѣлъ, и купленная вещь лежала потомъ, забитая въ ящикъ, въ каретномъ сараѣ, пока не исчезала неизвестно куда. Или, зайдя въ астампный магазинъ, онъ долго и внимательно осматривалъ картины, бронзу, дѣлалъ разныя замѣчанія и вдругъ покупалъ какую-нибудь лубочную рамочку или коробку дрянной бумаги. Дома у него были картины все большихъ размѣровъ, но плохія: хорошія же были дурно повѣшены. Случалось ему не разъ платить дорого за вещи, которыя потомъ оказывались грубою поддѣлкой. И замѣчательно, что робкій вообще въ жизни, онъ былъ трезвычайно смѣлъ и самоувѣренъ на картинныхъ выставкахъ. Отчего?

Юлія Сергѣевна смотрѣла на картины, какъ мужъ, въ кулакъ или бинокль и удивлялась, что люди на картинахъ, какъ живые, а деревья, какъ настоящія; но она не понимала, ей казалось, что на выставкѣ много картинъ одинаковыхъ и что вся цѣль искусства именно въ томъ, чтобы на картинахъ, когда смотришь на нихъ въ кулакъ, люди и предметы выдѣлялись, какъ настоящіе.

— Это лѣсъ Шишкина. — объяснялъ ей мужъ. — Всегда онъ пишетъ одно и то же... А вотъ обрати вниманіе: такого лиловаго снѣга никогда не бываетъ... А у этого мальчика лѣвая рука короче правой.

Когда все утомились, и Лаптевъ пошелъ отыскивать

Костю, чтобы ѣхать домой, Юлія остановилась передъ небольшимъ пейзажемъ и смотрѣла на него равнодушно. На переднемъ планѣ рѣчка, черезъ нее бревенчатый мостикъ, на томъ берегу тропинка, исчезающая въ темной травѣ, поле. потомъ справа кусочекъ лѣса. около него костеръ: должно-быть, ночное стерегутъ. А вдали догораетъ вечерняя заря.

Юлія вообразила, какъ она сама идетъ по мостику, потомъ тропинкой, все дальше и дальше, а кругомъ тихо, кричатъ сояные дергачи, вдали мигаетъ огонь. И почему-то вдругъ ей стало казаться, что эти самыя облачка, которыя протянулись по красной части неба, и лѣсъ, и поле, она видѣла уже давно и много разъ, она почувствовала себя одинокой и захотѣлось ей идти, идти и идти по тропинкѣ: и тамъ, гдѣ была вечерняя заря, покоилось отраженіе чего-то неземного, вѣчнаго.

— Какъ это хорошо написано! — проговорила она, удивляясь, что картина стала ей вдругъ понятна. — Посмотри, Алеша! Замѣчаешь, какъ тутъ тихо?

Она старалась объяснить, почему такъ нравится ей этотъ пейзажъ, но ни мужъ, ни Костя не понимали ея. Она все смотрѣла на пейзажъ съ грустною улыбкой, и то, что другіе не находили въ немъ ничего особеннаго, волновало ее; потомъ она начала снова ходить по заламъ и осматривать картины, хотѣла понять ихъ, и уже ей не казалось, что на выставкѣ много одинаковыхъ картинъ. Когда она, вернувшись домой, въ первый разъ за все время обратила вниманіе на большую картину, висѣвшую въ залѣ надъ роялемъ, то почувствовала къ ней вражду и сказала:

— Охота же имѣть такія картины!

И послѣ того, золотые карнизы, венеціанскія зеркала съ цвѣтами и картины въ родѣ той, что висѣла надъ роялемъ, а также разсужденія мужа и Кости объ искусствѣ уже возбуждали въ ней чувство скуки и досады, и порой даже ненависти.

Жизнь текла обыкновенно, изо дня въ день, не обѣщая ничего особеннаго. Театральный сезонъ уже кончился, наступало теплое время. Погода все время стояла превосходная. Какъ-то утромъ Лаптевы собрались въ окружной судъ послушать Костю, который защищалъ кого-то по назначенію суда. Они замѣшкались дома и пріѣхали въ судъ, когда

уже начался допросъ свидѣтелей. Обвинялся запасный рядовой въ кражѣ со взломомъ. Было много свидѣтельницъ-прачекъ; онѣ показывали, что подсудимый часто бывалъ у хозяйки, содержательницы прачечной; подъ Воздвиженье онъ пришелъ поздно вечеромъ и сталъ просить денегъ, чтобы опохмелиться, но никто ему не далъ; тогда онъ ушелъ, но черезъ часъ вернулся и принесъ съ собой пива и мятныхъ пряниковъ для дѣвушекъ. Пили и ѣли пѣсни почти до разсвѣта, а когда утромъ хватились, то замокъ у входа на чердакъ былъ сломанъ и изъ бѣлья пропало: три мужскихъ сорочки, юбка и двѣ простыни. Костя у каждой свидѣтельницы спрашивалъ насмѣшливо: не пила ли она подъ Воздвиженье того пива, которое принесъ подсудимый? Очевидно, онъ гнулъ къ тому, что прачки сами себя обокрали. Говорилъ онъ свою рѣчь безъ малѣйшаго волненія, сердито глядя на присяжныхъ.

Онъ объяснялъ, что такое кража со взломомъ и простая кража. Говорилъ очень подробно, убѣдительно, обнаруживая необыкновенную способность говорить долго и серьезнымъ тономъ о томъ, что давно уже всѣмъ извѣстно. И трудно было понять, чего собственно онъ хочетъ? Изъ его длинной рѣчи присяжный засѣдатель могъ сдѣлать только такой выводъ: «взломъ былъ, но кража не было, такъ какъ бѣлье проишли сами прачки, а если кража была, то безъ взлома». Но, очевидно, онъ говорилъ именно то, что нужно, такъ какъ рѣчь его растрогала присяжныхъ и публику и очень понравилась. Когда вынесли оправдательный приговоръ, Юлія закивала головой Костѣ и потомъ крѣпко пожала ему руку.

Въ маѣ Лантевы переѣхали на дачу въ Сокольники. Въ это время Юлія была уже беременна.

XIII.

Прошло больше года. Въ Сокольникахъ, не далеко отъ полотна Ярославской дороги, сидѣли на травѣ Юлія и Ярцевъ; немного въ сторонѣ лежалъ Кочевой, подложивъ руки подъ голову, и смотрѣлъ на небо. Всѣ трое уже нагулялись и ждали, когда пройдетъ дачный шестичасовой поѣздъ, чтобъ идти домой пить чай.

— Матери видать въ своихъ дѣтяхъ что-то необыкновенное, такъ ужъ природа устроила, — говорила Юлія. —

Цѣлые часы мать стоитъ у постельки, смотритъ, какіе у ребенка ушки, глазки, носикъ, восхищается. Если кто посторонній цѣлуетъ ея ребенка, то ей, бѣдной, кажется, что это доставляетъ ему большое удовольствіе. И ни о чемъ мать не говоритъ, только о ребенкѣ. Я знаю эту слабость матерей и слѣжу за собой, но, право, моя Оля необыкновенная. Какъ она смотритъ, когда сосетъ! Какъ смѣется! Ей только восемь мѣсяцевъ, но, ей-Богу, такихъ умныхъ глазъ я не видала даже у трехлѣтнихъ.

— Скажите, между прочимъ,—спросилъ Ярцевъ:—кого вы любите больше: мужа, или ребенка?

Юлія пожалала плечами.

— Не знаю.—сказала она.—Я никогда сильно не любила мужа, и Оля—это, въ сущности, моя первая любовь. Вы знаете, я вѣдь не по любви шла за Алексѣя. Прежде я была глупа, страдала, все думала, что погубила и его, и свою жизнь, а теперь вижу, никакой любви не нужно, все вздоръ.

— Но если не любовь, то какое же чувство привязываетъ васъ къ мужу? Отчего вы живете съ нимъ?

— Не знаю... Такъ, привычка, должно-быть. Я его уважаю, мнѣ скучно, когда его долго нѣтъ, но это — не любовь. Онъ умный, честный человѣкъ, и для моего счастья этого достаточно. Онъ очень добрый, простой...

— Алеша умный, Алеша добрый, — проговорилъ Костя, лѣнливо поднимая голову: — но, милая моя, чтобы узнать, что онъ умный, добрый и интересный, нужно съ нимъ три пуда соли съѣсть... И какой толкъ въ его добротѣ, или въ его умѣ? Денегъ онъ вамъ отвалитъ сколько угодно, это онъ можетъ, но гдѣ нужно употребить характеръ, дать отпоръ наглему и нахалу, тамъ онъ конфузится и падаетъ духомъ. Такіе люди, какъ вашъ любезный Алексисъ, прекрасные люди, но для борьбы они совершенно не годны. Да и вообще ни на что не годны.

Наконецъ, показался поѣздъ. Изъ трубы валилъ и поднимался надъ рощей совершенно розовый паръ и два окна въ послѣднемъ вагонѣ вдругъ блеснули отъ солнца такъ ярко, что было больно смотрѣть.

— Чай пить!—сказала Юлія Сергѣевна, поднимаясь.

Она въ послѣднее время пополнила и походка у нея была уже дамская, немножко лѣнливая.

— А все-таки безъ любви не хорошо,—сказалъ Ярцевъ, идя за ней.—Мы все только говоримъ и читаемъ о любви, но сами мало любимъ, а это, право, не хорошо.

— Все это пустяки, Иванъ Гаврилычъ,—сказала Юлія.— Не въ этомъ счастье.

Чай пили въ садикѣ, гдѣ цвѣли резеда, левкон, табакъ и уже распускались ранніе шпалники. Ярцевъ и Кочевой по лицу Юліи Сергѣевны видѣли, что она переживаетъ счастливое время душевнаго спокойствія и равновѣсія, что ей ничего не нужно, кромѣ того, что уже есть, и у нихъ самихъ становилось на душѣ покойно, славно. Кто бы что ни сказалъ, все выходило кстати и умно. Сосны были прекрасны, пахло смолой чудесно, какъ никогда раньше, и сливки были очень вкусны, и Саша была умная, хорошая дѣвочка...

Послѣ чаю Ярцевъ пѣлъ романсы, аккомпанируя себѣ на роялѣ, а Юлія и Кочевой сидѣли молча и слушали, и только Юлія изрѣдка вставала и тихо выходила, чтобы взглянуть на ребенка и на Лиду, которая вотъ уже два дня лежала вся въ жару и ничего не ѣла.

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ»,—пѣлъ Ярцевъ:— Нѣтъ, господа, хоть зарѣжьте,—сказалъ онъ и встряхнулъ головой:—не понимаю, почему вы противъ любви! Если бы я не былъ занятъ пятнадцать часовъ въ сутки, то непременно бы влюбился.

Ужинать накрыли на террасѣ; было тепло и тихо, но Юлія куталась въ платокъ и жаловалась на сырость. Когда потемнѣло, ей почему-то стало не по себѣ, она все вздрагивала и упрашивала гостей посидѣть подольше; она угощала ихъ виномъ и послѣ ужина приказала подать коньяку, чтобы они не уходили. Ей не хотѣлось оставаться одной съ дѣтьми и прислугой.

— Мы, дачницы, затѣваемъ здѣсь спектакль для дѣтей,—сказала она.—Уже все есть у насъ—и театръ, и актеры, остановка только за пьесой. Прислали намъ десятка два разныхъ пьесъ, но ни одна не годится. Вотъ вы любите театръ и хорошо знаете исторію,—обратилась она къ Ярцеву:—напишите-ка намъ историческую пьесу.

— Что жъ, это можно.

Гости выпили весь коньякъ и собрались уходить. Былъ уже одиннадцатый часъ, а по-дачному это поздно.

— Какъ темно, зги не видать!—говорила Юлія, провожая ихъ за ворота. — И не знаю, какъ вы, господа, дойдете. Но, однако, холодно!

Она окуталась плотіе и пошла назадъ къ крыльцу.

— А мой Алексѣй, должно-быть, гдѣ-нибудь въ карты играеть!—крикнула она.— Спокойной ночи!

Послѣ свѣтлыхъ комнатъ не было ничего видно. Ярцевъ и Костя ощупью, какъ слѣпые, добрались до полотна желѣзной дороги и перешли его.

— Ни черта не видать, — сказали Костя басомъ, останавливаясь, и поглядѣвъ на небо. — А звѣзды-то, звѣзды, точно новенькіе пятиалтынные! Гаврилыч!

— А?—отозвался гдѣ-то Ярцевъ.

— Я говорю: не видать ничего. Гдѣ вы?

Ярцевъ, пошвыстывая, подошелъ къ нему и взялъ его подъ руку.

— Эй, дачники!—вдругъ закричалъ Костя во все горло.— Соціалиста поймали!

Навеселѣ онъ всегда былъ очень безпокоенъ, кричалъ, придирался къ городovýmъ и извозчикамъ, пѣлъ, неистово хохоталъ.

— Природа, чортъ бы тебя подралъ!—закричалъ онъ.

— Ну, ну, — унималъ его Ярцевъ. — Не надо этого. Прощу васъ.

Скоро пріатели освоились съ потемками и стали различать силуэты высокихъ сосенъ и телеграфныхъ столбовъ. Съ московскихъ вокзаловъ доносились изрѣдка свистки и жалобно гудѣли проволоки. Самая же роца не издавала ни звука, и въ этомъ молчаніи чувствовалось что-то гордое, сильное, таинственное, и теперь ночью казалось, что верхушки сосенъ почти касаются неба. Пріатели отыскали свою просѣку и пошли по ней. Было тутъ совсѣмъ темно, и только по длинной полосѣ неба, усѣянной звѣздами, да потому, что подъ ногами была утоптанная земля, они знали, что идутъ по аллеѣ. Шли рядомъ молча и обонимъ чудилось, будто навстрѣчу имъ идутъ какіе-то люди. Хмельное настроеніе покинуло ихъ. Ярцеву пришло въ голову, что, быть-можетъ, въ этой роцѣ носятся теперь души московскихъ царей, бояръ и патриарховъ, и хотѣлъ сказать это Костѣ, но удержался.

Когда вышли къ заставѣ, на небѣ чуть брезжило. Про-

долгая молчать, Ярцевъ и Кочевой шли по мостовой мимо дешевыхъ дачъ, трактировъ, лѣсныхъ складовъ; подъ мостомъ соединительной вѣтви ихъ прохватила сырость, пріятная, съ запахомъ липы, и потомъ открылась широкая длинная улица и на ней ни души, ни огня... Когда дошли до Краснаго пруда, уже свѣтало.

— Москва — это городъ, которому придется еще много страдать, — сказалъ Ярцевъ, глядя на Алексѣевскій монастырь.

— Что это вамъ пришло въ голову?

— Такъ. Люблю я Москву.

И Ярцевъ, и Костя родились въ Москвѣ и обожали ее, и относились почему-то враждебно къ другимъ городамъ; они были убѣждены, что Москва — замѣчательный городъ, а Россія — замѣчательная страна. Въ Крыму, на Кавказѣ и за границей имъ было скучно, неудобно, и свою сѣренькую московскую погоду они находили самой пріятной и здоровой. Дни, когда въ окна стучитъ холодный дождь и рано наступают сумерки, и стѣны домовъ и церквей принимаютъ бурый, печальный цвѣтъ, и когда, выходя на улицу, не знаешь, что надѣть, — такіе дни пріятно возбуждали ихъ.

Наконецъ, около вокзала они наняли извозчика.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы написать историческую пьесу, — сказалъ Ярцевъ: — но, знаете, безъ Ляпуновыхъ и безъ Годуновыхъ, а изъ временъ Ярослава или Мономаха... Я ненавижу русскія историческія пьесы всѣ, кромѣ монолога Пимена. Когда имѣешь дѣло съ какимъ-нибудь историческимъ источникомъ и когда читаешь даже учебникъ русской исторіи, то кажется, что въ Россіи все необыкновенно талантливо, даровито и интересно. но когда я смотрю въ театрѣ историческую пьесу, то русская жизнь начинается казаться мнѣ бездарной, нездоровой, не оригинальной.

Около Дмитровки пріятель разстался и Ярцевъ поѣхалъ дальше къ себѣ на Никитскую. Онъ дремалъ, покачивался и все думалъ о пьесѣ. Вдругъ онъ вообразилъ страшный шумъ, лязганье, крики на какомъ-то непонятномъ, точно бы калмыцкомъ языкѣ; и какая-то деревня, вся охваченная пламенемъ, и сосѣдніе лѣса, покрытые инеемъ и пѣжно-розовые отъ пожара, видны далеко кругомъ и такъ ясно, что

можно различить каждую елочку; какіе-то дикіе люди, конные и ибшіе, носятся по деревнѣ. ихъ лошади и они сами такъ же багровы, какъ зарево на небѣ.

«Это половцы»,—думаетъ Ярцевъ.

Одинъ изъ нихъ—старый, страшный, съ окровавленнымъ лицомъ, весь обожженный—привязываетъ къ сѣдлу молодую дѣвушку съ бѣлымъ русскимъ лицомъ. Старикъ о чемъ-то неистово кричитъ, а дѣвушка смотритъ печально, умно... Ярцевъ встряхнулъ головой и проснулся.

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ»...—запѣлъ онъ.

Расплачиваясь съ извозчикомъ и потомъ поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ, онъ все никакъ не могъ очнуться, и видѣлъ, какъ пламя перешло на деревья, затрещало и задымилъ лѣсъ; громадный дикій кабанъ, обезумѣвшій отъ ужаса, несся по деревнѣ... А дѣвушка, привязанная къ сѣдлу, все смотрѣла.

Когда онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, то было уже свѣтло. На роялѣ около раскрытыхъ нотъ догорали двѣ свѣчи. На диванѣ лежала Разсудила въ черномъ платьѣ, въ кушакѣ, съ газетой въ рукахъ и крѣпко спала. Должно-быть, играла долго, ожидая, когда вернется Ярцевъ, и, не дождавшись, уснула.

«Эка, умаялась!»—подумалъ онъ.

Осторожно вынулъ у нея изъ рукъ газету, онъ укрылъ ее пледомъ, потушилъ свѣчи и пошелъ къ себѣ въ спальню. Ложась, онъ думалъ объ исторической пьесѣ и изъ головы у него все не выходилъ мотивъ: «Мой другъ, мой нѣжный другъ»...

Черезъ два дня заѣзжалъ къ нему на минутку Лаптевъ сказать, что Лида заболѣла дифтеритомъ и что отъ нея заразились Юлія Сергѣевна и ребенокъ, а еще черезъ пять дней пришло извѣстіе, что Лида и Юлія выздоравливаютъ, а ребенокъ умеръ, и что Лаптевы бѣжали изъ своей сокольницкой дачи въ городъ.

XIV.

Лаптеву было уже неприятно оставаться подолгу дома. Жена его часто уходила во флигель, говоря, что ей нужно заняться съ дѣвочками, но онъ зналъ, что она ходитъ туда не заниматься, а плакать у Кости. Былъ девятый день, потомъ двадцатый, потомъ сороковой, и все нужно

было ѣздить на Алексѣевское кладбище слушать панихиду и потому томиться цѣлыя сутки, думать только объ этомъ несчастномъ ребенкѣ и говорить женѣ въ утѣшеніе разныя пошлости. Онъ уже рѣдко бывалъ въ амбарѣ и занимался только благотворительностью, придумывая для себя разныя заботы и хлопоты, и бывалъ радъ, когда случалось изъ-за какого-нибудь пустяка проѣздить цѣлый день. Въ послѣднее время онъ собирался ѣхать за границу, чтобы познакомиться тамъ съ устройствомъ ночлежныхъ пріемовъ, и эта мысль теперь развлекала его.

Быль осенній день. Юлія только-что пошла во флигель плакать, а Мантевъ лежалъ въ кабинетѣ на диванѣ и придумывалъ, куда бы уйти. Какъ разъ въ это время Петръ доложилъ, что пришла Разсудина. Мантевъ обрадовался очень, вскочилъ и пошелъ навстрѣчу неожиданной гостьѣ, своей бывшей подругѣ, о которой онъ уже почти сталъ забывать. Съ того вечера, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она нисколько не измѣнилась и была все такая же.

— Полина!—сказалъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки.— Сколько зимъ, сколько лѣтъ! Если бы вы знали, какъ я радъ васъ видѣть! Милости просимъ!

Разсудина, здороваясь, рванула его за руку и, не снимая пальто и шляпы, вошла въ кабинетъ и сѣла.

— Я къ вамъ на одну минуту,—сказала она.— О пустякахъ мнѣ разговаривать некогда. Извольте сѣсть и слушать. Рады вы меня видѣть или не рады, для меня рѣшительно все равно, такъ какъ милостивое вниманіе ко мнѣ господъ мужчинъ я не ставлю ни въ грѣхъ. Если же я пришла къ вамъ, то потому, что была сегодня уже въ пяти мѣстахъ и вездѣ получила отказъ, между тѣмъ дѣло неотложное. Слушайте,—продолжала она, глядя ему въ глаза:— пять знакомыхъ студентовъ, люди ограниченные и безтолковые, но несомнѣнно бѣдные, не внесли платы и ихъ теперь исключаютъ. Ваше богатство налагаетъ на васъ обязанность поѣхать сейчасъ же въ университетъ и заплатить за нихъ.

— Съ удовольствіемъ, Полина.

— Вотъ вамъ ихъ фамиліи,—сказала Разсудина, подавая Мантеву записку.— Поѣзжайте сію же минуту, а наслаждаться семейнымъ счастьемъ успеете послѣ.

Въ это время за дверью, ведущею въ гостиную, послы-

шался какой-то шорохъ: должно - быть, чесалась собака. Разсудина покраснѣла и вскочила.

— Ваша дульцинея настъ подслушиваетъ!— сказала она.— Это гадко!

Лаптеву стало обидно за Юлію.

— Ея здѣсь нѣтъ, она во флигелѣ,—сказалъ онъ.— И не говорите о ней такъ. У настъ умеръ ребенокъ, и она теперь въ ужасномъ горѣ.

— Можете успокоить ее,—усмѣхнулась Разсудина, опять садясь:— будетъ еще цѣлый десятокъ. Чтобы рожать дѣтей, кому ума не доставало?

Лаптевъ вспомнилъ, что это самое или нѣчто подобное онъ слышалъ уже много разъ когда-то давно, и на него пахнуло поэзіей минувшаго, свободой одинокой, холостой жизни, когда ему казалось, что онъ молодъ и можетъ все, что захочетъ, и когда не было любви къ женѣ и воспоминаній о ребенкѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ,—сказалъ онъ, потягиваясь.

Когда пріѣхали въ университетъ, Разсудина осталась ждать у воротъ, а Лаптевъ пошелъ въ канцелярію; немного погодя онъ вернулся и вручилъ Разсудиноѣ пять квитанцій.

— Вы теперь куда?—спросилъ онъ.

— Къ Ярцеву.

— И я съ вами.

— Но вѣдь вы будете мѣшать ему работать.

— Нѣтъ, увѣряю васъ!—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на нее умоляюще.

На ней была черная, точно траурная шляпка съ креповою отдѣлкой и очень короткое пошоенное пальто, въ которомъ оттопырились карманы. Носъ у нея казался длиннѣе, чѣмъ былъ раньше, и на лицѣ не было ни кровинки, несмотря на холодъ. Лаптеву было пріятно идти за ней, повиноваться ей и слушать ея ворчаніе. Онъ шелъ и думалъ про нее: какова, должно-быть, внутренняя сила у этой женщины, если, будучи такою некрасивой, угловатой, сѣзюкойной, не умѣя одѣться порядочно, всегда неряшливо причесанная и всегда какаля-то нескладная, она все-таки обаятельна.

Къ Ярцеву прошли они чернымъ ходомъ, черезъ кухню, гдѣ встрѣтила ихъ кухарка, чистенькая старушка съ сѣдыми кудрями; она очень сконфузилась, сладко улыбнулась,

причемъ ея маленькое лицо стало похоже на пирожное, и сказала:

— Пожалуйте-съ.

Ярцева дома не было, Разсудина съѣла за рояль и принялась за скучные, трудные экзерцисы, приказавъ Лаптеву не мѣшать ей. Но онъ не развлекалъ ее разговорами, а сидѣлъ въ сторонѣ и перелистывалъ «Вѣстникъ Европы». Пройгравъ два часа,—это была ея дневная порція,—она поѣла чего-то въ кухнѣ и ушла на уроки. Лаптевъ прочелъ продолженіе какого-то романа, потомъ долго сидѣлъ, не читая и не испытывая скуки и довольный, что уже опоздалъ домой къ обѣду.

— Га-га-га!—ислышался смѣхъ Ярцева, и вошелъ онъ самъ, здоровый, бодрый, краснощекій, въ новенькомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами,—га-га-га!

Пріятели пообедали вмѣстѣ. Потомъ Лаптевъ легъ на диванъ, а Ярцевъ съѣлъ около и закурилъ сигару. Наступил сумерки.

— Я, должно-быть, начинаю старѣть,—сказалъ Лаптевъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ умерла сестра Нина, я почему-то сталъ часто подумывать о смерти.

Заговорили о смерти, о безсмертіи души, о томъ, что хорошо бы въ самомъ дѣлѣ воскреснуть и потомъ полетѣть куда-нибудь на Марсъ, быть вѣчно празднымъ и счастливымъ, а, главное, мыслить какъ-нибудь особенно, не по земному.

— А не хочется умирать,—тихо сказалъ Ярцевъ.— Никакая философія не можетъ помирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто какъ на погибель. Жить хочется.

— Вы любите жизнь, Гаврилычъ?

— Да, люблю.

— А вотъ я никакъ не могу понять себя въ этомъ отношеніи. У меня то мрачное настроеніе, то безразличное. Я робокъ, не увѣренъ въ себѣ, у меня трусливая совѣсть, я никакъ не могу приспособиться къ жизни, стать ея господиномъ. Иной говоритъ глупости или плутуетъ, и такъ жизнерадостно, я же, случается, сознательно дѣлаю добро и испытываю при этомъ только безпокойство или полнѣйшее равнодушіе. Все это, Гаврилычъ, объясняю я тѣмъ, что я рабъ, внукъ крѣпостного. Прежде тѣмъ мы, чумазые, вы-

бьемся на настоящую дорогу, много нашего брата ляжет костью!

— Все это хорошо, голубчикъ,—сказалъ Ярцевъ и вздохнулъ.—Это только показывается лишній разъ, какъ богата, разнообразная русская жизнь. Ахъ, какъ богата! Знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, самому участвовать. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но, по-моему, подрастаетъ теперь замѣчательное поколѣние. Когда я занимаюсь съ дѣтьми, особенно съ дѣвочками, то испытываю наслажденіе. Чудесныя дѣти!

Ярцевъ подошелъ къ роялю и взялъ аккордъ.

— Я химикъ, мысля химически и умру химикомъ,— продолжалъ онъ.— Но я жадею, я боюсь, что умру не насытившись; и мнѣ мало одной химіи, я хватаюсь за русскую исторію, исторію искусствъ, педагогію, музыку... Какъ-то лѣтомъ ваша жена сказала, чтобы я написалъ историческую пьесу, и теперь мнѣ хочется писать, писать; такъ бы, кажется, просидѣлъ трое сутокъ, не вставая, и все писалъ бы. Образы истомили меня, въ головѣ тѣснота, и я чувствую, какъ въ мозгу моемъ бьется пульсъ. Я вовсе не хочу, чтобы изъ меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ великое, а мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать... Жизнь, голубчикъ, коротка и надо прожить ее получше.

Послѣ этой дружеской бесѣды, которая кончилась только въ полночь, Лаптевъ сталъ бывать у Ярцева почти каждый день. Его тянуло къ нему. Обыкновенно онъ приходилъ передъ вечеромъ, ложился и ждалъ его прихода терпѣливо, не ощущая ни малѣйшей скуки. Ярцевъ, вернувшись со службы и пообедавъ, садился за работу, но Лаптевъ задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, начинался разговоръ, было ужъ не до работы, а въ полночь пріятели разставались, очень довольные другъ другомъ.

Но это продолжалось не долго. Какъ-то пріядъ къ Ярцеву, Лаптевъ засталъ у него одну Разсудину, которая сидѣла за роялемъ и играла свои экзерцисы. Она посмотрѣла на него холодно, почти враждебно, и спросила, не подавая ему руки:

— Скажите, пожалуйста, когда этому будетъ конецъ?

— Чему этому?—спросилъ Лаптевъ, не понимая.

— Вы ходите сюда каждый день и мѣшаете Ярцеву работать. Ярцевъ не купчишка, а ученый, каждая минута его жизни драгоценна. Надо же понимать и имѣть хотя немножко деликатности!

— Если вы находите, что я мѣшаю,—сказаль Лаптевъ кротко, смутившись:— то я прекращу свои посѣщенія.

— И прекрасно. Уходите же, а то онъ можетъ сейчасъ придти и застать васъ здѣсь.

Тонъ, какимъ это было сказано, и равнодушные глаза Разсудиной окончательно смутили его. У нея уже не было никакихъ чувствъ къ нему, кромѣ желанія, чтобы онъ поскорѣе ушелъ, — и какъ это не было похоже на прежнюю любовь! Онъ вышелъ, не пожавъ ей руки, и казалось ему, что она окликнетъ его и позоветъ назадъ, но послышались опять гаммы, и онъ, медленно спускаясь по лѣстницѣ, понималъ, что онъ уже чужой для нея.

Дня черезъ три пришелъ къ нему Ярцевъ, чтобы вмѣстѣ провести вечеръ.

— А у меня новость,—сказаль онъ и засмѣялся.—Полина Николаевна перебралась ко мнѣ совсѣмъ. — Онъ немножко смутился и продолжалъ вполголоса:—Что жъ? Конечно, мы не влюблены другъ въ друга, но, я думаю, это... это все равно. Я радъ, что могу дать ей пріютъ и покой и возможность не работать въ случаѣ, если она заболѣетъ, ей же кажется, что оттого, что она сошлась со мной, въ моей жизни будетъ больше порядка и что подъ ея вліяніемъ я сдѣлаюсь великимъ ученымъ. Такъ она думаетъ. И пускай себѣ думаетъ. У южанъ есть поговорка: дурень думкой богачѣетъ. Га-га-га!

Лаптевъ молчалъ. Ярцевъ прошелся по кабинету, посмотрѣлъ на картины, которыя онъ уже видѣлъ много разъ раньше, и сказаль, вздыхая:

— Да, другъ мой. Я старше васъ на три года и мнѣ уже поздно думать о настоящей любви и, въ сущности, такая женщина, какъ Полина Николаевна, для меня находка и, конечно, я проживу съ ней благополучно до самой старости, но, чертъ его знаетъ, все чего-то жалко, все чего-то хочется и все кажется мнѣ, будто я лежу въ долині Дагестана и снится мнѣ балъ. Однимъ словомъ, никогда человекъ не бываетъ доволенъ тѣмъ, что у него есть.

Онъ пошелъ въ гостиную и, какъ ни въ чемъ не бывало,

пѣть романсы. а Лаптевъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, закрывши глаза, старался понять, почему Разсудина сошлась съ Ярцевымъ. А потомъ онъ все грустилъ, что нѣтъ прочныхъ, постоянныхъ привязанностей, и ему было досадно, что Полина Николаевна сошлась съ Ярцевымъ, и досадно на себя, что чувство его къ женѣ было уже совсѣмъ не то, что раньше.

XV.

Лаптевъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ, покачиваясь; Юлія была тутъ же въ кабинетѣ и тоже читала. Казалось, говорить было не о чемъ и оба съ утра молчали. Изрѣдка онъ посматривалъ на нее черезъ книгу и думалъ: женишься по страстной любви или совсѣмъ безъ любви,—не все ли равно? И то время, когда онъ ревновалъ, волновался, страдалъ, представлялось ему теперь далекимъ. Онъ успѣлъ уже побывать за границей, и теперь отдыхалъ отъ поѣздки и рассчитывалъ съ наступленіемъ весны опять поѣхать въ Англію, гдѣ ему очень понравилось.

А Юлія Сергѣевна привыкла къ своему горю, уже не ходила во флгель плакать. Въ эту зиму она уже не ѣздила по магазинамъ, не бывала въ театрахъ и на концертахъ, а оставалась дома. Она не любила большихъ комнатъ, и всегда была или въ кабинетѣ мужа, или у себя въ комнатѣ, гдѣ у нея были кіоты, полученные въ приданое, и висѣлъ на стѣнѣ тотъ самый пейзажъ, который такъ понравился ей на выставкѣ. Денегъ на себя она почти не тратила и проживала теперь такъ же мало, какъ когда-то въ домѣ отца.

Зима протекала не весело. Воздѣ въ Москвѣ играли въ карты, но если вмѣсто этого придумывали какое-нибудь другое развлеченіе, напримѣръ, пѣли, читали, рисовали, то выходило еще скучнѣе. И оттого, что въ Москвѣ было мало талантливыхъ людей и на всѣхъ вечерахъ участвовали все одни и тѣ же пѣвицы и чтецы, само наслажденіе искусствомъ мало-по-малу пріѣлось и превратилось для многихъ въ скучную, однообразную обязанность.

Къ тому же, у Лаптевыхъ не проходило ни одного дня безъ огорченій. Старикъ Федоръ Степанычъ видѣлъ очень плохо и уже не бывалъ въ амбарѣ, и глазные врачи говорили, что онъ скоро ослѣпнетъ; Федоръ тоже почему-то

пересталъ бывать въ амбарѣ, а сидѣлъ все время дома и что-то писалъ. Панауровъ получилъ переводъ въ другой городъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и теперь жилъ въ «Дрезденѣ» и почти каждый день пріѣзжалъ къ Лаптеву просить денегъ. Кишъ, наконецъ, вышелъ изъ университета и, въ ожиданіи, пока Лаптевы найдутъ ему какую-нибудь должность, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ, рассказывая длинныя, скучныя исторіи. Все это раздражало и утомляло, и дѣлало будничную жизнь неприятной.

Вошелъ въ кабинетъ Петръ и доложилъ, что пришла какая-то незнакомая дама. На карточкѣ, которую онъ подалъ, было: «Жозефина Иосифовна Миланъ».

Юлія Сергѣевна лѣниво поднялась и вышла, слегка прихрамывая, такъ какъ отсидѣла ногу. Въ дверяхъ показалась дама, худая, очень блѣдная, съ темными бровями, одѣтая во все черное. Она сжала на груди руки и проговорила съ мольбой:

— Мосѣ Лаптевъ, спасите моихъ дѣтей!

Звонъ браслетовъ и лицо съ пятнами пудры Лаптеву уже были знакомы; онъ узналъ ту самую даму, у которой какъ-то передъ свадьбой ему пришлось такъ некстати побѣдять. Это была вторая жена Панаурова.

— Спасите моихъ дѣтей!—повторила она, и лицо ея задрожало и стало вдругъ старымъ и жалкимъ, и глаза покраснѣли.—Только вы одинъ можете спасти насъ, и я пріѣхала къ вамъ въ Москву на послѣднія деньги! Дѣти мои умрутъ съ голоду!

Она сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла стать на колѣни. Лаптевъ испугался и схватилъ ее за руки повыше локтей.

— Садитесь, садитесь...—бормоталъ онъ, усаживая ее.— Прощу васъ, садитесь.

— У насъ теперь нѣтъ денегъ, чтобы купить себѣ хлѣба, — сказала она. — Григорій Николаичъ уѣзжаетъ на новую должность, но меня съ дѣтьми не хочетъ брать съ собой, и тѣ деньги, которые вы, великодушный человѣкъ, присылали намъ, тратитъ только на себя. Что же намъ дѣлать? Что? Бѣдныя, несчастныя дѣти!

— Успокойтесь, прошу васъ. Я прикажу въ конторѣ, чтобы эти деньги высылали на ваше имя.

Она зарыдала, потомъ успокоилась, и онъ замѣтилъ, что отъ слезъ у нея по напудреннымъ щекамъ прошли дорожки и что у нея растутъ усы.

— Вы великодушны безъ конца, мосѣ Лаптевъ. Будьте нашимъ ангеломъ, нашею доброю феей, уговорите Григорія Николаича, чтобы онъ не покидалъ меня, а взялъ съ собой. Вѣдь я его люблю, люблю безумно, онъ моя отрада.

Лаптевъ далъ ей сто рублей и пообѣщавъ поговорить съ Панауровымъ, и, провожая до передней, все боялся, какъ бы она не зарыдала или не стала на колѣни.

Послѣ нея пришелъ Кишъ. Потомъ пришелъ Костя съ фотографическимъ аппаратомъ. Въ послѣднее время онъ увлекался фотографіей и каждый день по нѣскольку разъ снималъ всѣхъ въ домѣ, и это новое занятіе приносило ему много огорченій, и онъ даже похудѣлъ.

Передъ вечернимъ чаемъ пришелъ Ѳеодоръ. Сѣвши въ кабинетѣ въ уголь, онъ раскрылъ книгу и долго смотрѣлъ все въ одну страницу, повидимому, не читая. Потомъ долго пилъ чай; лицо у него было красное. Въ его присутствіи Лаптевъ чувствовалъ на душѣ тяжесть; даже молчаніе его было ему непріятно.

— Можешь поздравить Россію съ новымъ публицистомъ, — сказалъ Ѳеодоръ. — Впрочемъ, шутки въ сторону, разрѣшился, братъ, я одною статеечкой, проба пера, такъ сказать, и принесть тебѣ показать. Прочти, голубчикъ, и скажи свое мнѣніе. Только искренно.

Онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и подалъ ее брату. Статья называлась такъ: «Русская душа»; написана она была скучно, безцвѣтнымъ слогомъ, какимъ пишутъ обыкновенно неталантливые, втайнѣ самолюбивые люди, и главная мысль ея была такая: интеллигентный человѣкъ имѣетъ право не вѣрить въ сверхъестественное, но онъ обязанъ скрывать это свое невѣріе, чтобы не производить соблазна и не колебать въ людяхъ вѣры; безъ вѣры нѣтъ идеализма, а идеализму предопредѣлено спасти Европу и указать человечеству настоящій путь.

— Но тутъ ты не пишешь, отъ чего надо спасать Европу, — сказалъ Лаптевъ.

— Это понятно само собой.

— Ничего не понятно, — сказалъ Лаптевъ и прошелся въ

волненіи.— Не понятно, для чего это ты написалъ. Впрочемъ, это твое дѣло.

— Хочу издать отдѣльною брошюрой.

— Это твое дѣло.

Помолчали минуту. Федоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Глубоко, безконечно жаль, что мы съ тобой разны мыслимъ. Ахъ, Алеша, Алеша, братъ мой милый! Мы съ тобою люди русскіе, православные, широкіе люди; къ лицу ли намъ всѣ эти нѣмецкія и жидовскія идеишки? Вѣдь мы съ тобой не прохвосты какіе-нибудь, а представители именитаго купеческаго рода.

— Какой тамъ именитый родъ?—проговорилъ Лаптевъ, сдерживая раздраженіе. — Именитый родъ! Дѣда нашего помѣщики драли и каждый послѣдній чиновничиска билъ его въ морду. Отца дралъ дѣдъ, меня и тебя дралъ отецъ. Что намъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ,—вѣдь, это холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идіотами, скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, городовыхъ, жандармовъ, я всѣхъ боюсь, потому что я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забить и запуганъ!.. Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей. О, если бы далъ Богъ, нами кончился бы этотъ именитый купеческій родъ!

Въ кабинетъ вошла Юлія Сергѣевна и сѣла у стола.

— Вы о чемъ-то тутъ спорили? — сказала она. — Я не помѣшала?

— Нѣтъ, сестреночка,—отвѣтилъ Федоръ:—разговоръ у насъ принципиальный. Вотъ ты говоришь: такой-сякой родъ, — обратился онъ къ брату: — однакоже, этотъ родъ создалъ милліонное дѣло. Это чего-нибудь да стоить!

— Велика важность — милліонное дѣло! Человѣкъ безъ особеннаго ума, безъ способностей случайно становится торговцомъ, потомъ богачомъ, торгуетъ изо дня въ день, безъ всякой системы, безъ цѣли, не имѣя даже жадности къ деньгамъ, торгуетъ машинально, и деньги сами идутъ къ

нему, а не онъ къ нимъ. Онъ всю жизнь сидитъ у дѣла и любить его потому только, что можетъ начальствовать надъ приказчиками, надѣваться надъ покупателями. Онъ старостой въ церкви потому, что тамъ можно начальствовать надъ пѣвчими и гнуть ихъ въ дугу; онъ почтенитель школы потому, что ему нравится сознавать, что учитель—его подчиненный и что онъ можетъ разыгрывать передъ нимъ начальство. Купецъ любить не торговать, а начальствовать, и вашъ амбаръ не торговое учрежденіе, а застѣнокъ! Да, для такой торговли какъ ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготовляете себѣ такихъ, заставляя ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства вы приучаете ихъ къ мысли, что вы—ихъ благодѣтели. Небось вотъ университетскаго чловѣка ты въ амбаръ къ себѣ не возьмешь!

— Университетскіе люди для нашего дѣла не годятся.

— Неправда!—крикнулъ Лаптевъ.—Ложь!

— Извини, мнѣ кажется, ты плюешь въ колодець, изъ котораго пьешь,—сказалъ Федоръ и всталъ.—Наше дѣло тебѣ ненавистно, однакоже, ты пользуешься его доходами.

— Ага, договорились!—сказалъ Лаптевъ и засмѣялся, сердито глядя на брата.—Да, не принадлежи я къ вашему именитому роду, будь у меня хоть на грошъ воли и смѣлости, я давно бы швырнулъ отъ себя эти доходы и пошелъ бы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вы въ своемъ амбарѣ съ дѣтства обезличили меня! Я вашъ!

Федоръ взглянулъ на часы и сталъ торопливо прощаться. Онъ поцѣловалъ руку у Юліи и вышелъ, но, вмѣсто того, чтобы идти въ переднюю, прошелъ въ гостиную, потомъ въ спальню.

— Я забылъ расположеніе комнатъ,—сказалъ онъ въ сильномъ замѣшательствѣ.—Странный домъ. Не правда ли, странный домъ?

Когда онъ надѣвалъ шубу, то былъ будто ошеломленъ, и лицо его выражало боль. Лаптевъ уже не чувствовалъ гнѣва: онъ испугался и въ то же время ему стало жаль Федора, и та теплая, хорошая любовь къ брату, которая, казалось, погасла въ немъ въ эти три года, теперь проснулась въ его груди, и онъ почувствовалъ сильное желаніе выразить эту любовь.

— Ты, Федя, приходи завтра къ намъ обѣдать, — сказалъ онъ и погладилъ его по плечу. — Придешь?

— Да, да. Но дайте мнѣ воды.

Лаптевъ самъ побѣжалъ въ столовую, взявъ въ буфетѣ, что первое попалось ему подъ руки, — это была высокая пивная кружка, — налилъ воды и принесъ брату. Федоръ сталъ жадно пить, но вдругъ укусилъ кружку, послышался скрежесть, потомъ рыданіе. Вода полилась на шубу, на сюртукъ. И Лаптевъ, никогда раньше не видавшій плачущихъ мужчинъ, въ смущеніи и испугѣ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Онъ растерянно смотрѣлъ, какъ Юлія и горничная сняли съ Федора шубу и повели его обратно въ комнаты, и самъ пошелъ за ними, чувствуя себя виноватымъ.

Юлія уложила Федора и опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Это ничего, — утѣшала она. — Это у васъ нервы...

— Голубушка, мнѣ такъ тяжело! — говорилъ онъ. — Я несчастливъ, несчастливъ... но все время я скрывалъ, скрывать!

Онъ обнялъ ее за шею и прошепталъ ей на ухо:

— Я каждую ночь вижу сестру Нину. Она приходитъ и садится въ кресло возлѣ моей постели...

Когда часъ спустя, онъ опять надѣвалъ въ передней шубу, то уже улыбался и ему было совѣтно горничной. Лаптевъ поѣхалъ проводить его на Пятницкую.

— Ты пріѣзжай къ намъ завтра обѣдать, — говорилъ онъ дорогой, держа его подъ руку: — а на Пасху поѣдемъ вмѣстѣ за границу. Тебѣ необходимо провѣтриться, а то ты совсемъ закисъ.

— Да, да. Я поѣду, я поѣду... И сестреночку съ собой возьмемъ.

Вернувшись домой, Лаптевъ засталъ жену въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Происшествіе съ Федоромъ потрясло ее, и она никакъ не могла успокоиться. Она не плакала, но была очень блѣдна и металась въ постели и цѣпко хваталась холодными пальцами за одѣяло, за подушку, за руки мужа. Глаза у нея были большіе, испуганные.

— Не уходи отъ меня, не уходи, — говорила она мужу. — Скажи, Алеша, отчего я перестала Богу молиться? Гдѣ моя вѣра? Ахъ, зачѣмъ вы при мнѣ говорили о религіи? Вы смугили меня, ты и твои друзья. Я уже не молюсь.

Онъ клалъ ей на лобъ компрессы, согрѣвалъ ей руки, поилъ ее чаемъ, а она жалась къ нему въ страхъ...

Къ утру она утомилась и уснула, а Лаштевъ сидѣлъ возлѣ и держалъ ее за руку. Такъ ему и не удалось уснуть. Цѣлый день потомъ онъ чувствовалъ себя разбитымъ, тупымъ, ни о чемъ не думалъ и вяло бродилъ по комнатамъ.

XVI.

Доктора сказали, что у Федора душевная болѣзнь. Лаштевъ не зналъ, что дѣлается на Пятницкой, а темный амбаръ, въ которомъ уже не показывались ни старикъ, ни Федоръ, производилъ на него впечатлѣннѣе склепа. Когда жена говорила ему, что ему необходимо каждый день бывать и въ амбарѣ, и на Пятницкой, онъ или молчалъ, или же начиналъ съ раздраженіемъ говорить о своемъ дѣтствѣ, о томъ, что онъ не въ силахъ простить отцу своего прошлаго, что Пятницкая и амбаръ ему ненавистны и проч.

Въ одно изъ воскресеній, утромъ, Юлія сама поѣхала на Пятницкую. Она застала старика Федора Степаныча въ той самой залѣ, въ которой когда-то, по случаю ея пріѣзда, служили молебнѣ. Онъ въ своемъ парусинковомъ пиджакѣ, безъ галстука, въ туфляхъ, сидѣлъ неподвижно въ креслѣ и моргалъ слѣзыми глазами.

— Это я, ваша невѣстка, — сказала она, подходя къ нему. — Я пріѣхала провѣдать васъ.

Онъ сталъ тяжело дышать отъ волненія. Она, тронутая его несчастьемъ, его одиночествомъ, поцѣловала ему руку, а онъ оцуналъ ея лицо и голову и, какъ бы удивившись, что это она, перекрестилъ ее.

— Спасибо, спасибо, — сказалъ онъ. — А я вотъ глаза потерялъ и ничего не вижу... Окно чуть-чуть вижу и огонь тоже, а людей и предметы не замѣчаю. Да, я слѣзну, Федоръ заболѣлъ, и безъ хозяйскаго глаза теперь плохо. Если случится какой безпорядокъ, то взыскать некому; избалуется народъ. А отчего это Федоръ заболѣлъ? Отъ простуды, что ли? А я вотъ никогда не хворалъ и никогда не лѣчился. Никакихъ я докторовъ не зналъ.

И старикъ, по обыкновенію, сталъ хвастать. Между тѣмъ, прислуга торопливо накрывала въ залѣ на столъ и ставила закуски и бутылки съ винами. Было поставлено бутылокъ десять и одна изъ нихъ имѣла видъ Эйфелевой башни.

Подали полное блюдо горячихъ пирошковъ, отъ которыхъ пахло варенымъ рисомъ и рыбой.

— Просту дорогую гостью закусить,— сказалъ старикъ.

Она взяла его подъ руку и подвела къ столу, и налила ему водку.

— Я къ вамъ и завтра приѣду,— сказала она:— и привезу съ собой вашихъ внучекъ, Сашу и Лиду. Онѣ будутъ жалѣть и ласкать васъ.

— Не нужно, не привозите. Онѣ незаконныя.

— Почему же незаконныя? Вѣдь отецъ и мать ихъ были крѣпичаны.

— Безъ моего позволенія. Я не благословлялъ ихъ и знать не хочу. Богъ съ ними.

— Странно вы говорите, Ѳеодоръ Степанычъ, — сказала Юлія и вздохнула.

— Въ евангеліи сказано: дѣти должны уважать и бояться своихъ родителей.

— Ничего подобнаго. Въ евангеліи сказано, что мы должны прощать даже врагамъ своимъ.

— Въ нашемъ дѣлѣ нельзя прощать. Если будешь всѣхъ прощать, то черезъ три года въ трубу вылетитъ.

— Но простить, сказать ласковое, привѣтливое слово человѣку, даже виноватому, — это выше дѣла, выше богатства!

Юлія хотѣлось смягчить старика, внушить ему чувство жалости, пробудить въ немъ раскаяніе, но все, что она говорила, онъ выслушивалъ только снисходительно, какъ взрослые слушаютъ дѣтей.

— Ѳеодоръ Степанычъ, — сказала Юлія рѣшительно: — ты уже стары и скоро Богъ призоветъ васъ къ Себѣ; Онъ спроситъ васъ не о томъ, какъ вы торговали и хорошо ли шли ваши дѣла, а о томъ, были ли вы милостивы къ людямъ; не были ли вы суровы къ тѣмъ, кто слабѣе васъ, напримѣръ, къ прислугѣ, къ приказчикамъ?

— Для своихъ служащихъ я былъ всегда благодѣтель, и они должны за меня вѣчно Бога молить, — сказалъ старикъ съ убѣжденіемъ; но тронутый искреннимъ тономъ Юліи и желая доставить ей удовольствіе, онъ сказалъ: — Хорошо, привозите завтра внучатъ. Я велю имъ подарочковъ купить.

Старикъ былъ неаккуратно одѣтъ, и на груди и на ко-

лѣняхъ у него былъ сигарный пепель; повидимому, никто не чистилъ ему ни сапогъ, ни платья. Рись въ пирожкахъ былъ недоваренъ, отъ скатерти пахло мыломъ, прислуга громко стучала ногами. И старикъ, и весь этотъ домъ на Пятницкой имѣли заброшенный видъ, и Юлія, которая это чувствовала, стало стыдно за себя и за мужа.

— Я къ вамъ непремѣнно приѣду завтра,—сказала она.

Она прошлась по комнатамъ и приказала убрать въ спальнѣ старика и зажечь у него лампадку. Федоръ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и смотрѣлъ въ раскрытую книгу, не читая; Юлія поговорила съ нимъ и у него тоже велѣла убрать, потомъ пошла внизъ къ приказчикамъ. Среди комнаты, гдѣ обѣдали приказчики, стояла деревянная некрашенная колонна, подпиравшая потолокъ, чтобы онъ не обрушился; потолоки здѣсь были низкіе, стѣны оклеены дешевыми обоями, было угарно и пахло кухней. По случаю праздника, всѣ приказчики были дома и сидѣли у себя на кроватяхъ въ ожиданіи обѣда. Когда вошла Юлія, они вскочили съ мѣстъ и на ея вопросы отвѣчали робко, глядя на нее исподлобья, какъ арестанты.

— Господи, какое у васъ дурное помѣщеніе! — сказала она, всплескивая руками.—И вамъ здѣсь не тѣсно?

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—сказалъ Макѣичевъ.— Много вами довольны и возносимъ наши молитвы милосердному Богу.

— Соотвѣтствіе жизни по амбиціи личности, — сказалъ Початкинъ.

И, замѣтивъ, что Юлія не поняла Початкина, Макѣичевъ поспѣшилъ пояснить:

— Мы маленькіе люди и должны жить соотвѣтственно званію.

Она осмотрѣла помѣщеніе для мальчиковъ и кухню, познакомилась съ экономкой и осталась очень недовольна.

Вернувшись домой, она сказала мужу:

— Мы должны какъ можно скорѣе перебраться на Пятницкую и жить тамъ. И ты каждый день будешь ѣздить въ амбаръ.

Потомъ оба сидѣли въ кабинетѣ рядомъ и молчали. У него было тяжело на душѣ и не хотѣлось ему ни на Пятницкую, ни въ амбаръ, но онъ угадывалъ, о чемъ думаетъ

жена, и былъ не въ силахъ противорѣчить ей. Онъ погладилъ ее по щекамъ и сказалъ:

— У меня такое чувство, какъ будто жизнь наша уже кончилась, а начинается теперь для насъ сѣрая полужизнь. Когда я узналъ, что братъ Федоръ безнадежно боленъ, я заплакалъ; мы вмѣстѣ прожили наше дѣтство и юность, когда-то я любилъ его всею душой и вотъ тебѣ катастрофа, и мнѣ кажется, что, теряя его, я окончательно разрываю со своимъ прошлымъ. А теперь, когда ты сказала, что намъ необходимо переѣзжать на Пятницкую, въ эту тюрьму, то мнѣ стало казаться, что у меня нѣтъ уже и будущаго.

Онъ всталъ и отошелъ къ окну.

— Какъ бы то ни было, придется проститься съ мѣслями о счастьѣ,—сказалъ онъ, глядя на улицу.—Его нѣтъ. Его не было никогда у меня и, должно-быть, его не бываетъ вовсе. Впрочемъ, разъ въ жизни я былъ счастливъ, когда сидѣлъ ночью подъ твоимъ зонтикомъ. Помнишь, какъ-то у сестры Нины ты забыла свой зонтикъ?—спросилъ онъ, обернувшись къ женѣ.—Я тогда былъ влюбленъ въ тебя и, помню, всю ночь просидѣлъ подъ этимъ зонтикомъ и испытывалъ блаженное состояніе.

Въ кабинетѣ около шкаповъ съ книгами стоялъ комодъ изъ краснаго дерева съ бронзой, въ которомъ Лаптевъ хранилъ разныя ненужныя вещи, въ томъ числѣ зонтикъ. Онъ досталъ его и подаль женѣ.

— Вотъ онъ.

Юлія минуту смотрѣла на зонтикъ, узнала и грустно улыбнулась.

— Помню,—сказала она.—Когда ты объяснялся мнѣ въ любви, то держалъ его въ рукахъ,—и, замѣтивъ, что онъ собирается уходить, она сказала:—Если можно, пожалуйста, возвращайся пораньше. Безъ тебя мнѣ скучно.

И потомъ она ушла къ себѣ въ комнату и долго смотрѣла на зонтикъ.

XVII.

Въ амбарѣ, несмотря на сложность дѣла и на громадный оборотъ, бухгалтера не было и изъ книгъ, которыя велъ конторщикъ, ничего нельзя было понять. Каждый день приходили въ амбаръ коммисіонеры, нѣмцы и англичане, съ которыми приказчики говорили о политикѣ и религіи; при-

ходилъ спившійся дворянинъ, больной, жалкій человекъ, который переводилъ въ конторѣ иностранную корреспонденцію; приказчики называли его фитюлькой и поили его чаемъ съ солью. И въ общемъ вся эта торговля представлялась Лаптеву какимъ-то большимъ чудачествомъ.

Онъ каждый день бывалъ въ амбарѣ и старался заводить новые порядки; онъ запрещалъ съѣчь мальчиговъ и глумиться надъ покупателями, выходилъ изъ себя, когда приказчики, съ веселымъ смѣхомъ, отпускали куда-нибудь въ провинцію залежалый и негодный товаръ подъ видомъ свѣжаго и самаго моднаго. Теперь въ амбарѣ онъ былъ главнымъ лицомъ, но попрежнему ему не было извѣстно, какъ велико его состояніе, хорошо ли идутъ его дѣла, сколько получаютъ жалованья старшіе приказчики и т. п. Початкинъ и Макѣичевъ считали его молодымъ и неопытнымъ, многое скрывали отъ него и каждый вечеръ о чемъ-то таинственно шептались съ слѣпымъ старикомъ.

Какъ-то въ началѣ іюня Лаптевъ и Початкинъ пошли въ Вубновскій трактиръ, чтобы позавтракать и кстати поговорить о дѣлахъ. Початкинъ служилъ у Лаптевыхъ уже давно и поступилъ къ нимъ, когда ему было еще восемь лѣтъ. Онъ былъ своимъ человекомъ, ему довѣряли вполне и, когда, уходя изъ амбара, онъ забиралъ изъ кассы всю выручку и набивалъ ею карманы, то это не возбуждало никакихъ подозрѣній. Онъ былъ главнымъ въ амбарѣ и въ домѣ, а также въ церкви, гдѣ, вмѣсто старика, исполнялъ обязанности старосты. За жестокое обращеніе съ подчиненными приказчики и мальчики прозвали его Малютой Скуратовымъ.

Когда пришли въ трактиръ, онъ кивнулъ половому и сказалъ:

— Дай-ка намъ, братецъ, полдиковинки и двадцать четыре непріятности.

Половой немного погодя подаль на подносѣ полбутылки водки и нѣсколько тарелокъ съ разнообразными закусками.

— Вотъ что, любезный,—сказалъ ему Початкинъ:—дай-га ты намъ порцію главнаго мастера клеветы и злословія съ картофельнымъ пюре.

Половой не понялъ и смутился, и хотѣлъ что-то сказать, но Початкинъ строго поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Кромѣ!

Половой думалъ съ напряженіемъ, потомъ пошелъ совѣтоваться съ товарищами, и въ концѣ-концовъ все-таки догадался, принесъ порцію языка. Когда вышли по двѣ рюмки и закусили, Лаптевъ спросилъ:

— Скажите, Иванъ Васильичъ, правда ли, что наши дѣла въ послѣдніе годы стали падать?

— Ни отнюдь.

— Скажите мнѣ откровенно, на чистоту, сколько мы получали и получаемъ дохода, и какъ велико наше состояніе? Нельзя же вѣдь въ потемкахъ ходить. У насъ былъ недавно счетъ амбара, но, простите, я этому счету не вѣрю; вы находите нужнымъ что-то скрывать отъ меня и говорите правду только отцу. Вы съ раннихъ лѣтъ привыкли къ политикѣ и уже не можете обходиться безъ нея. А къ чему она? Такъ вотъ, прошу васъ, будьте откровенны. Въ какомъ положеніи наши дѣла?

— Все зависимо отъ волненія кредита, — отвѣтилъ Початкинъ, подумавъ.

— Что вы разумѣете подъ волненіемъ кредита?

Початкинъ сталъ объяснять, но Лаптевъ ничего не понималъ и послалъ за Макѣичевымъ. Тотъ немедленно явился, закурилъ, помолясь, и своимъ солиднымъ, густымъ баритономъ заговорилъ, прежде всего, о томъ, что приказчики обязаны денно и нощно молить Бога за своихъ благодѣтелей.

— Прекрасно, только позвольте мнѣ не считать себя вашимъ благодѣтелемъ, — сказалъ Лаптевъ.

— Каждый человекъ долженъ помнить, что онъ есть, и чувствовать свое званіе. Вы, по милости Божіей, нашъ отецъ и благодѣтель, а мы ваши рабы.

— Все это, наконецъ, мнѣ надоѣло! — разсердился Лаптевъ. — Пожалуйста, теперь будете вы моимъ благодѣтелемъ, объясните, въ какомъ положеніи наши дѣла. Не извольте считать меня мальчишкой, иначе я завтра же закрою амбаръ. Отецъ ослѣпъ, братъ въ сумасшедшемъ домѣ, племянницы мои еще молоды; это дѣло я ненавижу, я охотно бы ушелъ, но замѣнить меня некому, вы сами знаете. Бросьте же политику, ради Бога!

Пошли въ амбаръ считать. Потомъ считали вечеромъ дома, причемъ помогалъ самъ старикъ; посвящая сына въ свои коммерческія тайны, онъ говорилъ такимъ тономъ,

какъ будто занимался не торговлей, а колдовствомъ. Оказалось, что доходъ ежегодно увеличивался приблизительно на одну десятую часть и что состояніе Лаптевыхъ, считая одиѣ только деньги и цѣнныя бумаги, равнялось шести милліонамъ рублей.

Когда въ первомъ часу ночи, послѣ счетовъ, Лаптевъ вышелъ на свѣжій воздухъ, то чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этихъ цифръ. Ночь была тихая, лунная, душная: бѣлыя стѣны замоскворѣцкихъ домовъ, видъ тяжелыхъ запертыхъ воротъ, тишина и черныя тѣни производили въ общемъ впечатлѣніе какой-то крѣпости и недоставало только часового съ ружьемъ. Лаптевъ пошелъ въ садикъ и сѣлъ на скамью около забора, отдѣлявшаго отъ сосѣдняго двора, гдѣ тоже былъ садикъ. Цвѣла черемуха. Лаптевъ вспомнилъ, что эта черемуха во времена его дѣтства была такою же корявой и такого же роста, и нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ. Каждый уголокъ въ саду и во дворѣ напоминалъ ему далекое прошлое. И въ дѣтствѣ такъ же, какъ теперь, сквозь рѣдкія деревья виденъ былъ весь дворъ, залитый луннымъ свѣтомъ, такъ же были таинственны и строги тѣни, такъ же среди двора лежала черная собака и открыты были настежь окна у приказчиковъ. И все это были невеселыя воспоминанія.

За заборомъ въ чужомъ дворѣ слышались легкіе шаги.

— Моя дорогая, моя милая... — прошепталъ мужской голосъ у самого забора, такъ что Лаптевъ слышалъ даже дыханіе.

Вотъ поцѣловались. Лаптевъ былъ увѣренъ, что милліоны и дѣло, къ которому у него не лежала душа, испортятъ ему жизнь и окончательно сдѣлаютъ изъ него раба; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкнется со своимъ положеніемъ, мало-по-малу войдетъ въ роль главы торговой фирмы, начнетъ тупѣть, стариться и, въ концѣ-концовъ, умретъ, какъ вообще умираютъ обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающихъ. Но что же мѣшаетъ ему бросить и милліоны, и дѣло, и уйти изъ этого садика и двора, которые были ненавистны ему еще съ дѣтства?

Шопотъ и подѣлун за заборомъ волновали его. Онъ вышелъ на средину двора и, разстегнувши на груди рубаху, глядѣлъ на луну, и ему казалось, что онъ сейчасъ велитъ отпереть калитку, выйдетъ и уже болѣе никогда сюда не

вернется; сердце сладко сжалось у него отъ предчувствія свободы, онъ радостно смѣялся и воображалъ, какая бы это могла быть чудная, поэтическая, быть-можетъ, даже святая жизнь...

Но онъ все стоялъ и не уходилъ, и спрашивалъ себя: «Что же меня держитъ здѣсь?» И ему было досадно и на себя, и на эту черную собаку, которая валялась на камняхъ, а не шла въ поле, въ лѣсъ, гдѣ бы она была независима, радостна. И ему, и этой собакѣ мѣшало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка къ неволѣ, къ рабскому состоянію...

На другой день въ полдень онъ поѣхалъ къ женѣ и, чтобы скучно не было, пригласилъ съ собой Ярцева. Юлія Сергѣевна жила на дачѣ въ Бутовѣ, и онъ не былъ у нея уже пять дней. Пріѣхавъ на станцію, пріятели сѣли въ коляску, и Ярцевъ всю дорогу цѣлъ и восхищался великолѣпною погодой. Дача находилась недалеко отъ станціи въ большомъ паркѣ. Гдѣ начиналась главная аллея, шагахъ въ двадцати отъ воротъ, подъ старымъ широкимъ тополемъ сидѣла Юлія Сергѣевна, ожидая гостей. На ней было легкое изящное платье, отдѣланное кружевами, платье свѣтлое кремоваго цвѣта, а въ рукахъ былъ все тотъ же старый знакомый зонтикъ. Ярцевъ поздоровался съ ней и пошелъ къ дачѣ, откуда слышались голоса Сани и Лиды, а Лантевъ сѣлъ рядомъ съ ней, чтобы поговорить о дѣлахъ.

— Отчего ты такъ долго не былъ?—спросила она, не выпуская его руки.—Я цѣлые дни все сижу здѣсь и смотрю: не ѣдетъ ли ты. Миѣ безъ тебя скучно!

Она встала и рукой провела по его волосамъ, и съ любовью оглядывала его лицо, плечи, шляпу.

— Ты знаешь, я люблю тебя, — сказала она и покраснѣла.—Ты миѣ дорогъ. Вотъ ты пріѣхалъ, я вижу тебя и счастлива, не знаю какъ. Ну, давай поговоримъ. Расскажи миѣ что-нибудь.

Она объяснялась ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось ему завтракать. Она обняла его за шею, щекоча шелкомъ своего платья его щеку; онъ осторожно отстранилъ ея руку, всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ дачѣ. Навстрѣчу ему бѣжали дѣвочки.

«Какъ онѣ выросли!—думалъ онъ.—И сколько перемѣнъ

за эти три года... Но вѣдь придется, быть-можетъ, жить еще тринадцать, тридцать лѣтъ... Что-то еще ожидаетъ насъ въ будущемъ! Поживемъ—увидимъ».

Онъ обнялъ Сашу и Лиду, которыя повисли ему на шею, и сказалъ:

— Кланяется дѣдушка... Дядя Оеда скоро умретъ, дядя Костя прислалъ письмо изъ Америки и велитъ вамъ кланяться. Онъ соскучился на выставкѣ и скоро вернется. А дядя Алеша хочетъ ѣсть.

Потомъ онъ сидѣлъ на террасѣ и видѣлъ, какъ по аллеѣ тихо шла его жена, направляясь къ дачѣ. Она о чемъ-то думала и на ея лицѣ было грустное, очаровательное выраженіе, и на глазахъ блестѣли слезы. Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, блѣднолицая дѣвушка, а зрѣлая, красивая, сильная женщина. И Лаптевъ замѣтилъ, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ ей навстрѣчу Ярцевъ, какъ это ея новое, прекрасное выраженіе отражалось на его лицѣ, тоже грустномъ и восхищенномъ. Казалось, что онъ видѣлъ ее первый разъ въ жизни. И когда завтракали на террасѣ, Ярцевъ какъ-то радостно и застѣнчиво улыбался и все смотрѣлъ на Юлію, на ея красивую шею. Лаптевъ слѣдилъ за нимъ невольно и думалъ о томъ, что, быть-можетъ, придется жить еще тринадцать, тридцать лѣтъ... И что придется пережить за это время? Что ожидаетъ насъ въ будущемъ?

И думалъ:

«Поживемъ—увидимъ».

УБІЙСТВО.

I.

На станціи *Прогонной* служили всенощную. Передъ большимъ образомъ, написаннымъ ярко, на золотомъ фонѣ, стояла толпа станціонныхъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей, а также дровосѣковъ и пилющиковъ, работавшихъ вблизи по линіи. Всѣ стояли въ безмолвіи, очарованные блескомъ огней и воемъ метели, которая ни съ того, ни съ сего разыгралась на дворѣ, несмотря на канунъ Благовѣщенія. Служилъ старикъ священникъ изъ Веденяина; пѣли псаломщикъ и Матвѣй Тереховъ.

Лицо Матвѣя сіяло радостью, онъ пѣлъ и при этомъ вытягивалъ шею, какъ будто хотѣлъ взлетѣть. Пѣлъ онъ теноромъ и канонъ читалъ тоже теноромъ, сладостно, убѣдительно. Когда пѣли «Архангельскій гласъ», онъ помахивалъ рукой, какъ регентъ, и, стараясь подладиться подъ глухой старикивскій басъ дьячка, выводилъ своимъ теноромъ что-то необыкновенно сложное, и по лицу его было видно, что испытывалъ онъ большое удовольствіе.

Но вотъ всенощная окончилась. всѣ тихо разошлись, и стало опять темно и пусто, и наступила та самая тишина, какая бываетъ только на станціяхъ, одиноко стоящихъ въ полѣ или въ лѣсу, когда вѣтеръ подвываетъ и ничего не слышно больше, и когда чувствуется вся эта пустота кругомъ, вся тоска медленно текущей жизни.

Матвѣй жилъ недалеко отъ станціи, въ трактирѣ своего двоюроднаго брата. Но ему не хотѣлось домой. Онъ сидѣлъ у буфетчика за прилавкомъ и рассказывалъ вполголоса:

— У насъ на изразцовомъ заводѣ былъ свой хоръ. И долженъ я вамъ замѣтить, хотя мы и простые мастера были, но пѣли мы по-настоящему, великолѣпно. Намъ часто приглашали въ городъ и, когда тамъ викарный владыка Іоаннъ изволилъ служить въ Троицкой церкви, то архіерейскіе пѣвчіе пѣли на правомъ клиросѣ, а мы на лѣвомъ. Только въ городѣ жаловались, что мы долго поемъ: заводскіе, говорили, тянутъ. Оно правда, мы Андреево стояніе и Похвалу начинали въ седьмомъ, а кончали послѣ одиннадцати, такъ что, бывало, придешь домой на заводъ, а уже первый часъ. Хорошо было! — вздохнулъ Матвѣй. — Очень даже хорошо, Сергѣй Никанорычъ! А здѣсь, въ родительскомъ домѣ, никакой радости. Самая ближняя церковь въ пяти верстахъ, при моемъ слабомъ здоровьѣ и не дойдешь туда, пѣвчихъ нѣтъ. А въ семействѣ нашемъ никакого спокойствія, денденской шумъ, брань, нечистота, все изъ одной чашки ѣдимъ, какъ мужики, а щи съ тараканами... Не даетъ Богъ здоровья, а то бы я давно ушелъ, Сергѣй Никанорычъ.

Матвѣй Тереховъ былъ еще не старъ, лѣтъ 45, но выраженіе у него было болѣзненное, лицо въ морщинахъ и жидкая, прозрачная бородака совсѣмъ уже посѣдѣла, и это старило его на много лѣтъ. Говорилъ онъ слабымъ голосомъ, осторожно и, кашляя, брался за грудь, и въ это время взглядъ его становился безпокойнымъ и тревожнымъ, какъ у очень мнительныхъ людей. Онъ никогда не говорилъ опредѣленно, что у него болитъ, но любилъ длинно рассказывать, какъ однажды на заводѣ онъ поднялъ тяжелый ящикъ и надорвался, и какъ отъ этого образовалась грыжь, заставившая его бросить службу на изразцовомъ заводѣ и вернуться на родину. А что значить грыжь, объяснить онъ не могъ.

— Признаться, не люблю я брата, — продолжалъ онъ, наливая себѣ чаю. — Онъ мнѣ старшій, грѣхъ осуждать, и боюсь Господа Бога, но не могу утерять. Человѣкъ онъ надменный, суровый, ругательный, для своихъ родственниковъ и работниковъ мучитель, и на духу не бываетъ. Въ прошлое воскресенье я прошу его ласково: «Братецъ, поѣдьте въ Пахомово къ обѣднѣ!» А онъ: «Не поѣду, — тамъ, говоритъ, пошъ картежникъ». И сюда не пошелъ сегодня, потому, говоритъ, веденяпинскій священникъ курить и водку пьетъ. Не любить духовенства! Самъ себѣ и обѣдницу слу-

жить, и часы, и вечерню, а сестрица ему вмѣсто дьячка. Онъ: Господу помолимся! А она тонкимъ голосочкомъ, какъ индюшка: Господи помилуй!.. Грѣхъ, да и только. Каждый день ему говорю: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» — а онъ безъ вниманія.

Сергѣй Пиканорычъ, буфетчикъ, налилъ пять стакановъ чаю и понесъ ихъ на подносѣ въ дамскую. Едва онъ вошелъ туда, какъ послышался крикъ:

— Какъ ты подаешь, поросычья морда? Ты не умѣешь подавать!

Это былъ голосъ начальника станціи. Послышалось робкое бормотанье, потомъ опять крикъ, сердитый и рѣзкій:

— Пошелъ вонъ!

Буфетчикъ вернулся сильно сконфуженный.

— Было время, когда угождалъ и графамъ, и князьямъ, — проговорилъ онъ тихо: — а теперь, видите, не умѣю чай подать... Обругалъ при священникѣхъ и дамахъ!

Буфетчикъ Сергѣй Пиканорычъ когда-то имѣлъ большія деньги и держалъ буфетъ на первоклассной станціи, въ губернскомъ городѣ, гдѣ перекрещивались двѣ дороги. Тогда онъ носилъ фракъ и золотые часы. Но дѣла у него шли плохо, онъ потратилъ всѣ свои деньги на роскошную сервировку, обкрадывала его прислуга и, занутовавшись мало-по-малу, онъ перешелъ на другую станцію, менѣе бойкую; здѣсь отъ него ушла жена и увезла съ собою все серебро, и онъ перешелъ на третью станцію, похуже, гдѣ уже не полагалось горячихъ кушаній. Потомъ на четвертую. Часто мѣняя мѣста и спускаясь все ниже и ниже, онъ, наконецъ, попалъ на *Прогонную* и здѣсь торговалъ только чаемъ, дешевою водкой и на закуску ставилъ крутыя яйца и твердую колбасу, отъ которой пахло смолой и которую самъ же онъ въ насмѣшку называлъ музыкантской. У него была лысина во все темя, голубые глаза нависатъ и густые, пушистые бакены, которые онъ часто расчесывалъ гребенкой, глядясь въ маленькое зеркальце. Воспоминанія о прошломъ томили его постоянно, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ музыкантской колбасѣ, къ грубости начальника станціи и къ мужикамъ, которые торговались, а по его мнѣнію торговаться въ буфетѣ было такъ же неприлично, какъ въ аптекѣ. Ему было стыдно своей бѣдности и своего униженія, и этотъ стыдъ былъ теперь главнымъ содержаніемъ его жизни.

— А весна въ этомъ году поздняя, — сказала Матвѣй, прислушиваясь.— Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень, Сергѣй Никанорычъ. Въ книжкахъ пишутъ: весна, птицы поютъ, солнце заходить, а что тутъ пріятнаго? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтобъ людей послушать, объ леригин поговорить или хоромъ сѣсть что-нибудь пріятное, а эти тамъ соловьи да цвѣточки — Богъ съ ними!

Онъ опять началъ объ изразцовомъ заводѣ, о хорѣ, но оскорбленный Сергѣй Никанорычъ никакъ не могъ успокоиться и все пожималъ плечами и бормоталъ что-то. Матвѣй простился и пошелъ домой.

Мороза не было и уже таяло на крышахъ, но шелъ крупный снѣгъ; онъ быстро кружился въ воздухъ и бѣлыя облака его гонялись другъ за другомъ по полотну дороги. А дубовый лѣсъ, по обѣ стороны линіи, едва освѣщенный луной, которая пряталась гдѣ-то высоко за облаками, издавалъ суровый, протяжный шумъ. Когда сильная буря качаетъ деревья, то какъ они страшны! Матвѣй шелъ по шоссе вдоль линіи, пряча лицо и руки, и вѣтеръ толкалъ его въ спину. Вдругъ показалась небольшая лошаденка, облѣпленная снѣгомъ, сани скребли по голымъ камнямъ шоссе, и мужикъ съ окутанною головой, тоже весь бѣлый, хлесталъ кнутомъ. Матвѣй оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, какъ будто все это ему только примерещилось, и онъ ускорилъ шаги, вдругъ испугавшись, самъ не зная чего.

Вотъ переѣздъ и темный домикъ, гдѣ живетъ сторожъ. Шлагбаумъ поднять и около намело цѣлыя горы и, какъ вѣдьмы на шабашѣ, кружатся облака снѣга. Тутъ линію пересѣкаетъ старая, когда-то большая дорога, которую до сихъ поръ еще зовутъ трактомъ. Направо, недалеко отъ переѣзда, у самой дороги, стоитъ трактиръ Терехова, бывшій постоялый дворъ. Тутъ по ночамъ всегда брезжить огонекъ.

Когда Матвѣй пришелъ домой, во всѣхъ комнатахъ и даже въ сѣняхъ сильно пахло ладаномъ. Братъ его Яковъ Ивановичъ еще продолжалъ служить всенощную. Въ молельной, гдѣ это происходило, въ переднемъ углу стоялъ кіотъ со старинными дѣдовскими образами въ позолоченныхъ ризахъ, и обѣ стѣны направо и налево были уставлены образами стараго и новаго писма, въ кіотахъ и просто такъ,

На столѣ, покрытомъ до земли скатертью, стоялъ образъ Благовѣщенія и тутъ же кипарисовый крестъ и кадильница; горѣли восковыя свѣчи. Возлѣ стола былъ аналой. Проходя мимо моленной, Матвѣй остановился и заглянулъ въ дверь. Яковъ Ивановичъ въ это время читалъ у аналая; съ нимъ молилась сестра его Аглая, высокая, худощавая старуха въ синемъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Была тутъ и дочь Якова Ивановича, Дашутка, дѣвушка лѣтъ 18, некрасивая, вся въ веснушкахъ, но обыкновенію босая и въ томъ же платьѣ, въ какомъ подѣ вечеръ поила скотину.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!—провозгласилъ Яковъ Ивановичъ нараспѣвъ и низко поклонился.

Аглая подперла рукой подбородокъ и заплѣла тонкимъ, визгливымъ, тягучимъ голосомъ. А вверху надъ потолкомъ тоже раздавались какіе-то неясные голоса, которые будто угрожали или предвѣщали дурное. Во второмъ этажѣ послѣ пожара, бывшаго когда-то очень давно, никто не жилъ, окна были забиты тесомъ и на полу между балокъ валялись пустыя бутылки. Теперь тамъ стучалъ и гудѣлъ вѣтеръ и казалось, что кто-то бѣгалъ, спотыкаясь о балки.

Половина нижняго этажа была занята подѣ трактиръ, въ другой помѣщалась семья Терехова, такъ что когда въ трактирѣ шумѣли пьяные проѣзжіе, то было слышно въ комнатахъ все до одного слова. Матвѣй жилъ рядомъ съ кухней, въ комнатѣ съ большою печью, гдѣ прежде, когда тутъ былъ постоянный дворъ, каждый день пекли хлѣбъ. Въ этой же комнатѣ, за печкой помѣщалась и Дашутка, у которой не было своей комнаты. Всегда тутъ по ночамъ кричалъ сверчокъ и сустились мыши.

Матвѣй зажегъ свѣчу и сталъ читать книгу, взятую имъ у станціоннаго жандарма. Пока онъ сидѣлъ надъ ней, моленіе кончилось и всѣ легли спать. Дашутка тоже легла. Она захрапѣла тотчасъ же, но скоро проснулась и сказала, зѣвая:

— Ты, дядя Матвѣй, зря бы свѣчку не жегъ.

— Это моя свѣчка, — отвѣтилъ Матвѣй. — Я ее за свои деньги купилъ.

Дашутка поворочалась немного и опять заснула. Матвѣй сидѣлъ еще долго, — ему не хотѣлось спать, — и, кончивъ послѣднюю страницу, досталъ изъ сундука карандашъ и написалъ на книгѣ: «Сію книгу читалъ я, Матвѣй Тереховъ».

ховъ, и нахожу ее изъ всѣхъ читанныхъ мною книгъ самою лутшею, въ чемъ и приношу мою признательность унтеръ-офицеру жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Кузьмѣ Николаеву Жукову, какъ владѣльцу оной безцѣнной книги». Дѣлать подобныя надписи на чужихъ книгахъ онъ считалъ долгомъ вѣжливости.

II.

Въ самый день Благовѣщенія, послѣ того, какъ проводили почтовый поѣздъ, Матвѣй сидѣлъ въ буфетѣ, пилъ чай съ лимономъ и говорилъ.

Слушали его буфетчикъ и жандармъ Жуковъ.

— Я, надо вамъ замѣтить, — рассказывалъ Матвѣй: — еще въ малолѣтствѣ былъ приверженъ къ леригіи. Мнѣ только двѣнадцать годочковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители мои весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой ходили на богомолье. Бывало, другіе ребята ибѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а я въ это время съ маменькой. Старшіе меня одобряли, да и мнѣ самому было это пріятно, что я такого хорошаго поведенія. И какъ маменька благословили меня на заводъ, то я между дѣломъ ибѣлъ тамъ теноромъ въ нашемъ хорѣ, и не было лучшаго удовольствія. Само собой, водки я не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, а такое направленіе жизни, извѣстно, не нравится врагу рода человѣческаго, и захотѣлъ онъ, окаянный, погубить меня и сталъ омрачать мой разумъ, все равно, какъ теперь у брата. Самое первое, далъ я обѣтъ не кушать по недѣльникамъ скоромнаго и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю великаго поста до субботы святыя отцы положили сухояденіе, но трудящимъ и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самага воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ масла ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало, въ Петровки наши заводскіе хлебають щи изъ судака, а я въ стороночкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу. У людей сила разная, конечно, но я объ себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія, тѣмъ легче. Хочется кушать только въ первые дни

поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди, въ концѣ недѣли совсѣмъ ничего и въ ногахъ этакое онѣмѣніе, будто ты не на землѣ, а на облакѣ. И, кромѣ того, налагалъ я на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну и вериги тоже. Только вотъ по прошествіи времени исповѣдаюсь я однажды у священника и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдывать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣхи, ежели онъ грѣшникъ, чѣмъ я? Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ, какъ на грѣхъ толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ. Пошелъ я говѣть въ монастырь, и тамъ мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служатъ очеь скоро, въ другомъ, гляди, задостойникъ не тотъ пропѣли, въ третьемъ дьячокъ гугнивый... Бывало, Господи прости меня грѣшнаго, стою это въ церкви, а отъ гнѣва сердце трясется. Какая ужъ тутъ молитва? И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ крестится, не такъ слушаетъ; на кого ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники, картежники, одинъ только я живу по заповѣдямъ. Лукавый бѣсъ не дремалъ, дальше-больше, пересталъ я пѣть въ хорѣ и уже вовсе не хожу въ церковь; такъ ужъ я объ себѣ понимаю, будто я челоуѣкъ праведный, а церковь по своему несовершенству для меня не подходитъ, то-есть, подобно падшему ангелу, возмечталъ я въ гордынѣ своей до невѣроятія. Послѣ этого сталъ я хлопотать, какъ бы свою церковь устроить. Нанялъ я у глухой мѣщанки комнатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ молельную, вотъ какъ у братца, но только у меня еще ставники были и настоящее кадило. Въ этой своей молельной я держался устава святой Аѳонской горы, то-есть каждый день обязательно утренняя у меня начиналась въ полночь, а подъ особо чтимые двенадцатые праздники всенощная у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцатъ. Монахи, все-таки, по уставу, во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ

быть угоднѣ монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читаль я и пѣль протяжно, со слезами и со въздыханіемъ, въздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой. Ну, пошло по городу: Матвѣй святой, Матвѣй больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Никого я, конечно, не исцѣлялъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пола отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Повадились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ модельной, взялъ я комнату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотвореніе, бѣсъ забралъ меня окончательно и заслонилъ свѣтъ отъ очей моихъ своими погаными копытами. Мы всѣ въ родѣ какъ бы взбѣснлись. Я читаль, а бабки и старыя дѣвки пѣли, и этакъ, долто не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или долыше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая—и этакъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородкѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ наши ноги прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого крикъ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгаемъ, бѣгаемъ до упаду. И, такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я въ блудъ.

Жандармъ засмѣялся, но, замѣтивъ, что никто больше не смѣется, сталъ серьезенъ и сказалъ:

— Это молоканство. Я читаль, на Кавказѣ всѣ такъ.

— Но не убило меня громомъ, — продолжалъ Матвѣй, перекрестясь на образъ и пошевеливъ губами. — Должно, молилась за меня на томъ свѣтѣ покойница маменька. Когда уже меня всѣ въ городѣ святымъ почитали и даже дамы и хорошіе господа стали приѣзжать ко мнѣ потихоньку за утѣшеніемъ, какъ-то пошелъ я къ нашему хозяину Осниу Варламычу прощаться, — тогда прощенный день былъ, — а онъ этакъ заперъ на ключочекъ дверь и остались мы вдвоемъ, съ глазу на глазъ. И сталъ онъ меня отчитывать. А долженъ я вамъ замѣтить, Осниъ Варламычъ безъ образованія, но дальняго ума человекъ, и всѣ его почитали и боялись, потому былъ строгой, богоугодной жизни и тружденникъ. Говодскимъ головой былъ и старо-

стой лѣтъ, можетъ, двадцать, и много добра сдѣлалъ; Ново-Московскую улицу всю покрылъ гравиліемъ, выкрасилъ соборъ и колонны расписалъ подъ малафитъ. Ну, заперъ дверь и — «давно, говорить, я до тебя добираюсь, такой-сякой... Ты, говорить, думаешь, что ты святой? Нѣтъ, ты не святой, а богоотступникъ, еретикъ и злодѣй!» И пошелъ, и пошелъ... Не могу я вамъ выразить, какъ это онъ говорилъ, складненько да умненько, словно по писанному, и такъ трогательно. Говорилъ часа два. Пронялъ онъ меня своими словами, открылись мои глаза. Слушалъ я, слушалъ и — какъ зарыдаю! «Будь, говорить, обыкновеннымъ человѣкомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса. Вериги, говорить, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, моленная твоя отъ бѣса; все, говорить, это гордость». На другой день, въ чистый понедѣльникъ, привелъ меня Богъ заболѣть. Я надорвался, отвезли меня въ больницу; мучился я до чрезвычайности и горько плакалъ и трепеталъ. Думалъ, что изъ больницы мнѣ прямая дорога — въ адъ, и чуть не померъ. Промучился я на одрѣ болѣзни съ полгода, а какъ выписался, то первымъ дѣломъ отговѣлея по-настоящему и сталъ опять человѣкомъ. Отпускалъ меня Осипъ Варламычъ домой и наставлялъ: «Помни же, Матвѣй, что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса». И я теперь ѣмъ и пью, какъ всѣ, и молюсь какъ всѣ... Ежели теперь, случается, отъ батюшки пахнетъ табакомъ или винцомъ, то я не дерзаю осуждать, потому вѣдь и батюшка обыкновенный человѣкъ. Но какъ только говорятъ, что вотъ въ городѣ или въ деревнѣ завелся, молъ, святой, по недѣлямъ не ѣсть и свои уставы заводить, то ужъ я понимаю, чьи тутъ дѣла. Такъ вотъ, судари мои, какая была исторія въ моей жизни. Теперь и я, какъ Осипъ Варламычъ, все наставляю брата и сестрицу и укоряю ихъ, но выходитъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Не даль мнѣ Богъ дара.

Разсказъ Матвѣя, повидимому, не произвелъ никакого впечатлѣнія. Сергѣй Никанорычъ ничего не сказалъ и сталъ убирать съ прилавка закуску, а жандармъ заговорилъ о томъ, какъ богатъ братъ Матвѣя, Яковъ Ивановичъ.

— У него тысячи тридцать, по крайней мѣрѣ, — сказалъ онъ.

Жандармъ Жуковъ, рыжій, полнолицый (когда онъ хо-

диль, у него дрожали щеки), здоровый, сытый, обыкновенно, когда не было старших, сидѣлъ развалиясь и положивъ ногу на ногу; разговаривая, онъ покачивался и небрежно пошвыстывалъ, и въ это время на лицѣ его было самодовольное, сытое выраженіе, какъ будто онъ только-что пообѣдалъ. Деньги у него водились и онъ всегда говорилъ о нихъ съ видомъ большого знатока. Онъ занимался коммисіонерствомъ и когда нужно было кому-нибудь продать имѣніе, лошадь или подержанный экипажъ, то обращались къ нему.

— Да, тридцать тысячъ будетъ, пожалуй, — согласился Сергѣй Никанорычъ.—У вашего дѣдушки было огромное состояніе, — сказалъ онъ, обращаясь къ Матвѣю. — Огромное! Все потомъ осталось вашему отцу и вашему дядѣ. Вашъ отецъ померъ въ молодыхъ лѣтахъ и послѣ него все забралъ дядя, а потомъ, значить, Яковъ Иванычъ. Пока вы съ маменькой на богомолье ходили и на заводѣ теноромъ пѣли, тутъ безъ васъ не зѣвали.

— На вашу долю приходится тысячъ пятнадцать, — сказалъ жандармъ, покачиваясь. — Трактиръ у васъ общій, значить и капиталъ общій. Да. На вашемъ мѣстѣ я давно бы подалъ въ судъ. Я бы въ судъ подалъ само собой, а пока дѣлю, одинъ на одинъ всю бы рожу ему до крови...

Якова Иваныча не любили, потому что когда кто-нибудь вѣруеть не такъ, какъ всѣ, то это неприятно волнуетъ даже людей равнодушныхъ къ вѣрѣ. Жандармъ же не любилъ его еще и за то, что онъ тоже продавалъ лошадей и подержанные экипажи.

— Вамъ не охота судиться съ братомъ, потому что у васъ своихъ денегъ много, — сказала буфетчикъ Матвѣю, глядя на него съ завистью. — Хорошо тому, у кого есть средства, а вотъ я, должно-быть, такъ и умру въ этомъ положеніи...

Матвѣй сталъ увѣрять, что у него вовсе нѣтъ денегъ, но Сергѣй Никанорычъ уже не слушалъ; воспоминанія о прошломъ, объ оскорбленіяхъ, которыя онъ терилъ каждый день, нахлынули на него; лысая голова его вспотѣла, онъ покраснѣлъ и замигалъ глазами.

— Жизнь проклятая! — сказалъ онъ съ досадою и ударилъ колбасой о полъ.

III.

Разсказывали, что постоялый дворъ былъ построенъ еще при Александрѣ I, какою-то вдовой, которая поселилась здѣсь со своимъ сыномъ; называлась она Авдотьей Тереховой. У тѣхъ, кто, бывало, проѣзжалъ мимо на почтовыхъ, особенно въ лунныя ночи, темный дворъ съ навѣсомъ и постоянно запертые ворота своимъ видомъ вызывали чувство скуки и безотчетной тревоги, какъ будто въ этомъ дворѣ жили колдуны или разбойники; и всякій разъ, уже проѣхавъ мимо, ямщикъ оглядывался и подгонялъ лошадей. Останавливались здѣсь неохотно, такъ какъ хозяева всегда были неласковы и брали съ проѣзжихъ очень дорого. Во дворѣ было грязно даже лѣтомъ; здѣсь въ грязи лежали громадныя жирныя свиньи и бродили безъ привязи лошади, которыми барышничали Тереховы, и случалось часто, что лошади, соскучившись, выбѣгали со двора и, какъ бѣшенныя, носились по дорогѣ, пугая странницъ. Въ то время здѣсь было большое движеніе; проходили длинныя обозы съ товарами, и бывали тутъ разные случаи, въ родѣ того, на примѣръ, какъ лѣтъ 30 назадъ обозчики, разсердившись, затѣяли драку и убили проѣзжаго купца, и въ полуверстѣ отъ двора до сихъ поръ еще стоитъ ногнувшійся крестъ; проѣзжали почтовые тройки со звонками и тяжелые барскіе дормезы, съ ревомъ и въ облакахъ пыли проходили гурты рогатаго скота.

Когда провели желѣзную дорогу, то въ первое время на этомъ мѣстѣ былъ только полустанокъ, который назывался просто разѣздомъ, потомъ же лѣтъ черезъ десять построили теперешнюю *Прогоиную*. Движеніе по старой почтовой дорогѣ почти прекратилось и по ней уже ѣздили только мѣстные помѣщики и мужики, да весной и осенью проходили толпами рабочіе. Постоялый дворъ превратился въ трактиръ; верхній этажъ обгорѣлъ, крыша стала желтой отъ ржавчины, навѣс мало-по-малу обвалился, но на дворѣ въ грязи все еще валялись громадныя, жирныя свиньи, розовыя, отвратительныя. Попрежнему, иногда со двора выбѣгали лошади и бѣшено, задрвавъ хвосты, носились по дорогѣ. Въ трактирѣ торговали часмъ, сѣномъ, овсомъ, мукой, а также водкой и пивомъ, распивочно и на выносъ; спиртные напитки продавали съ опаской. такъ какъ напента никогда не брали.

Тереховы вообще всегда отличались религіозностью, такъ что имъ даже дали прозвище — Богомоловы. Но, быть-можетъ, оттого, что они жили особнякомъ, какъ медвѣди, избѣгали людей и до всего доходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно. Бабка Авдотья, которая построила постоянный дворъ, была старой вѣры, ея же сынъ и оба внука (отцы Матвѣя и Якова) ходили въ православную церковь, принимали у себя духовенство и новымъ образомъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и паложилъ на себя подвигъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ, а у внуковъ была та особенность, что они понимали писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, увѣряя, что въ каждомъ святомъ словѣ должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнукъ Авдотьи, Матвѣй, съ самаго дѣтства боролся съ мечтаніями и едва не погибъ; другой правнукъ, Яковъ Ивановичъ, былъ православнымъ, но послѣ смерти жены вдругъ пересталъ ходить въ церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая: сама не ходила въ церковь и Данутку не пускала. Про Аглаю еще разсказывали, будто въ молодыхъ лѣтахъ она хаживала въ Веденяшино къ хлыстамъ и что втайнѣ она еще продолжаетъ быть хлыстовкой, а потому-де ходить въ бѣломъ платочкѣ.

Яковъ Ивановичъ былъ старше Матвѣя на десять лѣтъ. Это былъ очень красивый старикъ, высокаго роста, съ широкою, сѣдою бородой, почти до пояса, и съ густыми бровями, придававшими его лицу суровое, даже злое выраженіе. Носилъ онъ длинную поддевку изъ хорошаго сукна или черной романовскій полущубокъ и вообще старался одѣваться чисто и прилично; калоши носилъ даже въ сухую погоду. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей. Въ Веденяшинѣ въ заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже въ большіе праздники, онъ же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не тороясь, а въ свободное время читалъ вслухъ житія.

И въ обыденной жизни онъ строго держался устава; такъ, если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино «ради труда бдѣннаго», то онъ непременно пилъ вино, даже если не хотѣлось.

Онъ читалъ, пѣлъ, кадиль и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры и вѣра должна выражаться правильно, изъ года въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу. Нужно жить, а значить и молиться такъ, какъ угодно Богу, и поэтому каждый день слѣдуетъ читать и пѣть только то, что угодно Богу, то-есть что полагается по уставу; такъ, первую главу отъ Юанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенія нельзя пѣть «Достойно есть» и проч. Сознаніе этого порядка и его важности доставляло Якову Иванычу во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, напримѣръ, уѣзжать въ городъ за товаромъ или въ банкъ, то его мучила совѣсть, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Братъ Матвѣй, пріѣхавшій неожиданно изъ завода и поселившійся въ трактирѣ, какъ дома, съ первыхъ же дней сталъ нарушать порядокъ. Онъ не хотѣлъ молиться вмѣстѣ, ѣлъ и пилъ чай не въ-время, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ молельную и кричалъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Иваныча бросало въ жаръ, а Аглая, не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью, подкравшись, Матвѣй входилъ въ молельную и говорилъ тихо: «Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смирись съ братомъ твоимъ, и тогда пришедь принеси даръ твой. Вы же деньги въ ростъ даете, водочкой торгуете. Покайтесь!»

Въ словахъ Матвѣя Яковъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и нерадивыхъ людей, которые говорятъ о любви къ ближнему, о примиреніи съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не поститься и не читать святыхъ книгъ, и которые презрительно отзываются о наживѣ и процентахъ только потому, что не любятъ работать.

Вѣдь быть бѣднымъ, ничего не копить и ничего не беречь гораздо легче, чѣмъ быть богатымъ.

А все же онъ былъ взволнованъ и уже не могъ молиться, какъ прежде. Едва онъ входилъ въ моленную и раскрывалъ книгу, какъ уже начиналъ бояться, что вотъ-вотъ войдетъ братъ и помѣшаетъ ему; и въ самомъ дѣлѣ, Матвѣй появлялся скоро и кричалъ дрожащимъ голосомъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Сестра бранилась, и Яковъ тоже выходилъ изъ себя и кричалъ: «Пошелъ вонъ изъ моего дома!» А тотъ ему: «Этотъ домъ нашъ общій».

Начиналъ Яковъ снова читать и пѣть, но уже не могъ успокоиться и, самъ того не замѣчая, вдругъ задумывался надъ книгой; хотя слова брата считалъ онъ пустяками, но почему-то и ему въ послѣднее время тоже стало приходиться на память, что богатому трудно войти въ царство небесное, что въ третьемъ году онъ купилъ очень выгодно краденую лошадь, что еще при покойницѣ женѣ однажды какой-то льяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки...

По ночамъ онъ спалъ теперь не хорошо, чутко и ему слышно было, какъ Матвѣй тоже не спалъ и все вздыхалъ, скучая по своему изразцовомъ заводу. И Якову ночью, пока онъ ворочался съ боку на бокъ, вспоминались и краденая лошадь, и пьяница, и евангельскія слова о верблюдь.

Похоже было на то, какъ будто у него опять начинались мечтанія. А какъ нарочно, каждый день, несмотря на то, что уже былъ конецъ марта, шелъ снѣгъ и лѣсъ шумѣлъ по-зимнему и не вѣрилось, что весна настанетъ когда-нибудь. Погода располагала и къ скукѣ, и къ ссорамъ, и къ ненависти, а ночью, когда вѣтеръ гудѣлъ надъ потолкомъ, казалось, что кто-то жилъ тамъ наверху, въ пустомъ этажѣ, мечтанія мало-по-малу наваливали на умъ, голова горѣла и не хотѣлось спать.

IV.

Утромъ въ страстной понедѣльникъ Матвѣй слышалъ изъ своей комнаты, какъ Дашутка сказала Аглаѣ:

— Дядя Матвѣй говорилъ надясь, поститься, говорилъ, не надо.

Матвѣй припомнилъ весь разговоръ, какой у него былъ наканунѣ съ Дашуткой, и ему вдругъ стало обидно.

— Дѣвушка, не грѣши! — сказалъ онъ стонущимъ голосомъ, какъ больной. — Безъ постовъ нельзя, самъ Господь нашъ постился сорокъ дней. А только я тебѣ объяснялъ, что худому человѣку и постъ не въ пользу.

— А ты только послушай заводскихъ, они научатъ добру, — проговорила насмѣшливо Аглая, моя полъ (въ будни она обыкновенно мыла полы и при этомъ сердилась на всѣхъ). — На заводѣ, извѣстно, какой постъ. Ты вотъ спроси его, дядю-то своего, спроси про душеньку, какъ онъ съ ней, съ гадюкой, въ постные дни молоко трескалъ. Другихъ-то онъ учитъ, а самъ забылъ про гадюку. А спроси: кому онъ деньги оставилъ, кому?

Матвѣй тщательно, какъ неоприятную рану, скрывалъ ото всѣхъ, что въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда во время моленій съ нимъ вмѣстѣ прыгали и бѣгали старухи и дѣвки, онъ вступилъ въ связь съ одною мѣщанкой и имѣлъ отъ нея ребенка. Уѣзжая домой, онъ отдалъ этой женщинѣ все, что скопилъ на заводѣ, а для себя на проѣздъ взялъ у хозяина, и теперь у него было всего нѣсколько рублей, которые онъ тратилъ на чай и свѣчи. «Душенька» потомъ извѣщала его, что ребенокъ умеръ, и спрашивала въ письмѣ, какъ поступить съ деньгами. Это письмо принесъ со станціи работникъ, Аглая перехватила и прочла, и потомъ каждый день попрекала Матвѣя «душенькой».

— Шутка, девятьсотъ рублей! — продолжала Аглая. — Отдалъ девятьсотъ рублей чужой гадюкѣ, заводской кобылѣ, чтобъ ты лопнулъ! — Она уже разошлась и кричала визливо: — Молчишь? Я бѣ тебя разорвала, лядащій! Девятьсотъ рублей, какъ копеечка! Ты бы подъ Дашутку подписалъ, — своя, не чужая, — а то послалъ бы въ Вѣлевъ Марьинымъ сиротамъ несчастнымъ. И не подавилась твоя гадюка, будь она трижды анаѣема проклята, дьяволица, чтобъ ей свѣтлаго дня не дожждаться!

Яковъ Иванычъ обликнулъ ее; было уже время начинать часы. Она умылась, надѣла бѣлую косыночку и пошла въ моленную къ своему любимому брату уже тихая, скромная. Когда она говорила съ Матвѣемъ или въ трактирѣ подавала мужикамъ чай, то это была тощая, остроглазая, злая старуха, въ моленной же лицо у нея было чистое, умиленное, сама она какъ-то вся молодѣла, манерно присѣдала и даже складывала сердечкомъ губы.

Яковъ Иванычъ началъ читать часы тихо и заунывно, какъ онъ читалъ всегда въ великій постъ. Почитавъ немного, онъ остановился, чтобы прислушаться къ покою, какой былъ во всемъ домѣ, и потомъ продолжалъ опять читать, испытывая удовольствіе; онъ молитвенно складывалъ руки, закатывалъ глаза, покачивалъ головой, вздыхалъ. Но вдругъ послышались голоса. Къ Матвѣю пришли въ гости жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Иванычъ стѣснялся читать вслухъ и пѣть, когда въ домѣ были посторонніе, и теперь, услышавъ голоса, сталъ читать шопотомъ и медленно. Въ моленной было слышно, какъ буфетчикъ говорилъ:

— Татаринъ въ Щеповѣ сдаетъ свое дѣло за полторы тысячи. Можно дать ему теперь пятьсотъ, а на остальные вексель. Такъ вотъ, Матвѣй Васильичъ, будьте столь благонадежны, одолжите мнѣ эти пятьсотъ рублей. Я вамъ два процента въ мѣсяць.

— Какія у меня деньги!—изумился Матвѣй. — Какія у меня деньги!

— Два процента въ мѣсяць, это для васъ, какъ съ неба,—объяснялъ жандармъ. — А лежавши у васъ, ваши деньги только моль ѣсть и больше никакого результата.

Потомъ гости ушли и наступило молчаніе. Но едва Яковъ Иванычъ началъ опять читать вслухъ и пѣть, какъ изъ-за двери послышался голосъ:

— Братецъ, позвольте мнѣ лошади въ Веденяшино съѣздить!

Это былъ Матвѣй. И у Якова на душѣ стало опять непокойно.

— На чемъ же вы поѣдете?—спросилъ онъ, подумавъ.— На гнѣдомъ работникъ свинью повезъ, а на жеребчикѣ я самъ поѣду въ Шутейкино, вотъ какъ кончу.

— Братецъ, почему это вы можете распоряжаться лошадьми, а я нѣтъ?—спросилъ съ раздраженіемъ Матвѣй.

— Потому что я не гулять, а по дѣлу.

— Имущество у насъ общее, значить, и лошади общія, и вы это должны понимать, братецъ.

Наступило молчаніе. Яковъ не молился и ждалъ, когда отойдетъ отъ двери Матвѣй.

— Братецъ, — говорилъ Матвѣй: — я человекъ больной, не хочу я имѣнія, Богъ съ нами, владѣйте, но дайте

хоть малую часть на пропитаніе въ моей болѣзни. Дайте, и я уйду.

Яковъ молчалъ. Ему очень хотѣлось развязаться съ Матвѣемъ, но дать ему денегъ онъ не могъ, такъ какъ всѣ деньги были при дѣлѣ; да и во всемъ роду Тереховыхъ не было еще примѣра, чтобы братья дѣлились; дѣлиться — разориться.

Яковъ молчалъ и все ждалъ, когда уйдетъ Матвѣй, и все смотрѣлъ на сестру, боясь, какъ бы она не вмѣшалась и не началась бы опять брань, какая была утромъ. Когда наконецъ Матвѣй ушелъ, онъ продолжалъ читать, но уже удовольствія не было, отъ земныхъ поклоновъ тяжелѣла голова и темнѣло въ глазахъ, и было скучно слушать свой тихій, заунывный голосъ. Когда такой упадокъ духа бывалъ у него по ночамъ, то онъ объяснялъ его тѣмъ, что не было сна, днемъ же это его пугало и ему начинало казаться, что на головѣ и на плечахъ у него сидятъ бѣсы.

Кончивъ кое-какъ часы, недовольный и сердитый, онъ поѣхалъ въ Шутейкино. Еще осенью землекопы рыли около *Прогонной* межевую канаву и прохарчили въ трактирѣ 18 рублей, и теперь нужно было застать въ Шутейкинѣ ихъ подрядчика и получить съ него эти деньги. Отъ тепла и мятелей дорога испортилась, стала темною и ухабистою и мѣстами уже проваливалась; снѣгъ по бокамъ осѣлъ ниже дороги, такъ что приходилось ѣхать, какъ по узкой насыпи, и сворачивать при встрѣчахъ было очень трудно. Небо хмурилось еще съ утра и дулъ сырой вѣтеръ...

Навстрѣчу ѣхалъ длинный обозъ: бабы везли кирпичъ. Яковъ долженъ былъ свернуть съ дороги; лошадь его вошла въ снѣгъ по брюхо, сани-одиночки накренились вправо, и самъ онъ, чтобы не свалиться, согнулся влѣво и сидѣлъ такъ все время, пока мимо него медленно подвигался обозъ, онъ слышалъ сквозь вѣтеръ, какъ скрипѣли сани и дышали тощія лошади и какъ бабы говорили про него: «Вогомолвь ѣдетъ», — а одна, поглядѣвъ съ жалостью на его лошадь, сказала быстро:

— Похоже, снѣгъ до Егорія пролежитъ. Замучились!

Яковъ сидѣлъ неудобно, согнувшись, и щурилъ глаза отъ вѣтра, а передъ нимъ все мелькали то лошади, то красный кирпичъ. И, быть-можетъ, оттого, что ему было неудобно и болѣлъ бокъ, вдругъ ему стало досадно, и дѣло, по кото-

рому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему неважнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы въ Шутейкино послать завтра работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую бессонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который продавалъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, но Яковъ почувствовалъ утомленіе оттого, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему еще надо читать вечерню. Вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо и шуршалъ въ воротникѣ и казалось, что это онъ нашенывалъ ему всѣ эти мысли, принося ихъ съ широкаго бѣлаго поля... Глядя на это поле, знакомое ему съ дѣтства, Яковъ вспоминалъ, что точно такая же тревога и тѣ же мысли были у него въ молодые годы, когда на него находили мечтанія и колебалась вѣра.

Ему было жутко оставаться одному въ полѣ; онъ повернулъ назадъ и тихо поѣхалъ за обозомъ, а бабы смѣялись и говорили:

— Богомолвъ вернулся.

Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара, и день поэтому казался очень длиннымъ. Яковъ Ивановичъ давно уже убралъ лошадь, отпустилъ муки на станцію и два раза принимался читать исалтирь, а до вечера все еще было далеко. Аглая вымыла уже всѣ полы и, отъ нечего дѣлать, убирала у себя въ сундукѣ, крышка котораго изнутри была вся оклеена ярлыками съ бутылокъ. Матвѣй, голодный и грустный, сидѣлъ и читалъ, или же подходилъ къ голландской печкѣ и подолгу осматривалъ изразцы, которые напоминали ему заводъ. Дашутка спала, потомъ, проснувшись, пошла поить скотину. У нея, когда она доставала воду изъ колодца, оборвалась веревка и ведро упало въ воду. Работникъ сталъ искать багоръ, чтобы вытащить ведро, а Дашутка ходила за нимъ по грязному снѣгу, босая, съ красными, какъ у гусыни, ногами и повторяла: «Тамъ глыбля!» Она хотѣла сказать, что въ колодцѣ глубже, чѣмъ можетъ достать багоръ, но работникъ не понималъ ея и, очевидно, она надоѣла ему, такъ какъ онъ вдругъ обернулся и выбранилъ ее нехорошими словами.

Яковъ Ивановичъ, вышедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длинною, отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактиръ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамница? — крикнулъ онъ ей и даже испугался. — Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣнiемъ, тупо, не понимая, почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленiе, но она показалась ему такою дикою, темной, и въ первый разъ за все время, пока она была у него, онъ сообразилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ пьяными мужиками, съ бранью представилась ему такою же дикою и темной, какъ эта дѣвушка, и, вмѣсто того, чтобы читать ей наставленiе, онъ только махнулъ рукой и вернулся въ комнату.

Въ это время опять пришли къ Матвѣю жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Ивановичъ вспомнилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ нисколько не беспокоитъ, и жизнь стала казаться ему странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки; онъ безъ шапки прошелся по двору, потомъ вышелъ на дорогу и ходилъ, ежавъ кулаки, — въ это время пошелъ снѣгъ хлопьями, — бороды у него развѣвались по вѣтру, онъ все встряхивалъ головой, такъ какъ что-то давило ему голову и плечи, будто сидѣли на нихъ бѣсы, и ему казалось, что это ходить не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ...

V.

Когда онъ вернулся въ домъ, жандарма уже не было, а буфетчикъ сидѣлъ въ комнатѣ Матвѣя и считалъ что-то на счетахъ. Онъ и раньше часто, почти каждый день, бывалъ въ трактирѣ; прежде ходилъ къ Якову Ивановичу, а въ последнее время къ Матвѣю. Онъ все считалъ на счетахъ, и при этомъ лицо его напрягалось и потѣло, или просилъ денегъ, или, разглаживая бакены, рассказывалъ о томъ, какъ когда-то на первоклассной станціи онъ приготовлялъ для офицеровъ крюшонъ и на парадныхъ обѣдахъ самъ разливалъ стерляжью уху. На этомъ свѣгѣ его ничто не инте-

ресовало, кромѣ буфетовъ, и умѣлъ онъ говорить только о кушаньяхъ, сервировкахъ, винахъ. Однажды, подавая чай молодой женщинѣ, которая кормила грудью ребенка, и желая сказать ей что-нибудь пріятное, онъ выразился такъ:

— Грудь матери, это—буфеть для младенца.

Считая на счетахъ въ комнатѣ Матвѣя, онъ просилъ денегъ, говорилъ, что на *Прогонной* ему уже нельзя жить, и нѣсколько разъ повторилъ такимъ тономъ, какъ будто собирался заплакать:

— Куда же я пойду? Куда я теперь пойду, скажите на милость?

Потомъ Матвѣй пришелъ въ кухню и сталъ чистить вареный картофель, который онъ припряталъ, вѣроятно, со вчерашняго дня. Было тихо, и Якову Иванычу показалось, что буфетчикъ ушелъ. Давно уже была пора начинать вечерню; онъ позвалъ Аглаю и, думая, что въ домѣ нѣтъ никого, заплѣлъ безъ стѣсненія, громко. Онъ пѣлъ и читалъ, но мысленно произносилъ другія слова: «Господи, прости! Господи, спаси!» — и одинъ за другимъ, не переставая, клалъ земные поклоны, точно желая утомить себя, и все встряхивалъ головой, такъ что Аглая смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ боялся, что войдетъ Матвѣй, и былъ увѣренъ, что онъ войдетъ, и чувствовалъ противъ него злобу, которой не могъ одолѣть ни молитвой, ни частыми поклонами.

Матвѣй тихо-тихо отворилъ дверь и вошелъ въ моленную.

— Грѣхъ, какой грѣхъ! — сказалъ онъ укоризненно и вздохнулъ.—Покайтесь! Опомнитесь, братецъ!

Яковъ Иванычъ, сжавъ кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышелъ изъ моленной. Такъ же, какъ давеча на дорогѣ, чувствуя себя громаднымъ, страшнымъ звѣремъ, онъ прошелъ черезъ сѣни въ сѣрую, грязную, пропитанную туманомъ и дымомъ половицу, гдѣ обыкновенно мужики пили чай, и тутъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, тяжело ступая, такъ что звенѣла посуда на полкахъ и шатались столы. Ему уже было ясно, что самъ онъ недоволенъ своею вѣрой и уже не можетъ молиться попрежнему. Надо было каяться, надо было опомниться, образумиться, жить и молиться какъ-нибудь иначе. Но какъ молиться? А, можетъ-быть, все это только смущаетъ бѣсъ и ничего этого не нужно?... Какъ быть? Что дѣлать? Кто можетъ на-

учить? Какая беспомощность! Онъ остановился и, взявшись за голову, сталъ думать, но то, что близко находился Матвѣй, мѣшало ему покойно соображать. И онъ быстро пошелъ въ комнаты.

Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ передъ чашкой съ картофелемъ и ѣлъ. Тутъ же около печи сидѣли другъ противъ друга Аглая и Дашутка и мотали нитки. Между печью и столомъ, за которымъ сидѣлъ Матвѣй, была протянута гладильная доска; на ней стоялъ холодный утюгъ.

— Сестрица,—попросилъ Матвѣй:—позвольте мнѣ маслица!

— Кто же въ такой день масло ѣсть?—спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а мірянинъ. А по слабости здоровья мнѣ не то что масло, даже молоко можно.

— Да, у васъ на заводѣ все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, сердито стукнувъ, съ злорадною улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла!—крикнулъ Яковъ.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвѣй, точно не слышалъ, налилъ себѣ масла въ чашку и продолжалъ ѣсть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла!—крикнулъ Яковъ еще громче, покраснѣлъ весь и вдругъ схватилъ чашку, поднялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ ѓ-земь, такъ что полетѣли черенки. — Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова.—Не смѣй!—повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ!—сказалъ онъ, продолжая жевать.—Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію минуту!—крикнулъ Яковъ; ему были противны морщинистое лицо Матвѣя и его голосъ, и крошки на усахъ, и то, что онъ жуеть.— Вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи, дьяволы!

— Вы, ежели желаете знать,—продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться:—вы богоотступникъ и еретикъ.

Бѣсы окаянные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу. Покайтесь, пока не поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взявъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что жъ оно такое? Что жъ оно такое?»—и, упираясь, дѣлая усилія, чтобы высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ; Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе отъ того, что бутылка, ударившись о голову, крякнула, какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнилъ очень хорошо) указалъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ, и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачь Дашутки, и когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ!—съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; блѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились.—Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, произнося съ каждымъ поклономъ: «гамъ! гамъ!» Но ничто не было такъ страшно для Якова, какъ вареный картофель въ крови, на который онъ боялся наступить, и было еще нѣчто страшное, что угнетало его, какъ тяжкій сонъ, и казалось самымъ опаснымъ и чего онъ никакъ не могъ понять въ первую минуту. Это былъ буфетчикъ Сергѣй Никанорычъ, который стоялъ на порогѣ со счетами въ рукахъ, очень блѣдный, и съ ужасомъ смотрѣлъ на то, что происходило въ кухнѣ. Только когда онъ повернулся и быстро пошелъ въ сѣни, а оттуда наружу, Яковъ понялъ, кто это, и пошелъ за нимъ.

Вытирая на ходу руки о снѣгъ, онъ думалъ. Промелькнула мысль о томъ, что работникъ отпросился ночевать къ себѣ въ деревню и ушелъ уже давно; вчера рѣзали свинью,

и громадные кровавые пятна были на снѣгу, на саняхъ и даже одна сторона колодезнаго сруба была обрызгана кровью, такъ что если бы теперь вся семья Якова была въ крови, то это не могло бы показаться подозрительнымъ. Скрывать убійство было бы мучительно, но то, что явится со станціи жандармъ, который будетъ посвистывать и насмѣшливо улыбаться, придутъ мужики и крѣпко свяжутъ руки Якову и Аглаѣ и съ торжествомъ поведутъ ихъ въ волость, а оттуда въ городъ, и дорогой всѣ будутъ указывать на нихъ и весело говорить: «Богомоловыхъ ведутъ!» — это представлялось Якову мучительнѣе всего, и хотѣлось протянуть какъ-нибудь время, чтобы пережить этотъ срамъ не тецерь, а когда-нибудь послѣ.

— Я вамъ могу одолжить тысячу рублей...—сказалъ онъ, догнавъ Сергѣя Никанорыча. — Если вы кому скажете, то отъ этого никакой пользы... а человекъ все равно не воскресишь, — и, едва поспѣвая за буфетчикомъ, который не оглядывался и старался идти все скорѣе, онъ продолжалъ: — И полторы тысячи могу дать...

Онъ остановился, потому что запыхался, а Сергѣй Никанорычъ пошелъ дальше все такъ же быстро, вѣроятно, боясь, чтобы его также не убили. Только миновавъ переѣздъ и пройдя половину шоссе, которое вело отъ переѣзда до станціи, онъ мелькомъ оглянулся и пошелъ тише. На станціи и по линіи уже горѣли огни, красные и зеленые; вѣтеръ утихъ, но снѣгъ все еще сыпался хлопьями, и дорога оиать поблѣбла. Но вотъ почти около самой станціи Сергѣй Никанорычъ остановился, подумалъ минуту и рѣшительно пошелъ назадъ. Становилось темно.

— Пожалуйте полторы тысячи, Яковъ Ивановичъ, — сказалъ онъ тихо, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я согласенъ.

VI.

Деньги Якова Ивановича лежали въ городскомъ банкѣ и были розданы подъ вторыя закладныя; дома у себя онъ держалъ немного, только то, что нужно было для оборота. Войдя въ кухню, онъ нащупалъ жестянку со спичками и, пока синимъ огнемъ горѣла сѣра, успѣлъ разглядѣть Матвѣя, который лежалъ попрежнему на полу около стола, но уже былъ накрытъ бѣлою простыней, и были видны только его сапоги. Кричалъ сверчокъ. Аглая и Дашутки не было

въ комнатахъ: обѣ онѣ сидѣли въ чайной за прилавкомъ и молча мотали нитки. Яковъ Ивановичъ съ лампочкой прошелъ къ себѣ въ комнату и вытащилъ изъ-подъ кровати сундучокъ, въ которомъ держалъ расходія деньги. Въ этотъ разъ набралось всего четыреста двадцать одними мелкими бумажками и серебра на тридцать пять рублей; отъ бумажекъ шелъ нехорошій, тяжелый духъ. Забравъ деньги въ шапку, Яковъ Ивановичъ вышелъ на дворъ, потомъ за ворота. Онъ шелъ и глядѣлъ по сторонамъ, но буфетчика не было.

— Гопъ!—крикнулъ Яковъ.

У самаго переѣзда отъ шлагбаума отдѣлилась темная фигура и нерѣшительно пошла къ нему.

— Что вы все ходите и ходите?—проговорилъ Яковъ съ досадой, узнавъ буфетчика.— Вотъ вамъ: тутъ немного не хватило до пятисотъ... Дома нѣтъ больше.

— Хорошо... Очень вамъ благодаренъ,—бормоталъ Сергѣй Никаноричъ, хватая деньги съ жадностью и запихивая ихъ въ карманы; онъ весь дрожалъ, и это было замѣтно, несмотря на потемки.—А вы, Яковъ Ивановичъ, будьте покойны... Къ чему мнѣ болтать? Мое дѣло такое, я былъ да ушелъ. Какъ говорится, знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю...—и тутъ же добавилъ со вздохомъ:— Жизнь проклятая!

Минуту стояли молча, не глядя другъ на друга.

— Такъ это у васъ, изъ пустяковъ, Богъ его знаетъ какъ...—сказалъ буфетчикъ, дрожа.—Сижу я, считаю себѣ и вдругъ шумъ... Гляжу въ дверь, а вы изъ-за постнаго масла... Гдѣ онъ теперь?

— Лежитъ тамъ въ кухнѣ.

— Вы бы его свезли куда... Что ждать?

Яковъ проводилъ его до станціи молча, потомъ вернулся домой и запрягъ лошадь, чтобы везти Матвѣя въ Лимарово. Онъ рѣшилъ, что свезетъ его въ Лимаровскій лѣсъ и оставить тамъ на дорогѣ, а потомъ будетъ говорить всѣмъ, что Матвѣй ушелъ въ Веденяино и не возвращался, и всѣ тогда подумаютъ, что его убили прохожіе. Онъ зналъ, что этимъ никого не обманешь, но двигаться, дѣлать что-нибудь, хлопотать было не такъ мучительно, какъ сидѣть и ждать. Онъ кликнулъ Дашутку и вмѣстѣ съ ней довезъ Матвѣя. А Аглая осталась убирать въ кухнѣ.

Когда Яковъ и Дашутка возвращались назадъ, ихъ задержалъ у переѣзда опущенный шлагбаумъ. Шелъ длинный товарный поѣздъ, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая изъ поддувалъ снопы багроваго огня. На переѣздѣ въ виду станціи передній локомотивъ издалъ пронзительный свистъ.

— Свистить...—проговорила Дашутка.

Поѣздъ, наконецъ, прошелъ, и сторожъ не спѣша поднялъ шлагбаумъ.

— Это ты, Яковъ Ивановичъ?—сказалъ онъ.—Не узналъ, богатымъ быть.

А потомъ, когда пріѣхали домой, надо было спать. Аглая и Дашутка легли рядомъ, постлавши себѣ въ чайной на полу, а Яковъ расположился на прилавкѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, Богу не молились и лампадъ не зажигали. Всѣ трое не спали до самаго утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось имъ всю ночь, что наверху въ пустомъ этажѣ кто-то ходитъ.

Черезъ два дня пріѣхали изъ города становой приставъ и слѣдователь и сдѣлали обыскъ сначала въ комнатѣ Матвѣя, потомъ во всемъ трактирѣ. Допрашивали прежде всего Якова, и онъ показалъ, что Матвѣй въ понедѣльникъ подвѣчеръ ушелъ въ Веденяпино говѣть и что, должно-быть, дорогой его убили пильщики, работающіе теперь по линіи. А когда слѣдователь спросилъ его, почему же такъ случилось, что Матвѣя нашли на дорогѣ, а шапка его оказалась дома,—развѣ онъ пошелъ въ Веденяпино безъ шапки? И почему около него на дорогѣ на снѣгу не нашли ни одной капли крови въ то время, какъ голова у него была проломлена, и лицо, и грудь были черны отъ крови, Яковъ смутился, растерялся и отвѣтилъ:

— Не могу знать.

И произошло именно то, чего такъ боялся Яковъ: приходилъ жандармъ, урядникъ курилъ въ молельной и Аглая набросилась на него съ бранью и нагрубила становому приставу, и когда потомъ Якова и Аглаю вели со двора, у воротъ толпились мужики и говорили: «Богомолова ведутъ!» — и казалось, всѣ были рады.

Жандармъ на допросѣ показалъ прямо, что Матвѣя убили Яковъ и Аглая, чтобы не дѣлиться съ нимъ, и что у Матвѣя были свои деньги, и если ихъ не оказалось при обыскѣ, то,

очевидно, ими воспользовались Яковъ и Аглая. И Дашутку спрашивали. Она сказала, что дядя Матвѣй и тетка Аглая каждый день бранились и чуть не дрались изъ-за денегъ, а дядя былъ богатый, такъ какъ онъ даже какой-то своей душенькѣ подарилъ девятьсотъ рублей.

Дашутка осталась въ трактирѣ одна; никто ужъ не приходилъ пить чай и водку, и она то убирала въ комнатахъ, то пила медъ и ѣла баранки; но черезъ нѣсколько дней допрашивали сторожа на переѣздѣ, и онъ сказалъ, что въ понедѣльникъ поздно вечеромъ видѣлъ, какъ Яковъ ѣхалъ съ Дашуткой изъ Лимарова. Дашутку тоже арестовали, повели въ городъ и посадили въ острогъ: Въ скорости, со словъ Аглаи, стало извѣстно, что во время убійства присутствовалъ Сергѣй Никанорычъ; у него сдѣлали обыскъ и нашли деньги въ необычномъ мѣстѣ, въ валенкѣхъ подъ печкой, и деньги все были мелкія, однѣхъ рублевыхъ бумажекъ было триста. Онъ божился, что эти деньги онъ наторговалъ и что въ трактирѣ онъ не былъ уже болѣе года, а свидѣтели показали, что онъ былъ бѣденъ и въ послѣднее время сильно нуждался въ деньгахъ, и ходилъ въ трактиръ каждый день, чтобы взять у Матвѣя взаймы, и жандармъ рассказалъ, какъ въ день убійства самъ онъ два раза ходилъ съ буфетчикомъ въ трактиръ, чтобы помочь ему сдѣлать заемъ. Вспомнили кстати, что въ понедѣльникъ вечеромъ Сергѣй Никанорычъ не выходилъ къ товаро-пассажирскому поѣзду, а уходилъ куда-то. И его тоже арестовали и отправили въ городъ.

Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ былъ судъ.

Яковъ Иванычъ сильно постарѣлъ, похудѣлъ и говорилъ уже тихо, какъ больной. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, жалкимъ, ниже всѣхъ ростомъ, и было похоже на то, какъ будто отъ мученій совѣсти и мечтаній, которыя не покидали его и въ тюрьмѣ, душа его такъ же постарѣла и отошала, какъ тѣло. Когда зашла рѣчь о томъ, что онъ не ходитъ въ церковь, предсѣдатель спросилъ его:

— Вы раскольникъ?

— Не могу знать, — отвѣтилъ онъ.

Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумной, темной. Аглая не смирилась нисколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя, обвиняя его во

всѣхъ несчастіяхъ. У Сергѣя Никанорыча на мѣстѣ бакеновъ выросла борода; на судѣ онъ потѣлъ, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Онъ неловко оправдывался и, желая доказать, что въ трактирѣ онъ не былъ цѣлый годъ, вступалъ въ споръ съ каждымъ свидѣтелемъ, и публика смѣялась надъ нимъ. Дашутка, пока была въ тюрьмѣ, пополнѣла; на судѣ она не понимала вопросовъ, которые задавали ей, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего.

Всѣ четверо были признаны виновными въ убійствѣ съ корыстною цѣлью. Яковъ Иванычъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, Аглая — на тринадцать съ половиной, Сергѣй Никанорычъ — на десять, Дашутка — на шесть.

VII.

На Дуэскомъ рейдѣ на Сахалинѣ поздно вечеромъ остановился иностранный пароходъ и потребовалъ угля. Просили командира подождать до утра, но онъ не пожелалъ ждать и одного часа, говоря, что если за ночь погода испортится, то онъ рискуетъ уйти безъ угля. Въ Татарскомъ проливѣ погода можетъ рѣзко измѣниться въ какіе-нибудь полчаса, и тогда сахалинскіе берега становятся опасны. А уже свѣжѣло и разводило порядочную волну.

Изъ Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ, погнали въ рудникъ партію арестантовъ. Предстояло нагружать углемъ баржи, затѣмъ тащить ихъ на буксирѣ парового катера къ борту парохода, который стоялъ болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ берега, и тамъ должна была начаться перегрузка — мучительная работа, когда баржу бьетъ о пароходъ и рабочіе едва держатся на ногахъ отъ морской болѣзни. Каторжные, только что поднятые съ постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь въ потемкахъ и звеня кандалами. Налѣво былъ едва виденъ высокій крутой берегъ, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, безпросвѣтная тьма, въ которой стонало море, издавая протяжный, однообразный звукъ: «а... а... а... а...», и только когда надзиратель закуривалъ трубку и при этомъ мелькомъ освѣщался конвойный съ ружьемъ и два-три ближайшихъ арестанта съ грубыми ли-

цами, или когда онъ подходилъ съ фонаремъ близко къ водѣ, то можно было разглядѣть бѣлые гребни переднихъ волнъ.

Въ этой партіи находился Яковъ Ивановичъ, прозванный на каторгѣ Вѣникомъ за свою длинную бороду. По имени и отчеству его давно уже никто не величалъ, а звали просто Яшкой. Былъ онъ здѣсь на плохомъ счету, такъ какъ мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобѣдимую тоску по родинѣ, онъ поддался искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорокъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено. Тоска по родинѣ началась у него съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его везли въ Одессу и арестантскій поѣздъ остановился ночью на *Прогиной*, и Яковъ, припавъ къ окну, старался увидѣть родной дворъ и ничего не увидѣлъ впотьмахъ.

Не съ кѣмъ было поговорить о родной сторонѣ. Сестру Аглаю отправили на каторгу черезъ Сибирь, и было неизвѣстно, гдѣ она теперь. Дашутка была на Сахалинѣ, но ее отдали какому-то поселенцу въ сожителиницы, въ дальнее селеніе; слуховъ о ней не было никакихъ, и разъ только одинъ поселенецъ, попавшій въ Воеводскую тюрьму, рассказывалъ Якову, будто Дашутка имѣла уже троихъ дѣтей. Сергѣй Никанорычъ служилъ лакеемъ у чиновника тутъ же не далеко, въ Дуэ, но нельзя было разсчитывать повидаться съ нимъ когда-нибудь, такъ какъ онъ стыдился знакомства съ каторжными изъ простого званія.

Партія пришла въ рудникъ и расположилась на пристани. Говорили, что нагрузки не будетъ, такъ какъ погода все портится и пароходъ будто бы собирается уходить. Видно было три огня. Одинъ изъ нихъ двигался: это — паровой катеръ ходилъ къ пароходу и теперь, кажется, уже возвращался, чтобы сообщить, будетъ работа или нѣтъ. Дрожа отъ осенняго холода и морской сырости, кутаясь въ свой короткій, рваный полушубокъ, Яковъ Ивановичъ пристально, не мигая, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была родина. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ,—съ русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями, и съ тѣхъ поръ, какъ прислушался

къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось, что онъ наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно Ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, какъ у пьяницы, руки и ноги? Онъ вглядывался напряженно въ потемки, и ему казалось, что сквозь тысячи верстъ этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ родную губернію, свой уѣздъ, *Прогонную*, видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль, гдѣ еле-еле свѣтились блѣдные огни парохода, и сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день.

Катеръ пришелъ, и надзиратель объявилъ громко, что нагрузки не будетъ.

— Назадъ! — скомандовалъ онъ. — Смирно!

Было слышно, какъ на пароходѣ убирали якорную цѣпь. Дулъ уже сильный, пронзительный вѣтеръ и гдѣ-то вверху на крутомъ берегу скрипѣли деревья. Вѣроятно, начинался штормъ.

А Р І А Д Н А

На палубѣ парохода, шедшаго изъ Одессы въ Севастополь, какой-то господинъ, довольно красивый, съ круглою бородкой, подошелъ ко мнѣ, чтобы закурить, и сказалъ:

— Обратите вниманіе на этихъ иѣмцевъ, что сидятъ около рубки. Когда сойдутся иѣмцы или англичане, то говорятъ о цѣнахъ на шерсть, объ урожаѣ, о своихъ личныхъ дѣлахъ; но почему-то, когда сходимся мы, русскіе, то говоримъ только о женщинахъ и высокихъ матеріяхъ. Но главное—о женщинахъ.

Лицо этого господина было уже знакомо мнѣ. Наканунѣ мы возвращались въ одномъ поѣздѣ изъ-за границы, и въ Волочискѣ я видѣлъ, какъ онъ во время таможенного осмотра стоялъ вмѣстѣ съ дамой, своей спутницей, передъ цѣлою горой чемодановъ и корзинъ, наполненныхъ дамскимъ платьемъ, и какъ онъ былъ смущенъ и подавленъ, когда пришлось платить пошлину за какую-то шелковую тряпку, а его спутница протестовала и грозила кому-то пожаловаться; потомъ по пути въ Одессу я видѣлъ, какъ онъ носилъ въ дамское отдѣленіе то пирожки, то апельсины.

Было немножко сыро, слегка покачивало, и дамы ушли къ себѣ въ каюты. Господинъ съ круглою бородкой сѣлъ со мной рядомъ и продолжалъ:

— Да, когда русскіе сходятся, то говорятъ только о высокихъ матеріяхъ и женщинахъ. Мы такъ интеллигентны, такъ важны, что изрекаемъ одиѣ истины и можемъ рѣшать вопросы только высшаго порядка. Русскій актеръ не умѣетъ шалить, онъ въ водевилѣ играетъ глубокомысленно; такъ и

мы: когда приходится говорить о пустякахъ, то мы трактуемъ ихъ не иначе, какъ съ высшей точки зрѣнія. Это недостатокъ смѣлости, искренности и простоты. О женщинахъ же мы говоримъ такъ часто потому, мнѣ кажется, что мы неудовлетворены. Мы слишкомъ идеально смотримъ на женщинъ и предъявляемъ требованія, несоизмѣрима съ тѣмъ, что можетъ дать дѣйствительность, мы получаемъ далеко не то, что хотимъ, и въ результатѣ неудовлетворенность, разбитыя надежды, душевная боль, а что у кого болить, тотъ о томъ и говорить. Вамъ не скучно продолжать этотъ разговоръ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте представиться,—сказалъ мой собесѣдникъ, слегка приподнимаясь: — Иванъ Ильичъ Шамохинъ, московскій помѣщикъ нѣкоторымъ образомъ... Васъ же я хорошо знаю.

Онъ сѣлъ и продолжалъ, ласково и искренно глядя мнѣ въ лицо:

— Эти постоянные разговоры о женщинахъ какой-нибудь философъ средней руки, въ родѣ Макса Нордау, объяснилъ бы эротическимъ помѣшательствомъ, или тѣмъ, что мы крѣпостники и прочее, я же на это дѣло смотрю иначе. Повторяю: мы неудовлетворены, потому что мы идеалисты. Мы хотимъ, чтобы существа, которые рожаютъ насъ и нашихъ дѣтей, были выше насъ, выше всего на свѣтѣ. Когда мы молоды, то поэтизируемъ и боготворимъ тѣхъ, въ кого влюбляемся; любовь и счастье у насъ—синонимы. У насъ въ Россіи бракъ не по любви презирается, чувственность смѣшна и внушаетъ отвращеніе, и наибольшимъ успѣхомъ пользуются тѣ романы и повѣсти, въ которыхъ женщины красивы, поэтичны и возвышенны, и если русскій человекъ издавна восторгается рафаэлевской Мадонной, или озабоченъ женской эмансипаціей, то, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего напускного. Но бѣда вотъ въ чемъ. Едва мы женимся, или сходимся съ женщиной, проходитъ какихъ-нибудь два-три года, какъ мы уже чувствуемъ себя разочарованными, обманутыми; сходимся съ другими, и опять разочарованіе, опять ужасъ, и въ концѣ-концовъ убѣждаемся, что женщины живы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки, — однимъ словомъ, не только не выше, но даже неизмѣримо ниже насъ, мужчинъ. И намъ, недо-

влетвореннымъ, обманутымъ, не остается ничего больше, какъ брюзжать и походя говорить о томъ, въ чемъ мы такъ жестоко обманулись.

Пока Шамохинъ говорилъ, я замѣтилъ, что русскій языкъ и русская обстановка доставляли ему большое удовольствіе. Это оттого, вѣроятно, что за границей онъ сильно соскучился по родинѣ. Хваля русскихъ и приписывая имъ рѣдкій идеализмъ, онъ не отзывался дурно объ иностранцахъ, и это располагало въ его пользу. Было также замѣтно, что на душѣ у него неладно и хочется ему говорить больше о себѣ самомъ, чѣмъ о женщинахъ, и что не миновать мнѣ выслушать какую-нибудь длинную исторію, похожую на исповѣдь.

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы потребовали бутылку вина и выпили по стакану, онъ началъ такъ:

— Помнится, въ какой-то повѣсти Вельтмана кто-то говоритъ: «вотъ такъ исторія» А другой ему отвѣчаетъ: — «нѣтъ, это не исторія, а только интродукція въ исторію». Такъ и то, что я до сихъ поръ говорилъ, есть только интродукція, мнѣ же собственно хочется рассказать вамъ свой послѣдній романъ. Виновать, я еще разъ спрошу: вамъ не скучно слушать?

Я сказалъ, что не скучно, и онъ продолжалъ:

— Дѣйствіе происходитъ въ Московской губерніи, въ одномъ изъ ея сѣверныхъ уѣздовъ. Природа тутъ, долженъ я вамъ сказать, удивительная. Усадьба наша находится на высокомъ берегу быстрой рѣчки, у такъ-называемаго быркаго мѣста, гдѣ вода шумитъ день и ночь; представьте же себѣ большой старый садъ, уютные цвѣтники, пасѣку, огородъ, внизу рѣка съ кудрявымъ пвнякомъ, который въ большую росу кажется немножко матовымъ, точно сѣдѣть, а по ту сторону лугъ, за лугомъ на холмѣ страшный, темный боръ. Въ этомъ бору рыжики роятся видимо-невидимо и въ самой чащѣ живутъ лоси. Я умру, заколотятъ меня въ гробъ, а все мнѣ, кажется, будутъ сниться раннія утра, когда, знаете, больно глазамъ отъ солнца, или чудные весенніе вечера, когда въ саду и за садомъ кричатъ соловьи и дергачи, а съ деревни доносится гармоника, въ домѣ играютъ на роялѣ, шумитъ рѣка — однимъ словомъ, такая музыка, что хочется и плакать, и громко пѣть. Запашка у насъ небольшая, но выручаютъ дуга, которые

вмѣстѣ съ лѣсомъ даютъ тысячь около двухъ ежегодно. Я у отца единственный сынъ, оба мы люди скромные, и этихъ денегъ, плюсъ еще отцовская пенсія, совершенно хватало. Первые три года по окончаніи университета я прожилъ въ деревнѣ, хозяйничалъ и все ждалъ, что меня куда-нибудь выберутъ, главное же, я былъ сильно влюбленъ въ одну необыкновенно красивую, обаятельную дѣвушку. Была она сестрой моего сосѣда, помѣщика Котловича, прогорѣвшаго барина, у котораго въ имѣніи были ананасы, замѣчательные персики, громоотводы, фонтанъ посреди двора и въ то же время ни копейки денегъ. Онъ ничего не дѣлалъ, ничего не умѣлъ, былъ какой-то кволій, точно сдѣланный изъ пареной рѣпы; лѣчилъ мужиковъ гомеопатіей и занимался спиритизмомъ. Человѣкъ онъ, впрочемъ, былъ деликатный, мягкій и неглупый, но не лежитъ у меня душа къ этимъ господамъ, которые бесѣдуютъ съ дѣхами и лѣчатъ бабъ магнетизмомъ. Во-первыхъ, у умственно несвободныхъ людей всегда бываетъ путаница понятій и говорить съ ними чрезвычайно трудно, и, во-вторыхъ, обыкновенно никого они не любятъ, съ женщинами не живутъ, а эта таинственность дѣйствуетъ на впечатлительныхъ людей непріятно. И наружность его мнѣ не нравилась. Онъ былъ высокъ, толстъ, бѣлъ, съ маленькой головой, съ маленькими блестящими глазами, съ бѣлыми пухлыми пальцами. Онъ не жалъ вамъ руку, а мялъ. И все бывало извиняется. Просить что-нибудь — извините, даетъ — тоже извините. Что же касается его сестры, то это лицо совсѣмъ изъ другой оперы. Надо вамъ замѣтить, что въ дѣтствѣ и въ юности я не былъ знакомъ съ Котловичами, такъ какъ мой отецъ былъ профессоромъ въ N., и мы долго жили въ провинціи, а когда я познакомился съ ними, то этой дѣвушкѣ было уже двадцать-два года, и она давно успѣла и институтъ кончить, и пожить года два-три въ Москвѣ, съ богатой теткой, которая вывозила ее въ свѣтъ. Когда я познакомился и мнѣ впервые пришлось говорить съ ней, то меня прежде всего поразило ея рѣдкое и красивое имя — Ариадна. Оно такъ шло къ ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно граціозная, съ изящными, въ высшей степени благородными чертами лица. У нея тоже блестяли глаза, но у брата они блестяли холодно и слащаво, какъ леденцы, въ ея же взглядѣ свѣтилась моло-

дось, красивая, гордая. Она покорила меня въ первый же день знакомства, — и не могло быть иначе. Первые впечатлѣнія были такъ властны, что я до сихъ поръ не расстаюсь съ иллюзіями, мнѣ все еще хочется думать, что у природы, когда она творила эту дѣвушку, былъ какой-то широкій, изумительный замыселъ. Голосъ Аріадны, ея шаги, шляпка и даже отпечатки ея ножекъ на песчаномъ берегу, гдѣ она удила пескарей, вызывали во мнѣ радость, страстную жажду жизни. По прекрасному лицу и прекраснымъ формамъ я судилъ о душевной организаціи, и каждое слово Аріадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать въ ней возвышенную душу. Она была ласкова, разговорчива, весела, проста въ обращеніи, поэтично вѣрила въ Бога, поэтично разсуждала о смерти, и въ ея душевномъ складѣ было такое богатство оттѣнковъ, что даже своимъ недостаткамъ она могла придавать какія-то особенныя, милыя свойства. Положимъ, понадобилась ей новая лошадь, а денегъ нѣтъ, — ну, что жъ за бѣда? Можно продать что-нибудь, или заложить, а если приказчикъ божится, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать тамъ за безцѣнокъ. Эти необузданныя желанія порой приводили въ отчаяніе всю усадьбу, но выражала она ихъ съ такимъ изяществомъ, что ей, въ концѣ-концовъ, все прощалось и все позволялось, какъ богинѣ или женѣ Цезаря. Любовь моя была трогательна и ее скоро всѣ замѣтили: и мой отецъ, и сосѣди, и мужики. И всѣ мнѣ сочувствовали. Когда, случалось, я угощалъ рабочихъ водкой, то они кланялись и говорили:

— Дай Богъ вамъ жениться на котловичевой барышнѣ.

И сама Аріадна знала, что я ее люблю. Она часто прѣзжала къ намъ верхомъ или на шарабанѣ и проводила иногда цѣлые дни со мною и съ отцомъ. Съ моимъ старикомъ она подружилась, и онъ даже научилъ ее кататься на велосипедѣ, — это было его любимое развлеченіе. Помню, какъ однажды вечеромъ они собрались кататься и я помогалъ ей сѣсть на велосипедъ, и въ это время она была такъ хороша, что мнѣ казалось, будто я, прикасаясь къ ней, обжигалъ себѣ руки, я дрожалъ отъ восторга, и когда они оба, старикъ и она, красивые, стройные, покатали рядомъ

по шоссе, встрѣчная вороная лошадь, на которой ѣхалъ приказчикъ, бросилась въ сторону, и мнѣ показалось, что она бросилась оттого, что была тоже поражена красотой. Моя любовь, мое поклоненіе трогали Ариадну, умиляли ее, и ей страстно хотѣлось быть тоже очарованною, какъ я, и отвѣчать мнѣ тоже любовью. Вѣдь это такъ поэтично!

Но любить по-настоящему, какъ я, она не могла, такъ какъ была холодна и уже достаточно испорчена. Въ ней уже сидѣлъ бѣсъ, который день и ночь шепталъ ей, что она очаровательна, божественна, и она, опредѣленно не знавшая, для чего собственно она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя въ будущемъ не иначе, какъ очень богатою и знатною, ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой salon и цѣлый рой графовъ, князей, посланниковъ, знаменитыхъ художниковъ и артистовъ, и все это поклоняется ей и восхищается ея красотой и туалетами... Эта жажда власти и личныхъ успѣховъ и эти постоянныя мысли все въ одномъ направленіи расколачиваютъ людей, и Ариадна была холодна: и ко мнѣ, и къ природѣ, и къ музыкѣ. Время между тѣмъ шло, а посланниковъ все не было, Ариадна продолжала жить у своего брата спирита, дѣла становились все хуже, такъ что уже ей не на что было покушать себѣ платья и шляпки и приходилось хитрить и изворачиваться, чтобы скрывать свою бѣдность.

Какъ нарочно, когда она еще жила въ Москвѣ у тетки, къ ней сватался нѣкій князь Мактуевъ, человекъ богатый, но совершенно ничтожный. Она отказала ему наотрѣзъ, Но теперь иногда ее мучилъ червь раскаянія: зачѣмъ отказала. Какъ нанимъ мужикъ дуется съ отвращеніемъ на квасъ съ тараканами и, все-таки, пьетъ, такъ и она презрливо морщилась при воспоминаніи о князѣ и, все-таки, говорила мнѣ:

— Что ни говорите, а въ титулѣ есть что-то необъяснимое, обаятельное...

Она мечтала о титулѣ, о блескѣ, по въ то же время ей не хотѣлось упустить и меня. Какъ тамъ ни мечтай о посланникахъ, а все же сердце не камень и жаль бываетъ своей молодости. Ариадна старалась влюбиться, дѣлала видъ, что любить, и даже клялась мнѣ въ любви. Но я человекъ нервный, чуткій; когда меня любятъ, то я чувствую это

даже на разстояніи, безъ увѣреній и клятвъ, тутъ же вѣяло на меня холодомъ, и когда она говорила мнѣ о любви, то мнѣ казалось, что я слышу пѣніе металлическаго соловья. Ариадна сама чувствовала, что у нея не хватаетъ пороуху, ей было досадно, и я не разъ видѣлъ, какъ она плакала. А то, можете себѣ представить, она вдругъ обняла меня порывисто и поцѣловала, — это произошло вечеромъ, на берегу, — и я видѣлъ по глазамъ, что она меня не любитъ, а обняла просто изъ любопытства, чтобы испытать себя: что, молъ, изъ этого выйдетъ. И мнѣ сдѣлалось страшно. Я взялъ ее за руки и проговорилъ въ отчаяніи:

— Эти ласки безъ любви причиняють мнѣ страданіе!

— Какой вы... чудакъ!—сказала она съ досадою и отошла.

По всей вѣроятности, прошелъ бы еще годъ-два, и я женился бы на ней, тѣмъ и кончилась бы эта исторія, но судьбѣ угодно было устроить нашъ романъ по-иному. Случилось такъ, что на нашемъ горизонтѣ появилась новая личность. Къ брату Ариадны пріѣхалъ погостить его университетскій товарищъ Лубковъ, Михаилъ Ивановичъ, милый человекъ, про котораго кучера и лакеи говорили: «за-а-нятный господинъ!» Этакъ средняго роста, тощенькій, плѣшивый, лицо, какъ у добраго буржуа, не интересное, но благообразное, блѣдное, съ жесткими холеными усами, на шеѣ гусиная кожа съ пупырышками, большой кадыкъ. Носилъ онъ рinсе-pez на широкой черной тесьмѣ, картавилъ, не выговаривая ни *p*, ни *л*, такъ что, напримѣръ, слово «сдѣлалъ» у него выходило такъ: сдѣвавъ. Онъ былъ всегда веселъ, все ему было смѣшно. Женился онъ какъ-то необыкновенно глупо, двадцати лѣтъ, получилъ въ приданое два дома въ Москвѣ, подъ Дѣвичимъ, занялся ремонтомъ и постройкой бани, разорился въ пухъ, и теперь его жена и четверо дѣтей жили въ «Восточныхъ номерахъ», терпѣли нужду, и онъ долженъ былъ содержать ихъ, — и это ему было смѣшно. Ему было 36 лѣтъ, а женѣ его уже 42,—и это тоже было смѣшно. Мать его, чванная, надутая особа съ дворянскими претензіями, презирала его жену и жила отдѣльно съ цѣлою оравой собакъ и кошекъ, и онъ долженъ былъ выдавать ей особо по 75 рублей въ мѣсяць; и самъ онъ былъ человекъ со вкусомъ, любилъ позавтракать въ Славянскомъ Базарѣ и пообѣдать въ Эрмитажѣ; денегъ

нужно было очень много, но дядя выдавалъ ему только по двѣ тысячи въ годъ, этого не хватало, и онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ по Москвѣ, какъ говорится, высунувъ языкъ, и искалъ, гдѣ бы перехватить займы,—и это тоже было смѣшно. Приѣхалъ онъ къ Котловичу, какъ говорилъ, для того, чтобы отдохнуть на лонѣ природы отъ семейной жизни. За обѣдомъ, за ужиномъ, на прогулкахъ онъ говорилъ намъ про свою жену, про мать, про кредиторовъ, судебныхъ приставовъ и смѣялся надъ ними; смѣялся надъ собой и увѣрялъ, что, благодаря этой способности брать займы, онъ приобрѣлъ много пріятныхъ знакомствъ. Смѣялся онъ, не переставая, и мы тоже смѣялись. При немъ и время мы стали проводить иначе. Я былъ склоненъ больше къ тихимъ, такъ сказать, идиллическимъ удовольствіямъ; любилъ ужение рыбы, вечернія прогулки, собиранье грибовъ; Лубковъ же предпочиталъ пикники, ракеты, охоту съ гончими. Онъ раза три въ недѣлю затѣвалъ пикники, и Ариадна съ серьезнымъ, вдохновеннымъ лицомъ записывала на бумажкѣ устрицъ, шампанскаго, конфетъ и посылала меня въ Москву, конечно, не спрашивая, есть ли у меня деньги. А на пикникахъ тосты, смѣхъ и опять жизнерадостные рассказы о томъ, какъ стара жена, какія у матери жирныя собачки, какіе милые люди кредиторы...

Лубковъ любилъ природу, но смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто давно уже извѣстное, притомъ по существу стоящее неизмѣримо ниже его и созданное только для его удовольствія. Бывало остановится передъ какимъ-нибудь великолѣпнымъ пейзажемъ и скажетъ: «Хорошо бы здѣсь чайку попцты!» Однажды увидѣвъ Ариадну, которая вдали плала съ зонтикомъ, онъ кивнулъ на нее и сказалъ:

— Она худа, и это мнѣ нравится. Я не люблю полныхъ.

Меня это покорило. Я попросилъ его не выражаться такъ при мнѣ о женщинахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ:

— Что же въ томъ дурного, что я люблю худыхъ и не люблю полныхъ?

Я ничего ему не отвѣтилъ. Потомъ какъ-то, будучи въ отличномъ расположеніи и слегка на-веселѣ, онъ сказалъ:

— Я замѣтилъ, вы Ариаднѣ Григорьевнѣ нравитесь. Удивляюсь вамъ, отчего вы зѣваете.

Миѣ стало неловко отъ этихъ словъ, и я, смущаясь, высказалъ ему свой взглядъ на любовь и женщинъ.

— Не знаю,-- вздохнулъ онъ.— По-моему, женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Пусть Ариадна Григорьевна, какъ вы говорите, поэтична и возвышенна, но это не значитъ, что она должна быть внѣ законовъ природы. Вы сами видите, она уже въ такомъ возрастѣ, когда ей нуженъ мужъ или любовникъ. Я уважаю женщинъ не меньше вашего, но думаю, что извѣстныя отношенія не исключаютъ поэзіи. Поэзія сама по себѣ, а любовникъ самъ по себѣ. Все равно, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ: красота природы сама по себѣ, а доходъ съ лѣсовъ и полей самъ по себѣ.

Когда я и Ариадна удили пескарей, Лубковъ лежалъ тутъ же на пескѣ и подшучивалъ надо мной или училъ меня, какъ жить.

— Удивляюсь, сударь, какъ это вы можете жить безъ романа!— говорилъ онъ.— Вы молоды, красивы, интересны,— однимъ словомъ, мужчина хоть куда, а живете по-монашески. Охъ, уже эти миѣ старики въ 28 лѣтъ! Я старше васъ почти на десять лѣтъ, а кто изъ насъ моложе? Ариадна Григорьевна, кто?

— Конечно, вы,— отвѣчала ему Ариадна.

И когда ему надоѣдало наше молчаніе и то вниманіе, съ какимъ мы глядѣли на поплавки, онъ уходилъ въ домъ, а она говорила, глядя на меня сердито:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы не мужчина, а какая-то, прости Господи, размазня. Мужчина долженъ увлекаться, безумствовать, дѣлать ошибки, страдать! Женщина проститъ вамъ и дерзость, и наглость, но она никогда не проститъ этой вашей разсудительности.

Она не на шутку сердилась и продолжала:

— Чтобы имѣть успѣхъ, надо быть рѣшительнымъ и смѣлымъ. Лубковъ не такъ красивъ, какъ вы, но онъ интереснѣе васъ и всегда будетъ имѣть успѣхъ у женщинъ, потому что онъ не похожъ на васъ, онъ мужчина...

И даже какое-то ожесточеніе слышалось въ ея голосѣ. Однажды за ужиномъ она, не обращая ко миѣ, стала говорить о томъ, что если бы она была мужчиной, то не кисла бы въ деревнѣ, а поѣхала бы путешествовать, жила бы зимой гдѣ-нибудь за границей, напримѣръ, въ Италіи

О, Италия! Тутъ отецъ мой невольно подлилъ масла въ огонь; онъ долго рассказывалъ про Италію, какъ тамъ хорошо, какая чудная природа, какіе музеи! У Аріадны вдругъ загорѣлось желаніе ѣхать въ Италію. Она даже кулакомъ по столу ударила и глаза у ней засверкали: ѣхать!

И начались затѣмъ разговоры, какъ хорошо будетъ въ Италіи,—ахъ Италия, ахъ да охъ—и такъ каждый день, и когда Аріадна глядѣла мнѣ черезъ плечо, то по ея холодному и упрямому выраженію я видѣлъ, что въ своихъ мечтахъ она уже покорила Италію со всѣми ея салонами, знатными иностранцами и туристами и что удержать ее уже невозможно. Я совѣтовалъ обождать немного, отложить поѣздку на годъ-два, но она брезгливо морщилась и говорила:

— Вы разсудительны, какъ старая баба.

Лубковъ же былъ за поѣздку. Онъ говорилъ, что это обойдется очень дешево и что онъ тоже съ удовольствіемъ поѣдетъ въ Италію и отдохнетъ тамъ отъ семейной жизни. Я, каюсь, велъ себя наивно, какъ гимназистъ. Не изъ ревности, а изъ предчувствія чего-то страшнаго, необычайнаго, я старался, когда было возможно, не оставлять ихъ вдвоемъ, и они подшучивали надо мной; напримѣръ, когда я входилъ, дѣлали видъ, что только-что цѣловались и т. п.

Но вотъ въ одно прекрасное утро является ко мнѣ ея пухлый, бѣлый братъ—спиритъ и выражаетъ желаніе поговорить со мной наединѣ. Это былъ человѣкъ безъ воли; несмотря на воспитаніе и деликатность, онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не прочесть чужого письма, если оно лежало передъ нимъ на столѣ. И теперь въ разговорѣ онъ признался, что печально прочелъ письмо Лубкова къ Аріаднѣ.

— Изъ этого письма я узналъ, что она въ скоромъ времени уѣзжаетъ за границу. Милый другъ, я очень взволнованъ! Объясните мнѣ Бога ради, я ничего не понимаю!

Когда онъ говорилъ это, то тяжело дышалъ, дышалъ мнѣ прямо въ лицо, и отъ него пахло вареной говядиной.

— Извините, я посвящаю васъ въ тайны этого письма,—продолжалъ онъ: — но вы другъ Аріадны, она васъ уважаетъ! Быть-можетъ, вамъ извѣстно что-нибудь. Она хочетъ уѣхать, но съ кѣмъ? Господинъ Лубковъ тоже собирается съ ней ѣхать. Извините, но это даже странно со

стороны господина Лубкова. Онъ—женатый человекъ, имѣетъ дѣтей, а между тѣмъ объясняется въ любви, пишетъ Ариаднѣ *ты*. Извините, но это странно!

Я похолодѣлъ, руки и ноги у меня онѣмѣли, и я почувствовалъ въ груди боль, какъ будто положили туда треугольный камень. Котловичъ въ изнеможеніи опустился въ кресло, и руки у него повисли, какъ плети.

-- Что же я могу сдѣлать?—спросилъ я.

-- Внушить ей, убѣдить... Посудите: что ей Лубковъ? Паря ли онъ ей? О, Боже, какъ это ужасно, какъ ужасно!—продолжалъ онъ, хватая себя за голову. У нея такія чудесныя партіи, какъ Мактуевъ и... и другіе. Князь обожаетъ ее и не дальше, какъ въ среду на прошлой недѣлѣ, его покойный дѣдъ Иларіонъ положительно, какъ дважды два, подтверждалъ, что Ариадна будетъ его женой. Положительно! Дѣдъ Иларіонъ уже мертвъ, но это изумительно умный человекъ. Духъ его мы вызываемъ каждый день.

Послѣ этого разговора я не спалъ всю ночь, хотѣлъ застрѣлиться. Утромъ я написалъ пять писемъ и всѣ изорвалъ въ клочки, потомъ рыдалъ въ ритѣ, потомъ взялъ у отца денегъ и уѣхалъ на Кавказъ не простившись.

Конечно, женщина есть женщина, и мужчина есть мужчина, но неужели все это такъ же просто въ наше время, какъ было до потопа, и неужели я, культурный человекъ, одаренный сложною духовною организаціей, долженъ объяснить свое сильное влеченіе къ женщинѣ только тѣмъ, что формы тѣла у нея инныя, чѣмъ у меня? О, какъ бы это было ужасно! Мнѣ хочется думать, что боровшійся съ природой человѣческой геній боролся и съ физической любовью, какъ съ врагомъ, и что если онъ и не побѣдилъ ее, то все же удалось ему опутать ее сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня по крайней мѣрѣ это уже не просто отправление моего животнаго организма, какъ у собаки или лягушки, а настоящая любовь, и каждое объятіе бываетъ одухотворено чистымъ сердечнымъ порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отвращеніе къ животному инстинкту воспитывалось вѣками въ сотняхъ поколѣній. Оно унаслѣдовано мною съ кровью и составляетъ часть моего существа, и если я теперь поэтизирую любовь, то не такъ же ли это естественно и необходимо въ наше время, какъ то, что мои ушиныя раковины неподвижны и что я не по-

ерить шерстью. Мнѣ кажется, такъ мыслить большинство культурныхъ людей, такъ какъ въ настоящее время отсутствіе въ любви нравственнаго и поэтическаго элемента третируется уже, какъ явленіе атавизма; говорятъ, что оно есть симптомъ вырожденія, многихъ помѣшательствъ. Правда, поэтизируя любовь, мы предполагаемъ въ тѣхъ, кого любимъ, достоинства, какихъ у нихъ часто не бываетъ, ну а это служить для насъ источникомъ постоянныхъ ошибокъ и постоянныхъ страданій. Но ужъ лучшее, по-моему, пусть будетъ такъ, то-есть лучше страдать, чѣмъ успокаивать себя на томъ, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина.

Въ Тифлисѣ я получилъ отъ отца письмо. Онъ писалъ, что Ариадна Григорьевна такого-то числа отбыла за границу съ намѣреніемъ прожить тамъ всю зиму. Черезъ мѣсяцъ я вернулся домой. Была уже осень. Каждую недѣлю Ариадна присылала моему отцу письма на душистой бумагѣ, очень интересныя, написанныя прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Я того мнѣнія, что каждая женщина можетъ быть писательницей. Ариадна очень подробно описывала, какъ ей не легко было помириться съ своей теткой и выпросить у нея на дорогу тысячу рублей и какъ долго она отыскивала въ Москвѣ одну свою дальнюю родственницу, старушку, чтобъ уговорить ее ѣхать вмѣстѣ. Это излишество подробностей очень ужъ отдавало сочиненностью, и я понималъ, конечно, что никакой у нея спутницы не было. Немного погодя, я получилъ отъ нея письмо, тоже душевное и литературное. Она писала, что соскучилась по мнѣ, по моимъ красивымъ, умнымъ, влюбленнымъ глазамъ, дружески упрекала, что я гублю свою молодость, кисну въ деревнѣ въ то время, какъ могъ бы, подобно ей, жить въ раю, подъ пальмами, вдыхать въ себя ароматы апельсиновыхъ деревьевъ. И подписалась такъ: «брошенная вами Ариадна». Потомъ дня черезъ два другое письмо въ томъ же родѣ и подпись: «забытая вами». У меня мутилось въ головѣ. Любилъ я ее страстно, снилась она мнѣ каждую ночь, а тутъ еще «брошенная», «забытая»—къ чему это? для чего?—а тутъ еще деревенская скука, длинные вечера, тягучія мысли насчетъ Лубкова... Неизвѣстность мучила меня, отравляла мнѣ дни и ночи, стало невыносимо. Я не выдержалъ и поѣхалъ.

Ариадна звала меня въ Аббацію. Я прѣхалъ туда въ ясный, теплый день послѣ дождя, капли котораго еще висѣли на деревьяхъ, и остановился въ томъ же громадномъ, похожемъ на казарму *dépendance*'ѣ, гдѣ жили Ариадна и Лубковъ. Ихъ не было дома. Я отправился въ здѣшній паркъ, побродилъ по аллеямъ, потомъ сѣлъ. Прошелъ мимо австрійскій генераль, заложивъ руки назадъ, съ такими же красными лампасами, какіе носятъ наши генералы. Провезли въ колясочкѣ младенца, и колеса визжали по сырому песку. Прошелъ дряхлый старикъ съ желтухой, толпа англичанокъ, кзэндзъ, потомъ опять австрійскій генераль. Поплелись къ будкѣ военные музыканты, только-что прѣхавшіе изъ Фіуме, со сверкающими трубами; заиграла музыка. Вы бывали когда-нибудь въ Аббаціи? Это грязный славянскій городишка съ одною только улицей, которая воняетъ и по которой послѣ дождя нельзя проходить безъ калошъ. Я такъ много и всякій разъ съ такимъ умиленіемъ читалъ про этотъ рай земной, что когда я нотомъ, подсучивъ брюки, осторожно переходилъ черезъ узкую улицу и отъ скуки покупалъ жесткія груши у старой бабы, которая, узнавъ во мнѣ русскаго, говорила «чигиры», «двадцать», и когда я въ недоумѣніи спрашивалъ себя, куда же мнѣ, наконецъ, идти и что мнѣ тутъ дѣлать, и когда мнѣ непремѣнно встрѣчались русскіе, обманутые такъ же, какъ я, то мнѣ становилось досадно и стыдно. Тутъ есть тихая бухта, по которой ходятъ пароходы и лодки съ разноцвѣтными парусами; отсюда видны и Фіуме, и далекіе острова, покрытые лиловатою мглой, и это было бы картинно, если бы видъ на бухту не загораживали отели и ихъ *dépendance*'ы нелѣпой мѣщанской архитектуры, которыми застроили весь этотъ зеленый берегъ жадные торгаша, такъ что большею частью вы ничего не видите въ раю, кромѣ оконъ, террасъ и площадокъ съ бѣлыми столиками и черными лакейскими фраками! Тутъ есть паркъ, какой вы найдете теперь во всякомъ заграничномъ курортѣ. И темная, неподвижная, молчаливая зелень пальмъ, и ярко-желтый песокъ на аллеяхъ, и ярко-зеленыя скамьи, и блескъ ревущихъ солдатскихъ трубъ, и красные лампасы генерала— все это падоѣдаетъ въ десять минутъ. А, между тѣмъ, вы обязаны почему-то прожить здѣсь десять дней, десять недѣль! Таскаясь поперекъ по этимъ курортамъ, я все болѣе

убѣждался, какъ неудобно и скупо живетъ сытымъ и богатымъ, какъ вяло и слабо воображеніе у нихъ, какъ не смѣлы ихъ вкусы и желанія. И во сколько разъ счастливѣе ихъ тѣ старыя и молодыя туристы, которые, не имѣя денегъ, чтобы жить въ отеляхъ, живутъ, гдѣ придется, любуются видомъ моря съ высоты горъ, лежатъ на зеленой травѣ, ходятъ пѣшкомъ, видятъ близко лѣса, деревни, наблюдаютъ обычаи страны, слышатъ ея пѣсни, влюбляются въ ея женщинъ...

Пока я сидѣлъ въ паркѣ, стало темнѣть и въ сумеркахъ показалась моя Ариадна, изящная и нарядная, какъ принцесса; за нею шелъ Лубковъ, одѣтый во все новое и широкое, купленное, вѣроятно, въ Вѣнѣ.

— Что же вы сядите? — говорилъ онъ. — Что я вамъ сдѣлаю?

Увидѣвъ меня, она вскрикнула отъ радости, и если бы это было не въ паркѣ, навѣрное, бросилась бы мнѣ на шею; она крѣпко жала мнѣ руки и смѣялась, и я тоже смѣялся и едва не плакалъ отъ волненія. Начался разговоръ: какъ въ деревнѣ, что отецъ, видѣлъ ли я брата и проч. Она требовала, чтобы я смотрѣлъ ей въ глаза, и спрашивала, помню ли я нескарей, наши маленькія ссоры, пикники...

— Въ сущности, какъ все это было хорошо, — вздохнула она. — Но мы и здѣсь живемъ не скучно. У насъ есть много знакомыхъ, мой милый, мой хорошій! Завтра я представлю васъ здѣсь одному русскому семейству. Только, пожалуйста, купите себѣ другую шляпу. — Она оглядѣла меня и поморщилась. — Аббачія не деревня, — сказала она. — Тутъ надѣ бытъ комильфо.

Потомъ мы пошли въ ресторанъ. Ариадна все время смѣялась, шалила и называла меня милымъ, хорошимъ, умнымъ и точно глазамъ своимъ не вѣрила, что я съ ней. Такъ просидѣли мы часовъ до одиннадцати и разошлись очень довольные и ужиномъ, и другъ другомъ. На другой день Ариадна представила меня русскому семейству: «сынъ извѣстнаго профессора, нашъ сосѣдъ по имѣнію». Говорила она съ этимъ семействомъ только объ имѣніяхъ и урожаяхъ, и при этомъ все ссылалась на меня. Ей хотѣлось казаться очень богатой помѣщицей и, право, это ей удавалось. Дер-

жалась она превосходно, какъ настоящая аристократка, какою, впрочемъ, она и была по происхожденію.

— Но какова тетя! — сказала она вдругъ, глядя на меня съ улыбкой. — Мы съ ней немножко поссорились, и она укатила въ Меранъ. Какова?

Потомъ, когда мы гуляли съ ней въ паркѣ, я спросилъ:

— Про какую это вы тетю говорили давеча? Что еще за тетя?

— Это ложь во спасеніе, — разсмѣялась Ариадна. — Они не должны знать, что я безъ спутницы. — Послѣ минутнаго молчанія она прижалась ко мнѣ и сказала: — Голубчикъ, милый, подружитесь съ Лубковымъ! Онъ такой несчастный! Его мать и жена просто ужасны.

Она говорила Лубкову *вы* и, уходя спать, прощалась съ нимъ такъ же, какъ со мной, «до завтра», и жили они въ разныхъ этажахъ, — это подавало мнѣ надежду, что все вздоръ и никакого романа у нихъ нѣтъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, я чувствовалъ себя легко. И когда онъ однажды попросилъ у меня триста рублей займа, то я далъ ему ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Каждый день мы гуляли и только гуляли. То бродили по парку, то ѣли, то пили. Каждый день разговоры съ русскимъ семействомъ. Я мало-по-малу привыкъ къ тому, что если я войду въ паркъ, то непременно встрѣчу старика съ желтухой, ксендза и австрійскаго генерала, который носилъ съ собою колоду маленькихъ картъ и, гдѣ только можно было, садился и раскладывалъ пасьянсъ, нервно подергивая плечами. И музыка играла все одно и то же. Дома въ деревнѣ мнѣ бывало стыдно отъ мужиковъ, когда я въ будни ѣздилъ съ компаніей на пикникъ или удить рыбу, такъ и здѣсь мнѣ было стыдно отъ лакеевъ, кучеровъ, встрѣчныхъ рабочихъ; мнѣ все казалось, что они глядѣли на меня и думали: «Почему ты ничего не дѣлаешь?» И этотъ стыдъ я испытывалъ отъ утра до вечера, каждый день. Странное, непріятное, монотонное время; разнообразилось оно развѣ только тѣмъ, что Лубковъ бралъ у меня займа то сто, то пятьдесятъ гульденовъ, и отъ денегъ вдругъ оживалъ, какъ морфинистъ отъ морфія, и начиналъ шумно смѣяться надъ женой, надъ собой, или надъ кредиторами.

Но вотъ пошли дожди, стало холодно. Мы поѣхали въ Италию, и я телеграфировалъ отцу, чтобы онъ, Бога ради,

прислать мнѣ въ Римъ переводомъ рублей восемьсотъ. Мы останавливались въ Венеціи, въ Болоньѣ, во Флоренціи и въ каждомъ городѣ непременно попадали въ дорогой отель, гдѣ съ насъ драли отдѣльно и за освѣщеніе, и за прислугу, и за отопленіе, и за хлѣбъ къ завтраку, и за право пообѣдать не въ общей залѣ. Ъли мы ужасно много. Утромъ намъ подавали *café complet*. Въ часть завтракъ: мясо, рыба, какой-нибудь омлетъ, сыръ, фрукты и вино. Въ шесть часовъ обѣдъ изъ восьми блюдъ, съ длинными антрактами, въ теченіе которыхъ мы пили пиво и вино. Въ девятомъ часу чай. Передъ полуночью Ариадна объявляла, что она хочетъ ѣсть, и требовала ветчины и яиць всмятку. Съ ней за компанію ѣли и мы. А въ промежуткахъ между ѣдой мы бѣгали по музеямъ и выставкамъ, съ постоянною мыслью, какъ бы не опоздать къ обѣду или завтраку. Я тосковалъ передъ картинами, меня тянуло домой полежать, я утомлялся, искалъ глазами стула и лицемѣрно повторялъ за другими: «Какая прелесть! Сколько воздуха!» Мы, какъ сытые удавы, обращали вниманіе только на блестящіе предметы, окна магазиновъ гипнотизировали насъ, и мы восхищались фальшивыми брошками и покупали массу ненужныхъ, ничтожныхъ вещей.

То же было и въ Римѣ. Тутъ шелъ дождь, дулъ холодный вѣтеръ. Послѣ жирнаго завтрака мы поѣхали осматривать храмъ Петра и, благодаря нашей сытости и, быть можетъ, дурной погодѣ, онъ не произвелъ на насъ никакого впечатлѣнія, и мы, уличая другъ друга въ равнодушіи къ искусству, едва не поссорились.

Пришли отъ отца деньги. Я отправился получать ихъ, помню, утромъ. Со мной пошелъ и Любковъ.

— Настоящее не можетъ быть полнымъ и счастливымъ, когда есть прошлое,—сказалъ онъ.—У меня отъ прошлаго остался на шеѣ большой багажъ. Впрочемъ, будь деньги, все бы не бѣда, а то яко нагъ, яко благъ... Вѣрите ли, у меня осталось только восемь франковъ,—продолжалъ онъ, понижая голосъ: — между тѣмъ, я долженъ послать женѣ сто и матери столько же. Да и здѣсь надо жить. Ариадна, точно ребенокъ, не хочетъ войти въ положеніе и сорить деньгами, какъ герцогиня. Для чего она вчера купила часы? И, скажите, для чего это намъ продолжать разыгрывать изъ себя какихъ-то паннекъ? Вѣдь то, что она и

я скрываю отъ прислуги и знакомыхъ наши отношенія, обходится намъ въ сутки лишнихъ 10—15 франковъ, такъ какъ я занимаю отдѣльный номеръ. Для чего это?

Острый камень повернулся у меня въ груди. Незвѣстности уже не было, все уже было ясно для меня, я весь похолодѣлъ, и тотчасъ же у меня явилось рѣшеніе: не видѣть ихъ обоихъ, бѣжать отъ нихъ, немедленно ѣхать домой...

— Сходиться съ женщиной легко, — продолжалъ Лубковъ: — стоитъ только раздѣть ее, а потомъ какъ все это тяжело, какая ерунда!

Когда я считалъ полученные деньги, онъ сказалъ:

— Если вы не дадите мнѣ тысячу франковъ займа, то я долженъ буду погибнуть. Эти ваши деньги для меня единственный ресурсъ.

Я далъ ему, и онъ тотчасъ же оживился и сталъ смѣяться надъ своимъ дядей, чудакомъ, который не могъ сохранить въ тайнѣ отъ жены его адреса. Придя въ отель, я уложился и заплатилъ по счету. Оставалось проститься съ Ариадной.

Я постучался къ ней.

— Entrez!

Въ ея номерѣ былъ утренній беспорядокъ: на столѣ чайная посуда, недоѣденная булка, яичная скорлупа; сильный, удушающій запахъ духовъ. Постель была не убрана и было очевидно, что на ней спали двое. Сама Ариадна недавно еще встала съ постели и была теперь во фланелевой блузѣ, не причесанная.

Я поздоровался, потомъ молча посидѣлъ минуту, пока она старалась привести въ порядокъ свои волосы, и спросилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Зачѣмъ... зачѣмъ вы выписали меня сюда за границу?

Повидимому, она догадалась, о чемъ я думаю; она взяла меня за руку и сказала:

— Я хочу, чтобы вы были тутъ. Вы такой чистый!

Мнѣ стало стыдно своего волненія, своей дрожи. А вдругъ еще зарыдаю! Я вышелъ, не сказавши больше ни слова, и, часъ спустя, уже сидѣлъ въ вагонѣ. Всю дорогу почему-то я воображалъ Ариадну беременной, и она была мнѣ противна, и всѣ женщины, которыхъ я видѣлъ въ вагонахъ и на станціяхъ, казались мнѣ почему-то беремен-

ными и были тоже противны и жалки. Я находился въ положеніи того жаднаго, страстнаго корыстолюбца, которій вдругъ открылъ бы, что всё его червонцы фальшивы. Чистые, граціозные образы, которые такъ долго лелѣяло мое воображеніе, подогрѣваемое любовью, мои планы, надежды, мои воспоминанія, взгляды мои на любовь и женщину, — все это теперь смѣялось надо мной и показывало мнѣ языкъ. Ариадна, спрашивалъ я съ ужасомъ, эта молодая, замѣчательно красивая, интеллигентная дѣвушка, дочь сенатора, въ связи съ такимъ зауряднымъ, неинтереснымъ пошлякомъ? Но почему же ей не любить Лубкова?—отвѣчалъ я себѣ. Чѣмъ онъ хуже меня? О, пусть она любитъ, кого ей угодно, но зачѣмъ лгать? Но съ какой стати она должна быть откровенна со мной? И такъ далѣе, все въ такомъ родѣ, до одурѣнія. А въ вагонѣ было холодно. Ъхалъ я въ первомъ классѣ, но тамъ сидятъ по-трое на одномъ диванѣ, двойныхъ рамъ нѣтъ, наружная дверь отворяется прямо въ купэ,—и я чувствовалъ себя, какъ въ колодежкахъ, стиснутымъ, брошеннымъ, жалкимъ, и ноги странно зябли, и, въ то же время, то и дѣло приходило на память, какъ обольстительна она была сегодня въ своей блузѣ и съ распущенными волосами, и такая сильная ревность вдругъ овладѣвала мной, что я вскакивалъ отъ душевной боли, и сосѣди мои смотрѣли на меня съ удивленіемъ и даже страхомъ.

Дома я засталъ сугробы и двадцатиградусный морозъ. Я люблю зиму, люблю, потому что въ это время дома, даже въ трескучіе морозы, мнѣ бывало особенно тепло. Приятно, надѣвши полушубокъ и валенки, въ ясный морозный день дѣлать что-нибудь въ саду или изъ дворъ, или читать у себя въ жарко-патоленной комнатѣ, сидѣть въ кабинетѣ отца передъ каминомъ, мыться въ своей деревенской банѣ... Только вотъ если иѣтъ въ домѣ матери, сестры или дѣтей, то какъ-то жутко въ зимніе вечера, и кажутся они необыкновенно длинными и тихими. И чѣмъ теплѣе и уютнѣе, тѣмъ сильнѣе чувствуется это отсутствіе. Въ ту зиму, когда я вернулся изъ-за границы, вечера были длинные-длинные, я сильно тосковалъ и отъ тоски не могъ даже читать; днемъ еще туда-сюда, то снѣгъ въ саду почистить, то куръ и телятъ покормить, а по вечерамъ—хоть пропадай.

Прежде я не любилъ гостей, теперь же бывалъ имъ радъ, такъ какъ зналъ, что непременно будетъ разговоръ объ

Аріаднѣ. Часто прїѣзжалъ спирить Котловичъ, чтобы поговорить о сестрѣ, и иногда привозилъ съ собою своего друга князя Мактуева, который былъ влюбленъ въ Аріадну не менѣе моего. Сидѣть въ комнатѣ Аріадны, перебирать клавиши ея піанино, смотрѣть въ ея ноты,—для князя было уже потребностью, онъ не могъ жить безъ этого, а духъ дѣда Иларіона продолжалъ предсказывать, что рано или поздно она будетъ его женой. У насъ обыкновенно князь сидѣлъ подолгу, такъ отъ завтрака до полуночи, и все молчалъ; молча выпивалъ бутылки двѣ-три пива и только изрѣдка, чтобы показать, что онъ тоже участвуетъ въ разговорѣ, смѣялся отрывистымъ, печальнымъ, глуповатымъ смѣхомъ. Передъ тѣмъ, какъ уѣхать домой, онъ всякій разъ отводилъ меня въ сторону и говорилъ вполголоса:

— Когда вы видѣли въ послѣдній разъ Аріадну Григорьевну? Здорова ли она? Я думаю, ей тамъ не скучно?

Наступила весна. Надо было ходить на тягу, потому сѣять яровыя и клеверъ. Было грустно, но уже по-весеннему: хотѣлось мириться съ потерей. Работая въ полѣ и слушая жаворонковъ, я спрашивалъ себя: не покончить ли ужъ сразу съ этимъ вопросомъ личнаго счастья, не жениться ли мнѣ безъ затѣи на простой крестьянской дѣвушкѣ? Какъ вдругъ въ самый разгаръ работъ получаю письмо съ итальянской маркой. И клеверъ, и пасѣка, и телята, и крестьянская дѣвушка — все разлетѣлось, какъ дымъ. На этотъ разъ Аріадна писала, что она глубоко, бесконечно несчастна. Она упрекала меня, что я не протянулъ ей руку помощи, а взглянулъ на нее съ высоты своей добродѣтели и покинулъ ее въ минуту опасности. Все это было написано крупнымъ нервнымъ почеркомъ, съ помарками и кляксами, и видно было, что она торопилась писать и страдала. Въ заключеніе, она умоляла меня прїѣхать и спасти ее.

Опять меня сорвало съ якоря и понесло. Аріадна жила въ Римѣ. Прїѣхалъ я къ ней поздно вечеромъ и, когда она увидѣла меня, то зарыдала и бросилась мнѣ на шею. За зиму она нисколько не измѣнилась и была все такъ же молода и прелестна. Мы вмѣстѣ поужинали и потомъ до разсвѣта катались по Риму, и все время она рассказывала мнѣ про свое житье-бытье. Я спросилъ, гдѣ Лубковъ.

— Не напоминайте мнѣ про эту тварь!— крикнула она.— Онъ мнѣ противенъ и гадокъ!

— Но, вѣдь, вы, кажется, любили его,— сказала я.

— Никогда! На первыхъ порахъ онъ казался оригинальнымъ и возбуждалъ жалость — вотъ и все. Онъ нахаленъ, беретъ женщину приступомъ, и это привлекательно. Но не будемъ говорить о немъ. Это печальная страница моей жизни. Онъ уѣхалъ въ Россію за деньгами—туда ему и дорога! Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ возвращаться.

Она жила уже не въ отелѣ, а на частной кваргирѣ изъ двухъ комнатъ, которая убрала по своему вкусу, холодно и роскошно. Послѣ того, какъ уѣхалъ Лубковъ, она задолжала своимъ знакомымъ около пяти тысячъ франковъ, и мой пріѣздъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ для нея спасеніемъ. Я рассчитывалъ увезти ее въ деревню, но это мнѣ не удалось. Она тосковала по родинѣ, но воспоминанія о пережитой бѣдности, о недостаткахъ, о заржавленной крышѣ на домѣ брата вызывали въ ней отвращеніе, дрожь, и когда я предлагалъ ей ѣхать домой, она судорожно сжимала мнѣ руки и говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я тамъ умру съ тоски!

Затѣмъ любовь моя вступила въ свой послѣдній фазисъ, въ свою послѣднюю четверть.

— Будьте прежнимъ дусей, любите меня немножко,— говорила Ариадна, склоняясь ко мнѣ.— Вы угрюмы и разсудительны, бонитесь отдаться порыву и все думаете о послѣдствіяхъ, а это скучно. Ну, прошу васъ, умоляю, будьте ласковы!.. Мой чистый, мой святой, мой милый, я васъ такъ люблю!

Я сталъ ея любовникомъ. По крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ я былъ какъ сумасшедшій, испытывая одинъ восторгъ. Держать въ объятіяхъ молодое, прекрасное тѣло, наслаждаться имъ, чувствовать всякій разъ, пробудившись отъ сна, ея теплоту и вспоминать, что она тутъ, она, моя Ариадна, — о, къ этому не легко привыкнуть! Но я, все-таки, привыкъ и мало-по-малу сталъ относиться къ своему новому положенію сознательно. Прежде всего я понялъ, что Ариадна, какъ и прежде, не любила меня. Но ей хотѣлось любить серьезно, она боялась одиночества, а главное я былъ молодъ, здоровъ, крѣпокъ, она же была чувствительна, какъ всѣ вообще холодные люди—и мы оба дѣлали видъ,

что сошлись по взаимной страстной любви. Затѣмъ я по-
нять кое-что и другое.

Жили мы въ Римѣ, въ Неаполѣ, во Флоренці; поѣхали-
было въ Парижъ, но тамъ намъ показалось холодно, и мы
вернулись въ Италию. Мы всюду рекомендовались мужемъ
и женой, богатыми помѣщиками, съ нами охотнознакоми-
лись, и Ариадна имѣла большой успѣхъ. Такъ какъ она
брала уроки живописи, то ее называли художницей и, пред-
ставьте, къ ней это очень шло, хотя таланта не было ни
малѣйшаго. Спала она каждый день до двухъ, до трехъ ча-
совъ; кофе пила и завтракала въ постели. За обѣдомъ она
сѣдала супъ, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и по-
томъ, когда ложилась, я подавалъ ей въ постель что-ни-
будь, напримѣръ, ростбѣфа, и она сѣдала его съ печаль-
нымъ, озабоченнымъ выраженіемъ, а проснувшись ночью,
кушала яблоки и апельсины.

Главнымъ, такъ сказать, основнымъ свойствомъ этой
женщины было изумительное лукавство. Она хитрила по-
стоянно, каждую минуту, повидимому, безъ всякой надоб-
ности, а какъ бы по инстинкту, по тѣмъ же побужденіямъ,
по какимъ воробей чирикаетъ или тараканъ шевелить
усами. Она хитрила со мной, съ лакеями, съ портье, съ
торговцами въ магазинахъ, со знакомыми; безъ кривлянья
и ломанья не обходился ни одинъ разговоръ, ни одна
встрѣча. Нужно было войти въ нашъ номеръ мужчинъ, —
кто бы онъ ни былъ, гарсонъ или баринъ, — какъ она мѣ-
няла взглядъ, выраженіе, голосъ, и даже контуры ея фи-
гуры мѣнялись. Если бы вы видѣли ее тогда хоть разъ,
то сказали бы, что болѣе свѣтскихъ и болѣе богатыхъ лю-
дей, чѣмъ мы, нѣтъ во всей Итали. Ни одного художника
и музыканта она не пропускала, чтобы не налгать ему
всякаго вздора по поводу его замѣчательнаго таланта.

— Вы такой талантъ! — говорила она сладко-пѣвучимъ
голосомъ. — Съ вами даже страшно. Я думаю, вы должны
видѣть людей насквозь.

И все это для того, чтобы нравиться, имѣть успѣхъ,
быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро съ един-
ственной мыслью: «нравиться!» И это было цѣлью и смы-
сломъ ея жизни. Если бы я сказалъ ей, что на такой-то
улицѣ въ такомъ-то домѣ живетъ человекъ, которому она
не нравится, то это заставило бы ее серьезно страдать.

Ей каждый день нужно было очаровывать, плѣнять, сводить съ ума. То, что я былъ въ ея власти и передъ ея чарами обращался въ совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслажденіе, какое побѣдители испытывали когда-то на турнирахъ. Моего униженія было не достаточно, и она еще по ночамъ, развалившись, какъ тигрица, не укрытая, — ей всегда бывало жарко, — читала письма, которыя присылалъ ей Лубковъ; онъ умолялъ ее вернуться въ Россію, иначе клялся обокрасть кого-нибудь или убить, чтобы только добыть денегъ и пріѣхать къ ней. Она ненавидѣла его, но его страстныя, рабскія письма волновали ее. О своихъ чарахъ она была необыкновеннаго мнѣнія; ей казалось, что если бы гдѣ-нибудь въ многолюдномъ собраніи увидѣли, какъ хорошо она сложена и какого цвѣта у нея кожа, то она побѣдила бы всю Италію, весь свѣтъ. Эти разговоры о сложеніи, о цвѣтѣ кожи оскорбляли меня, и, замѣтивъ это, она, когда бывала сердита, чтобы досадить мнѣ, говорила всякія пошлости и дразнила меня, и дошло даже до того, что однажды на дачѣ у одной дамы она разсердилась и сказала мнѣ:

— Если вы не перестанете надоедать мнѣ вашими поученіями, то я сейчасъ же раздѣнусь и голая лягу вотъ на эти цвѣты!

Часто, глядя, какъ она спитъ или ѣсть, или старается придать своему взгляду наивное выраженіе, я думалъ: для чего же даны ей Богомъ эта необыкновенная красота, грація, умъ? Неужели для того только, чтобы валяться въ постели, ѣсть и лгать, лгать безъ конца? Да и была ли она умна? Она боялась трехъ свѣчей, тринадцатаго числа, приходила въ ужасъ отъ глаза и дурныхъ сновъ, о свободной любви и вообще свободѣ толковала, какъ старая богомолка, увѣряла, что Болеславъ Маркевичъ лучше Тургенева. Но она была дьявольски хитра и остроумна, и въ обществѣ умѣла казаться очень образованнымъ, передовымъ человѣкомъ.

Ей ничего не стоило даже въ веселую минуту оскорбить прислугу, убить насѣкомое; она любила бой быковъ, любила читать про убійства и сердилась, когда подсудимыхъ оправдывали.

При той жизни, какую вели я и Аріадна, намъ много нужно было денегъ. Бѣдный отецъ высылалъ мнѣ свою

пенсію, всѣ свои доходишки, занималъ для меня, гдѣ только можно было, и когда онъ однажды отвѣтилъ мнѣ «*non habeo*», я послалъ ему отчаянную телеграмму, въ которой умолялъ заложить имѣніе. Немного погодя, я попросилъ его взять гдѣ-нибудь денегъ подъ вторую закладную. То и другое онъ исполнилъ безропотно и выслалъ мнѣ всѣ деньги до копейки. А Ариадна презирала практику жизни, ей не было никакого дѣла до всего этого и, когда я, бросая тысячи франковъ на удовлетвореніе ея безумныхъ желаній, кряхтѣлъ, какъ старое дерево, она съ легкой душой напѣвала «*Addio bella Napoli*». Мало-помалу я охладѣлъ къ ней и сталъ стыдиться нашей связи. Я не люблю беременности и родовъ, но теперь уже мечталъ иногда о ребенкѣ, который былъ бы хотя формальнымъ оправданіемъ этой нашей жизни. Чтобы не опротивѣть себѣ окончательно, я сталъ посѣщать музеи и галлеи и читать книжки, мало ѣлъ и бросилъ пить. Этакъ гоняешь себя на кордѣ отъ утра до вечера, оно какъ будто на душѣ легче.

Надоѣлъ и я Ариаднѣ. Кстати же люди, у которыхъ она имѣла успѣхъ, были все средніе люди, посланниковъ и салона попрежнему не было, денегъ не хватало, и это оскорбляло ее и заставляло рыдать, и она объявила мнѣ, наконецъ, что, пожалуй, она не прочь бы и въ Россію. И вот мы ѣдемъ. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ отъѣздомъ она усердно переписывалась со своимъ братомъ, у нея, очевидно, какіе-то тайные замыслы, а какіе—Богъ вѣсть. Мнѣ уже надоѣло вникать въ ея хитрости. Но мы ѣдемъ не въ деревню, а въ Ялту, потомъ изъ Ялты на Кавказъ. Теперь она можетъ жить только въ курортахъ, а если бъ вы знали, до какой степени я ненавижу всѣ эти курорты, какъ въ нихъ мнѣ бываетъ душно и стыдно. Мнѣ бы теперь въ деревню! Мнѣ бы теперь работать, добывать хлѣбъ въ потѣ лица, искупать свои ошибки. Теперь я чувствую въ себѣ избытокъ силъ, и мнѣ кажется, что, напряжи эти силы, я выкупилъ бы имѣніе въ пять лѣтъ. Но вотъ, какъ видите, осложненіе. Здѣсь не заграница, а Россія матушка, приходится подумать о законномъ бракѣ. Конечно, увлеченіе уже прошло, любви прежней нѣтъ и въ поминѣ, но, какъ бы ни было, я обязанъ на ней жениться.

Шамохинъ, взволнованный своимъ рассказомъ, и я спу-
скались внизъ и продолжали говорить о женщинахъ. Было
уже поздно. Оказалось, что онъ и я помѣщались въ одной
каютѣ.

— Пока только въ деревняхъ женщина не отстаеетъ отъ
мужчины, — говорилъ Шамохинъ: — тамъ она такъ же
мыслить, чувствуетъ и такъ же усердно борется съ при-
родой во имя культуры, какъ и мужчина. Городская же,
буржуазная, интеллигентная женщина давно уже отстала
и возвращается къ своему первобытному состоянію, на-
половину она уже человѣкъ-звѣрь и, благодаря ей, очень
многое, что было завоевано человѣческимъ гениемъ, уже
потеряно; женщина мало-по-малу исчезаетъ, на ея мѣсто
садится первобытная самка. Эта отсталость интеллигент-
ной женщины угрожаетъ культурѣ серьезной опасностью;
въ своемъ регрессивномъ движеніи она старается увлечь
за собой мужчину и задерживаетъ его движеніе впередъ.
Это несомнѣнно.

Я спросилъ: зачѣмъ обобщать, зачѣмъ по одной Ариаднѣ
судить обо всѣхъ женщинахъ? Уже одно стремленіе жен-
щинъ къ образованію и равноправію половъ, которое я
понимаю, какъ стремленіе къ справедливости, само по себѣ
исключаетъ всякое предположеніе о регрессивномъ движе-
ніи. Но Шамохинъ едва слушалъ меня и недовѣрчиво
улыбался. Это былъ уже страстный, убѣжденный женоне-
навистникъ, и переубѣдить его было невозможно.

— Э, полноте! — перебилъ онъ. — Разъ женщина видитъ
во мнѣ не человѣка, не равнаго себѣ, а самца и всю свою
жизнь хлопочетъ только о томъ, чтобы понравиться мнѣ,
т. е. завладѣть мной, то можетъ ли тутъ быть рѣчь о пол-
ноправіи? Охъ, не вѣрьте имъ, онѣ очень, очень хитры!
Мы, мужчины, хлопочемъ насчетъ ихъ свободы, но онѣ
вовсе не хотятъ этой свободы и только дѣлаютъ видъ, что
хотятъ. Ужасно хитрыя, страшно хитрыя!

Мнѣ уже было скучно спорить и хотѣлось спать. Я по-
вернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

— Да-съ, — слышалъ я, засыпая. — Да-съ. А всему ви-
ной наше воспитаніе, бабенка. Въ городахъ все воспита-
ніе и образованіе женщины въ своей главной сущности
сводятся къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-
звѣря, т. е. чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла

побѣдить этого самца. Да-съ, — Шамохинъ вздохнулъ. — Нужно, чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другіе были всегда вмѣстѣ. Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Внушайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина, прежде всего, не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ. Приучайте ее логически мыслить, обобщать, и не увѣряйте ее, что ея мозгъ вѣситъ меньше мужского и что поэтому она можетъ быть равнодушна къ наукамъ, искусствамъ, вообще культурнымъ задачамъ. Мальчишка-подмастерье, сапожникъ или маляръ, тоже имѣетъ мозгъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ взрослый мужчина, однакоже, участвуетъ въ общей борьбѣ за существованіе, работаетъ, страдаетъ. Надо также бросить эту манеру ссылаться на физиологію, на беременность и роды, такъ какъ, во-первыхъ, женщина родитъ не каждый мѣсяцъ; во-вторыхъ, не всѣ женщины рожаютъ и, въ-третьихъ, нормальная деревенская женщина работаетъ въ полѣ наканунѣ родовъ--- и ничего съ ней не дѣлается. Затѣмъ должно быть полнѣйшее равноправіе въ обыденной жизни. Если мужчина подаетъ дамѣ стулъ, или поднимаетъ оброненный платокъ, то пусть и она платитъ ему тѣмъ же. Я ничего не буду имѣть противъ, если дѣвушка изъ хорошаго семейства поможетъ мнѣ надѣть пальто или подастъ мнѣ стаканъ воды...

Больше я ничего не слышалъ, такъ какъ уснулъ. На другой день утромъ, когда мы подходили къ Севастополю, была непріятная сырая погода. Покачивало. Шамохинъ сидѣлъ со мной въ рубкѣ, о чемъ-то думалъ и молчалъ. Мужчины съ поднятыми воротниками пальто и дамы съ блѣдными, заспанными лицами, когда позвонили къ чаю, стали спускаться внизъ. Одна дама, молодая и очень красивая, та самая, которая въ Волочискѣ сердилась на таможенныхъ чиновниковъ, остановилась передъ Шамохинымъ и сказала ему съ выраженіемъ капризнаго, избалованнаго ребенка:

— Жанъ, твою птичку укачало!

Потомъ, живя въ Ялтѣ, я видѣлъ какъ эта красивая дама мчалась на иноходцѣ, и за ней едва поспѣвали какіе-то два офицера, и какъ она однажды утромъ, во фри-

гійской шапочкѣ и въ фартучкѣ, писала красками этудь, сидя на набережной, и большая толпа стояла поодаль и любовалась ею. Познакомился и я съ ней. Она крѣпко-крѣпко пожала мнѣ руку и, глядя на меня съ восхищеніемъ, поблагодарила сладко-пѣвучимъ голосомъ за то удовольствие, какое я доставляю ей своими сочиненіями.

— Не вѣрьте,—шепнулъ мнѣ Шамохинъ:—она ничего вашего не читала.

Какъ-то передъ вечеромъ, когда я гулялъ по набережной, мнѣ встрѣтился Шамохинъ; въ рукахъ у него были большіе свертки съ закусками и фруктами.

— Князь Мактуевъ здѣсь! — сказалъ онъ радостно. — Вчера пріѣхалъ съ ея братомъ спиритомъ. Теперь я понимаю, о чемъ она тогда переписывалась съ нимъ! Господи, — продолжалъ онъ, глядя на небо и прижимая свертки къ груди: — если у нея наладится съ княземъ, то вѣдь это значить свобода, я могу уѣхать тогда въ деревню, къ отцу!

И онъ побѣжалъ дальше.

— Я начинаю вѣровать въ духовъ! — крикнулъ онъ мнѣ, оглядываясь. — Духъ дѣда Иларіона, кажется, напороочил правду! О, если бы!

На другой день послѣ этой встрѣчи я выѣхалъ изъ Ялты, и чѣмъ кончился романъ Шамохина — мнѣ неизвѣстно.

Оглавление

Х ТОМА.

	СТР.		СТР.
Всюда большой и Володя маленькій	3	Сосѣди	52
Учитель словесности	15	Три года	71
Въ усадьбѣ	39	Убійство	159
Студентъ	48	Ариадна	188

INSTITUT
DANIEL JAROSZ
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 70
Tel. 26-69-63

F.
24.113/10